

ЗДЕНЕК НЕЕДЛЫ

ИСТОРИЯ
ЧЕШСКОГО
НАРОДА

9149/
ИЧЗ

1700
ИЧЗ

ЗДЕНЕК НЕЕДЛЫ

ИСТОРИЯ ЧЕШСКОГО НАРОДА

20420

ТОМ
I

ЧЕХИЯ
В ДРЕВНЕЙШИЕ ВРЕМЕНА

Перевод с чешского
С. Н. ДЗЮБИНСКОГО и Т. А. ЕГЕРЕВОЙ

Под редакцией
В. Д. КОРОЛЮКА

Предисловие
академика Б. Д. ГРЕКОВА

ИБ ПНУС

309334

И * Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1952

9(n)
H-42

Zdeněk Nejedlý

DĚJINY
NÁRODA ČESKÉHO

Díl první

PRAHA

1949

БИБЛИОТЕКА
Ивано-Франковского
педагогического Института
Инв. 309334

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя З. Р. Неядлы, выдающегося чешского ученого и общественного деятеля, большого друга Советского Союза, хорошо известно советским людям.

Долгие годы борьбы и труда связывают его с коммунистической партией Чехословакии, возглавляющей сейчас борьбу чехословацкого народа за мир и социализм. В борьбе с идеологами отечественной буржуазии формировались не только политические взгляды З. Р. Неядлы, но и определялся круг его интересов как ученого.

Старый борец против фашизма, он в годы мюнхенского предательства был вынужден эмигрировать в СССР, где продолжал свою борьбу с чешской реакцией и германским фашизмом. В годы войны З. Р. Неядлы работал в Институте истории АН СССР и Московском государственном университете в творческом общении с советскими учеными.

После освобождения Чехословакии Советской Армией З. Р. Неядлы вернулся на родину, где возглавил Общество чехословацко-советской дружбы и специальный Советско-чехословацкий институт, имеющий своей задачей ознакомление трудящихся Чехословакии с научной и культурной жизнью Советского Союза.

В настоящее время З. Р. Неядлы возглавляет Министерство школ, наук и искусств Чехословацкой республики и является одним из руководителей строительства новой, социалистической культуры в Чехословакии.

Задуманный им многотомный труд — «История чешского народа», первый том которого предлагается вниманию советского читателя, явится одним из важнейших этапов в борьбе за новую, социалистическую культуру и науку Чехословакии.

Автор поставил своей целью создать новый труд по истории своей страны, который мог бы стать серьезным оружием в той борьбе с буржуазной идеологией и ее извращениями, которая развернулась сейчас в области науки и просвещения в Чехословакии.

В первой части своей книги «Чехия в древнейшие времена» автор поставил перед собой очень нелегкую задачу — исследовать с точки зрения марксистско-ленинского учения об обществе тот

период истории Чехии, который до сих пор в таком плане никем не изучался. Задача осложнялась тем, что по этому древнейшему периоду письменные источники либо совсем отсутствуют, либо сведения, содержащиеся в них, поверхностны и не всегда достоверны. Учитывая это обстоятельство, З. Р. Неedly подчеркивает, что разрозненные или случайные факты могут быть правильно оценены только в свете научной теории, которая с предельной ясностью устанавливает, что могло быть в данный отрезок времени и чего быть не могло при существующих условиях производства. «Новейшая методология опирается на законы исторического развития и учитывает внутренние закономерности явлений» (ч. II, стр. 192).

Для решения своей задачи автор, не имея письменных источников, привлекает все другие виды источников, какие только известны вообще, — археологические данные, топонимику, филологию, фольклор. Такой метод исследования позволяет ему сделать выводы, выгодно отличающиеся от выводов его предшественников, стоявших на иных позициях.

Наибольшее внимание автор уделяет археологическим памятникам. Он справедливо указывает, что до недавнего времени чешская археология, как и буржуазная наука вообще, не считалась совсем или мало считалась с той исторической силой, которую социалистическая наука выдвигает на первое место, — с трудом. Автор подчеркивает, что буржуазная археология «перестала быть исторической наукой» — «...буржуазные археологи зашли в своих толкованиях так далеко, что вообще отрицали за археологией право решать исторические вопросы, право освещать древнейшую историю страны и народа» (стр. 19). З. Р. Неedly, стоящий на иных принципиальных позициях, отмечает вместе с тем, что «после освобождения Чехии от гитлеровского господства молодая чешская археология в немалой степени уже освободилась от мертвящего формализма буржуазной науки и смело и успешно решает новые проблемы на пути к более правильному пониманию подлинной истории Чехии» (стр. 19).

З. Р. Неedly, показывая ошибки буржуазных археологов, в то же время удачно решает поставленную задачу — дать правильное освещение подлинной истории чешского народа. В своей книге, особенно в первой ее части — «Чехия в древнейшие времена», он использовал все, что до сегодняшнего дня дала чешская археологическая наука. З. Р. Неedly здесь очень хорошо показал, что может дать археология, как нужно ею пользоваться при решении вопросов, которые не освещены письменными источниками. Своей работой он окончательно ликвидировал ту пропасть, которая была искусственно вырыта буржуазной чешской историографией (как и буржуазной историографией вообще) между историей и так называемой предисторией, то есть той частью истории, которая не освещается письменными источниками. Благодаря его труду история Чехии в период первобытно-общинного строя включена как органи-

ческая часть в общий процесс исторического развития чешского народа.

Первая часть книги, по мысли автора, должна показать геологическую историю Чехии в тесной связи с трудовой деятельностью человека, обитавшего на чешской земле. Первая глава так и озаглавлена — «Геологическая история чешских земель». В ней автор показывает, как образовались горы, долины и реки на территории будущей Чехии, как создавались богатства ее недр, как развивались здесь флора и фауна, то есть все те природные условия, в которых пришлось жить первым людям, поселившимся здесь.

Во второй главе говорится уже о первых людях на территории Чехии, причем автор дает читателю не общие рассуждения на тему о появлении человека на данной территории, а приводит большой фактический материал по этому вопросу. Автор далек от мысли, что здесь, на чешской территории, человек был автохтоном. Не здесь он возник и развился, так как тут не было главного условия для возникновения человека — человекообразных обезьян.

Но не биологическое развитие человека интересует автора: его интересует человек, развивающийся в процессе трудовой деятельности, человек как производитель материальных благ; именно с этой точки зрения автор на основании изучения дошедших до нас каменных орудий производства находит возможным утверждать, что человек, который в погоне за зверем, обильно населявшим территорию Чехии, пришел сюда, находился уже на сравнительно высокой ступени развития, являлся членом общественной организации. В доказательство своего положения автор подробно анализирует данные раскопок в пещере Шипка у Штрамберка в области Моравских ворот и данные других раскопок.

Третья глава первой части книги — «Первые поселения» — также построена на конкретном археологическом материале. Автор, стремясь показать трудовую деятельность человека того времени, строит свое изложение на исследовании археологических памятников, сохранившихся на охотничьей стоянке в Пржедмости, где найдено огромное количество костей мамонта (больше 1000), зубра, носорога, медведя, льва, оленя, лося и др. Автор делает вывод, что такое обилие костей животных свидетельствует уже о наличии запасов, которые стал делать человек. Орудия производства, сделанные из кости, свидетельствуют о больших успехах в трудовой деятельности человека, который здесь жил и трудился в условиях родового строя. Статуэтки, носящие тотемический характер, украшения, предметы, указывающие уже на появление некоторых представлений, связанных с магией, позволяют автору сделать вывод о некоторых духовных потребностях человека этого периода. Приведенные примеры показывают, как тщательно автор отбирал археологический материал, как осторожно делал он свои выводы,

как убедительно строил свою аргументацию. В последующих главах этой первой части книги автор прослеживает развитие орудий производства, чтобы сделать вывод о производственных отношениях, характерных для человеческого общества той эпохи («От охоты к земледелию». «Век металла. От матриархата к патриархату»).

Начиная с главы VII автор касается сложнейших вопросов этногенеза. Перед ним стоит задача определить, из каких этнических элементов сложилась чешская славянская народность.

Полемизуя с буржуазными историками, пытавшимися разрешить эту проблему при помощи сличения черепов (длинноголовых и короткоголовых), он обращается к материалам археологическим. Эти материалы приводят автора к выводу о наличии на территории Чехии трех крупных племен: «Чехия, — читаем мы в книге, — около 1500 г. до н. э. была населена тремя народами. Центр и северо-запад были заселены коренным, издавна жившим здесь народом, который по уровню культурного развития можно назвать унетичским (от села Унетиче, где в 1879 г. было открыто кладбище и селение с памятниками бронзовой культуры. — Б. Г.); северо-восток и значительную часть востока занял народ полей погребений; юг же был заселен народом курганов» (стр. 86). Племена «полей погребений» (З. Р. Неэдлы называет их «народом полей погребений». — Б. Г.), по мнению автора, стали основой, от которой произошли славяне; от племен «курганов», по его же мнению, ведут свое происхождение кельты. В унетичских племенах он видит потомков первых людей, поселившихся в Чехии еще в ледниковый период. Сделанные автором выводы не являются простым предположением — автор собрал очень большое количество фактов, которые привели его к такому именно заключению.

Культура племен «полей погребений», называемая обычно «лужицкой» культурой, имеет много общего с позднейшей славянской культурой; на это указывает ряд признаков — многочисленность этих племен, преобладание земледелия, способ погребения (сожжение трупов), схожие жилища (хаты), типы городищ — черты, свойственные славянам, которые, как утверждает автор, и во времена, уже известные нам по письменным источникам, продолжали жить на тех же местах. «Мы имеем поэтому полное право, — пишет З. Р. Неэдлы, — ... считать народ полей погребений в Чехии прото-славянами, от которых исторически ведут свое происхождение подлинные славяне» (стр. 89).

В процессе изложения своего материала З. Р. Неэдлы, полемизуя с буржуазными историками, высказывает и свои теоретические соображения относительно происхождения народов. «Народ... формируется постепенно, часто из различных племенных элементов» (стр. 90). Вопрос о развитии народа нужно рассматривать «не статически, а динамически и, стало быть, исторически» (стр. 90).

Фактические данные о состоянии культуры племен «полей погребений» позволяют автору утверждать, что они уже на этой ступени развития ни в коем случае не были теми бедными «рыбаками, бортниками и пастухами, которые сами ничего не производили, а пользовались лишь благами природы; они не были убогими и нищими, какими их охотно изображала немецкая археология и этнография» (стр. 91).

Во второй части своей книги автор дает подробную характеристику племен «курганов», называя их «чешскими боями», «осевшими (на территории будущей Чехии) протокельтами» (ч. II, гл. VIII). «Мы не ставим своей задачей найти прародину боев, — пишет автор, — а хотим показать, как народ курганов в Чехии сформировался в исторических боев» (стр. 122).

В первой части книги автор лишь подчеркивает воинственность и богатство племен «курганов».

В дальнейшем автор высказывает суждение о том, что именно у этих богатых и воинственных племен появилось впервые деление на классы.

Дальнейший процесс формирования чешского народа, по мнению автора, заключался в постепенном сближении трех вышеназванных групп, в славянизации унетичских племен и племен «курганов».

В процессе слияния трех этнически отличных групп населения в единый чешский народ главную роль играли племена «полей погребений». «Этот процесс слияния имел поэтому немалое значение и для будущности славянства в Чехии. В изучаемое время был заложен уже фундамент для создания на территории Чехии не только единой, но уже чешской, славянской страны» (стр. 99).

В этот же период появляется железо, сыгравшее столь крупную роль в истории человечества. В Чехии и Моравии оказались богатые залежи этого металла. Появился железный плуг. Лошадь стала помощником человека. Улучшилось качество хлебных злаков. Усовершенствовано было оружие. Автор подробно останавливается на развитии духовной культуры, используя для этого особенно богатый материал, полученный в результате раскопок археолога Индржиха Ванкля в 1872 г., сделанных им в Бычьей скале. Он вскрыл кладбище и обнаружил жертвенник, что позволило ему говорить уже о наличии в Чехии жрецов и человеческих жертвоприношений. Поскольку Бычья скала находится на территории народа «курганов», то есть протокельтов, автор высказывает предположение, что жрецы эти были не кем иным, как известными нам друидами. И тут автор верен себе: он никогда не оставляет читателя без убедительных доказательств.

Изложив древнейший период истории чешского народа, З. Р. Неэдлы указывает, что с этого времени появляются и письменные свидетельства иностранных авторов, заинтересованных в событиях, развивающихся на территории Чехии.

Первую часть своей книги автор заканчивает особым «Заключением», в котором подчеркивает значение древнейшего периода истории Чехии, изучением которого старая буржуазная историография совершенно пренебрегала. Старая историография начала историю Чехии с боев и маркоманов, как будто до этого в Чехии никто и не жил. З. Р. Неедлы показывает важность изучения этого древнейшего периода, создавшего основу будущей жизни Чехии.

Вторая часть книги носит название «Чешские земли и античный мир». В ней рассматриваются взаимоотношения, существовавшие между населением чешских земель и Римской империей. Она заканчивается падением Рима и созданием средневековых, феодальных государств. Излагая историю борьбы «варваров» с рабовладельческим Римом, говоря о победе «варваров», в числе которых было и население, жившее в чешских землях, автор формулирует свою задачу так: «наша наука (имеется в виду буржуазная чешская наука. — Б. Г.), основываясь на античной истории, а не на истории чешских земель, освещала все события прежде всего с точки зрения интересов античного мира и в особенности Рима. Самый важный вопрос — вопрос о значении культурного, а впоследствии и политического влияния античного мира на историю чешских земель — оставался неразрешенным» (стр. 118).

В противовес этой концепции автор изучает жизнь местного населения и рассматривает «влияние античности с точки зрения отечественной (чешской) истории».

В этой части книги автор пользуется преимущественно данными письменных источников. Приведенные им высказывания греческих и римских авторов не просто цитируются, но критически разбираются.

Исследуя вопрос о соотношении римской культуры и культуры соседней с Римской державой области племен «курганов», автор указывает на чисто формальное восприятие племенами «курганов» греческих и римских образцов орнамента, украшений, оружия. Тут же автор уже совершенно определенно говорит об образовании на основе племен «курганов» кельтского племени боев, что и приводит его к выводу о кельтизации Чехии в этот период. Насколько большие успехи сделала кельтизация Чехии, видно из того, что в письменных памятниках появляется уже название будущей Чехии — «Бойохемум», то есть земля боев, под которой разумеется вся Чехия. Это происходило в V в. до н. э.

Автор подробно излагает взаимоотношения боев с Римом — то враждебные, то дружественные, но наибольшее внимание уделяет хозяйственным и культурным достижениям боев: росту земледелия и ремесла, начавшемуся отделению ремесла от сельского хозяйства, появлению городов. Большое внимание уделяет автор и духовной культуре боев.

Нашествие германцев затормозило дальнейший рост бойской культуры. На территории Чехии появились маркоманы. Один из вождей маркоманов, Маробод, объявил себя государем и стал во главе большого «варварского государства» со столицей в Маробудууме. Он подчинил себе боев, стоявших на несравненно более высокой ступени культуры, чем маркоманы. Зависимость Чехии от маркоманов продолжалась не долго, около 30 лет, и закончилась вместе с падением Маробода. Чешские земли оказались под властью Рима, хотя формально в состав Римской империи они не входили. Но сам Рим был уже не прежним Римом, перед которым трепетали три части света. Его могущество заметно падало, в то время как сила «варваров» росла. С помощью дипломатии, поставив себе на службу военный потенциал «варваров», он продолжал еще держаться, но дни его были уже сочтены.

Для чешских земель большую угрозу представляли германцы. Они не несли населению чешских земель, по убеждению автора, никаких культурных достижений, потому что сами находились на более низкой ступени развития, чем население Чехии. Но они несли с собой войну и угнетение. Германские захватчики овладели чешской землей и заставили ее население работать на себя. Но население чешских земель сохраняло свою культуру, несмотря на гнет завоевателей, и автор убедительно это доказывает в своей книге.

З. Р. Неедлы ведет борьбу со старой теорией, согласно которой появление в Чехии славян датировали VI или даже VII в. н. э. Он доказывает, что на территории Чехии издревле существовали племена «полей погребений», то есть протославяне, развитие которых продолжалось и в последующие времена.

Немецкая историография, под влиянием которой долго находились и чешские ученые, отрицала наличие славян на землях Чехии до VI—VII вв. на том основании, что о пребывании славян в Чехии до этого времени не упоминается в письменных источниках. З. Р. Неедлы решительно выступает против такой трактовки предмета. Он, между прочим, ссылается на мнение Л. Нидерле: «Какой абсурд! — восклицал Нидерле. — Если составить карту Восточной Европы I—II вв. н. э. — то есть того самого периода, о котором идет речь, — исключительно основываясь на сохранившихся свидетельствах, то в ней найдется место для всех существующих и воображаемых племен — германских, кельтских, литовских, финских, дако-фракийских и т. д., но только не для славян. А ведь в этот самый период Птолемей уже говорит о них, что это «народ превеликий», и через 300 лет этот действительно превеликий народ занимал уже почти всю Восточную Европу! Что же это за наука, что за метод, если они приводят к таким нелепостям?» (стр. 192).

З. Р. Неедлы апеллирует просто к здравому смыслу: если славяне спустя 300 лет обитали на огромных пространствах Европы, то они должны были быть могущественным народом и во II в. н. э.

И тут З. Р. Неедлы снова приводит слова Л. Нидерле: «Для меня это аксиома, постулат и предпосылка. Тут должны были быть славяне, несмотря на то, что исторически это не засвидетельствовано».

З. Р. Неедлы подкрепляет это положение ссылкой на археологические памятники племен культуры «полей погребений», которые нельзя не считать протославянскими. З. Р. Неедлы, наконец, утверждает, что эти племена, так же как и другие, слившиеся с ними и образовавшие народ чешский, не могли ни исчезнуть, ни уйти куда-либо: этому противоречат памятники археологические. Даже и сейчас, указывает З. Р. Неедлы, следы различий в этих трех этнически отличных областях обнаруживаются в современных чешских диалектах: «в диалектологическом отношении Чехия и сейчас делится на три основные области: юго-западную, средне-чешскую и северо-восточную» (стр. 195).

О наличии славянских племен в Чехии свидетельствует и топонимика, на которую автор тут же ссылается. В заключении второй части книги З. Р. Неедлы показывает падение Римской империи в связи с нашествием «варваров» и положение Чехии в эпоху переселения народов. Этим и заканчивается вторая часть первого тома. Древний период истории чешского народа завершился.

В книге З. Р. Неедлы впервые излагается подлинный ход исторического развития народа, жившего на чешской земле и впоследствии ставшего чешским, дается ясное представление о процессе образования этого народа, о его истории — древнейшей и древней.

В этом большая заслуга автора и ценность его книги.

Автору нередко приходилось прокладывать совершенно новые пути в науке, неустанно бороться с «научно» обоснованными предрассудками, а порой и явными искажениями.

В итоге им создана книга, освещающая по-новому, с научных позиций, не только жизнь чешского народа в древнейшие времена, но и процесс образования чешской народности.

В книге есть места, вызывающие некоторые замечания и ряд пожеланий. Очень важно было бы, например, точнее разграничить понятия рода и семьи (имеется в виду часть I, гл. III).

Автор слишком рано начинает говорить о появлении классов, причем, говоря о появлении классовых различий, не всегда выдерживает последовательность. При изложении периода перехода от матриархата к патриархату автор упоминает о «богатых и бедных, сильных и слабых, воинах и трудящихся» (ч. I, стр. 68), а в главе VII говорит о том, что только вместе с прибытием на территорию Чехии племен «курганов» прибыл и «слой господ, которых еще до этого не было в Чехии» (ч. I, стр. 81). Давая общую характеристику этой эпохи, автор называет ее «первобытной». Между тем в главе VIII, ч. I автор сам признает, что «неизвестно...

существовало ли уже тогда деление общества на тех, кто трудится, и тех, кто не трудится и живет чужим трудом» (стр. 97). Из этих высказываний автора следует, что он сам склонен считать этот период бесклассовым и, следовательно, приведенное выше упоминание о богатых и бедных излишне.

Следует отметить также, что автор, говоря о технике производства орудий в бронзовом веке, называет ремесленное производство «промышленностью». В данном случае речь может идти о начавшемся разделении труда в процессе ремесленного производства, а не о развитии «промышленности».

Недостаточно ясно раскрывает автор содержание таких понятий, как «племя», «народ», «нация». Некоторые характеристики, относящиеся к племенам и народностям, несколько неопределены — такие характеристики, как «простой народ», «богатый народ», «народ-воин», не дают ясного понятия о стадийном и культурном развитии данного народа.

Далее, автор едва ли прав, когда утверждает, что «роль так называемых «варварских племен» по праву расценивается в зависимости от того, как каждый из народов воспринял и развивал далее все заимствованное им из греко-римской культуры» (ч. II, стр. 117). Конечно, греко-римский рабовладельческий мир — это важный этап в истории человечества, с наследием этого мира историк считаться должен, но нельзя забывать и того, что «варварский мир» имеет в своем развитии свою собственную специфику, приведшую его к победе над рабовладельческим строем. «Варварский мир» создал более прогрессивную форму общественных отношений — феодальную. Измерять успехи «варваров» в их историческом развитии степенью усвоения наследия греко-римского мира нельзя.

Автор не остановился на вопросе о происхождении «дружин». А ведь это важный этап в истории военной организации, о нем недостаточно сказано в гл. II и III второй части. Едва ли можно говорить об образовании «особого слоя воинов» без всяких пояснений. Кто эти воины? На какой материальной базе они существовали? Это необходимо было бы объяснить.

Очень мало сказано о происхождении городов (ч. II, гл. III). Не совсем ясна мысль автора, когда он, делая различия между деревней и городом, пишет: «Однако население городов не являлось особым, социально обособленным слоем населения... Социального расслоения населения на горожан и сельских жителей еще не наблюдалось» (стр. 133). Между тем в книге очень подробно рассказано о жизни бойского города Страдонице с очень развитым ремесленным производством. Сам автор в заключение этого очень интересного раздела делает следующий вывод: «Таким образом мы можем установить, что чешские бои в своем культурном развитии стояли довольно высоко и что богатыми и во всех отношениях передовыми у боев были прежде всего их города» (ч. II, стр. 143). Города, несомненно,

успели уже образоваться, это были уже настоящие города, и появление их было результатом отделения ремесла от сельского хозяйства.

В главе VII, ч. II «Чешские земли под властью Римской империи», автор стремится показать воздействие римской, более высокой культуры на культуру населения чешских земель и очень мало говорит о соотношении двух миров — рабовладельческого и «варварского». Отношения между ними представлены в этой главе несколько идиллически. «Более высокое экономическое и культурное развитие римлян являлось важным фактором, умело используемым римлянами для достижения своих целей, для подрыва позиций противника («варваров». — Б. Г.) изнутри. Высокая культура римлян обладала для местного населения притягательной силой...» (стр. 163).

«Варварские племена» в изображении автора приходят в восторг от римской культуры.

Едва ли можно согласиться с положением автора, когда он в доказательство любви славян к Риму ссылается на выражение восторга на лицах «варваров» (славян), обращенных к своему господину — Траяну. Ведь этот барельеф на колонне Траяна был высечен римлянами-победителями!

Несомненно, римская культура производила сильное впечатление на «варваров»: недаром многие из них очень старались ей подражать, но все же картина, представленная автором, получилась не совсем верной, потому что не подчеркнута другая сторона дела. «Варвары» не могли не видеть, что эта высокая культура служит только классу рабовладельцев, который считал, что «варвары самой природой предопределены к рабству». Не могли не заметить «варвары» и того, что массы угнетенного римского населения с нескрываемой симпатией относились именно к «варварским» порядкам и бежали из Рима к «варварам».

Бесспорно высокий уровень греко-римской культуры и ее влияние на соседних «варваров» не должны, однако, заслонять другую и очень важную сторону дела.

Правда, в VII главе (ч. II) говорится о насилиях римской администрации, доведшей местное население до восстаний, но основная причина, делавшая невозможным мирное сожительство этих двух миров, остается недостаточно раскрытой.

И в главе «Германцы и чешские земли» подчеркнута также лишь одна сторона вопроса. Основная мысль, проводимая автором, заключается в том, что римская культура оказала благотворное влияние на культуру населения чешских земель в противоположность германской культуре, которая стояла ниже культуры населения, жившего в Чехии, и ничего не дала ему, кроме гнета. Культурное превосходство населения чешских земель по сравнению с германцами автор доказал многими фактами, но он не обратил внимания на то, что все «варвары», в том числе и германцы и население чеш-

ских земель, имели нечто общее, что позволило им в конечном счете активно участвовать в ликвидации рабовладельческой Римской державы и сделать тем самым большой шаг вперед в истории человечества.

Такая односторонность, повидимому, объясняется тем, что автор главное внимание в своей книге обратил на развитие культуры у племен, от которых произошла чешская народность, не подвергая столь же детальному изучению культурное развитие других, соседних племен.

Правда, в книге есть места, где говорится совершенно четко о рабовладении и феодализме, но мне кажется, что соотношение двух миров, одного умирающего, другого молодого, жизнеспособного, не стало стержнем в главах, касающихся Рима и варваров. В главах XIII «Падение Рима. Переселение народов» и XIV «Конец древнего периода истории Чехии» излагается, в основном, политическая сторона этого процесса. Особенно это относится к главе XIII. В главе XIV несомненно преувеличено значение культурного влияния готов в Причерноморье для исторического развития славянских племен. Возражение вызывает также трактовка автором христианства в Римской империи как проповеди социальной революции.

При переводе I тома «Истории чешского народа» произведены некоторые сокращения — целиком опущен первый раздел книги — «Введение», в котором автор дает характеристику источников и историографии, посвященных истории Чехии VII—XX вв., то есть как раз тех периодов, которые не освещаются в публикуемой книге.

* * *

Книга З. Р. Неядлы написана в духе непримиримой борьбы со всякого рода искажениями в освещении хода исторического развития. В ней затронуты много острых вопросов, волнующих нашу современность, на которые автор с полемической заостренностью дает ответ, разоблачая многочисленные враждебные марксистской исторической науке теории буржуазных чешских и немецких историков и археологов.

З. Р. Неядлы очень энергично и удачно разоблачает тенденциозность немецкой историографии в вопросе о роли славянства в мировой истории. Он убедительно и правдиво показывает выдающуюся роль славянства в мировой истории уже в те отдаленные времена. Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что книга З. Р. Неядлы в целом создает правильную перспективу для изучения следующего периода истории Чехии — периода становления феодальных отношений и образования чешской государственности.

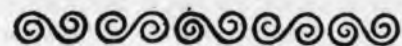
Подчеркивая выдающуюся роль славянских народов в древнейшей истории Европы, указывая на высокий уровень самобытной

культуры раннего славянства, З. Р. Нееды вносит большой вклад в дело разоблачения той фальсификации исторической роли славянских народов, которая проводится в наши дни англо-американскими поджигателями новой мировой войны, опровергает всяческие измышления о якобы исконной отсталости и неспособности славянских народов создавать и развивать свою собственную науку и культуру.

Книга З. Р. Нееды, основанная в значительной мере на археологическом материале, дающая новое освещение древнейшей истории Чехии, вызовет большой интерес у советского читателя.

Б. Греков.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВОБЫТНОЕ ВРЕМЯ

ВВЕДЕНИЕ

Рассматривая историю с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; поскольку существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга¹, — указывают Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», резко критикуя немецкую идеалистическую философию.

Однако историки, особенно чешские, мало считались с этой великой истиной. Они изучали историю природы — есть довольно подробные описания естественной истории чешских земель, — история же людей изучалась отдельно; взаимосвязи между обеими сторонами истории не были до сих пор исследованы. Между тем именно в Чехии такое исследование является необходимым условием для правильного понимания человеческой истории. Это относится не только к древнейшим временам, когда человек вообще был только частью природы, но и к более позднему времени, когда человек вступил в борьбу с природой — а мы увидим, что это произошло очень рано, — причем в процессе борьбы природа оказала огромное влияние на развитие человека.

В эпоху, когда человек только появился на чешской земле, природа была еще далеко не такой, какой она является в настоящее время. Не было прежде всего столь благоприятных, как теперь, условий для жизни человека, для осуществления его стремлений к прогрессу. Именно человек преобразовал природу, придав ей современный облик. В свою очередь природа с ее богатствами дала возможность человеку стать тем, чем он является ныне. И теперь, когда люди в своем историческом развитии достигли огромных успехов, преобразование природы продолжается.

Но какой поистине потрясающей была история природы, особенно история борьбы человека с нею! Образование земной коры и дальнейшее ее формирование, прежде чем она приняла свой нынешний облик, происходило чрезвычайно бурно; деятельность могучих созидательных сил природы чередовалась с действием не менее мощных сил разрушения; периоды процветания чередовались

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 8, 1933.

с периодами катастроф, яркий солнечный свет сменялся продолжительной тьмой, и все это совершалось в таких грандиозных масштабах, какие только возможны в природе. Время же, в течение которого происходили эти великие события, исчисляется не веками, а миллионами лет. Что же касается жизни человека в эти отдаленные времена, то и она подвергалась очень тяжелым испытаниям. Дело здесь доходило до таких столкновений и битв, крупнее и значительнее которых едва ли можно найти в области собственно человеческой истории. Долгое время была под угрозой самая возможность существования человека на земле, стоял вопрос о том, сумеет ли человек отвоевать у природы свое право на жизнь.

Наконец (как мы это себе представляем) природа приобрела современный вид, и руководящей силой истории становится человек. И все же, хотя природа стала уже больше объектом истории, чем субъектом, борьба со стихией не прекращается до настоящего времени. И ныне, как об этом свидетельствуют катастрофической силы подземные толчки в горах, а также другие грозные явления природы, происходит все та же борьба, часто не на жизнь, а на смерть.

Но даже тогда, когда борьба завершается победой человека над природой, именно природа дает человеку материальные средства для развития человеческой цивилизации, а стало быть, и человеческой истории.

В первом томе «Истории чешского народа» рассматривается поэтому прежде всего эпоха, в течение которой природа вообще была полной владычицей земли, вплоть до того великого исторического момента, когда появился человек. Далее следует эпоха первых битв человека с природой — от все еще продолжавшегося преобладания природы, затем от времени непрерывно нарастающих схваток человека с природой до того времени, когда человек сам начал подчинять природу своей воле и, в соответствии со своими потребностями, устроил свою жизнь, пройдя определенные стадии общественно-экономического развития.

Древнейшая история Чехии, однако, излагается в этой книге совершенно иначе, чем ее излагали до недавнего времени представители чешской археологической науки. Буржуазная археология, как и вообще буржуазная наука, вовсе не считалась или очень мало считалась с той исторической силой, которую социалистическая наука выдвигает на первое место, — с трудом. Между тем в процессе труда человек совершенствовал и свою собственную природу. В зависимости же от труда, то есть способа, характера и задач производства, уже с самого начала человеческой истории изменялся и общественный строй.

Чем дальше, тем больше буржуазная археология переставала быть исторической наукой. Не считаясь с тем совершенно непреложным принципом, что в древнейшие времена — в течение длительного времени исключительно, а затем преимущественно — основой развития человеческого общества была борьба за существо-

вание и служившие этой задаче производство и труд, буржуазная археология все более и более впадала в чистый формализм. Особенно это сказывалось в трактовке вопросов, связанных с керамикой, которую археологи рассматривали исключительно с точки зрения развития форм, не считаясь с тем, что эти формы отражали определенные производственные процессы. Исследование этих форм носило также чисто механистический, неисторический характер.

Не признавая труд основой развития человеческого общества, буржуазные археологи считали, что каждая или почти каждая смена форм керамических изделий свидетельствует о появлении другого народа, другого племени, словно у одного и того же народа или племени развитие керамики не было следствием изменения и развития его производства. Буржуазные археологи зашли в своих толкованиях так далеко, что вообще отрицали за археологией право решать исторические вопросы, право освещать древнейшую историю страны и народа и рассматривали археологию только как науку о развитии форм.

Настоящий труд будет поэтому коренным образом отличаться по своему характеру от работ буржуазных археологов, взгляды которых в течение долгого времени считались в Чехии официальными.

Мы можем, однако, с радостью отметить, что после освобождения Чехии от гитлеровского господства молодая чешская археология в немалой степени уже освободилась от мертвящего формализма буржуазной науки и смело и успешно решает новые проблемы на пути к более правильному пониманию подлинной истории Чехии.

Древнейшая история Чехии — это история природы и история человеческого труда, а следовательно — первых объединений людей на территории Чехии.

Глава I

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЧЕШСКИХ ЗЕМЕЛЬ

На основании современных геоморфологических исследований можно довольно точно проследить геологическую историю Чехии и прилегающей к ней Моравии с самого их возникновения, то есть с образования земной коры. Там, где ныне расположена Чехия, уже в глубокой древности скопились породы, из которых в течение миллионов лет природа, как великолепный художник, создала чешские горы и равнины. Можно также проследить дальнейшие изменения, которые совершались в этом массиве. На больших глубинах, под постоянным давлением соседних массивов и под влиянием высокой температуры, а также под воздействием термальных вод происходила кристаллизация различных веществ, пока из них не образовался сланец, который вследствие процессов горообразования оказался на поверхности; сланец — порода, типичная для горных массивов Чехии. В результате дальнейшей вулканической деятельности образовались гранитные массивы, не менее типичные для ландшафта страны. Таким образом, по весьма приблизительным вычислениям геологов, более чем миллиард лет назад было положено начало образованию поверхности земной коры, часть которой стала территорией Чехии. В дальнейшем природе нужно было создать из этого материала те чудесные формы земной поверхности, какие только одна она могла создать и которые так характерны для чешской территории.

Процесс образования современного рельефа страны начался в незапамятные времена, уже в древнейшую эру первичного образования гор (палеозойская эра), в так называемый кембрийский период. Уже тогда в результате непрерывной вулканической деятельности в Чехии образовался горный кряж, который потом в течение миллионов лет оставался главной ареной проявления творческих сил природы. Этот кряж — современные Брды, древнейшая горная цепь в Чехии — тянулся от центра страны на запад и юго-запад. Недра этого горного кряжа содержат богатые залежи минеральных ископаемых. Наибольшее значение для дальнейшего экономического развития Чехии имели железные руды в крживоклатско-рокицанской и серебряные в пржибрамской зоне. Уже сотни миллионов лет назад в Чехии начали отлагаться эти мине-

ральные богатства, которые в дальнейшем способствовали росту благосостояния страны, продолжающемуся и в настоящее время. В течение долгого времени территория нынешней Чехии оставалась, однако, пустынной. Это была мертвая земля, без растений и животных. Жизнь появлялась здесь сначала едва заметно, и первые признаки жизни нужно отнести к тому же кембрийскому периоду. Когда в течение кембрийского периода наступило сравнительное затишье, на месте нынешнего чешского плоскогорья образовалось неглубокое море, которое было относительно мелким при сравнительной высоте чешского плоскогорья. На дне этого моря стали оседать характерные для современных чешских земель отложения — глины, пески и известняки.

Особенно важным было то, что море занесло сюда и первые организмы, первые живые существа. Это была морская фауна простейших, первичных ракообразных — трилобитов. На суше в те времена не было еще никаких признаков жизни. Но и появление этой фауны было величайшей вехой, величайшим событием в истории чешской земли. На территории нынешней Чехии появились первые живые организмы.

Море исчезло с этой территории, но жизнь больше уже никогда не прекращалась на чешских землях. Животный мир продолжал развиваться и после обмеления моря. Появились новые виды животных — головоногие, слизняки, позднее — панцирные рыбы, кораллы. К этому же времени относится появление первых растений, развивается простейшая флора. Так возник весьма своеобразный животный мир, который в сочетании с особенностями геологического развития Чехии получил и собственное название — «чешский силур». «Чешский силур» приобрел всемирную известность своим необычайным богатством форм и видов, а также благодаря тому, что он представляет собой картину непрерывного развития одной и той же области на протяжении ста миллионов лет.

Французский геолог Барранд посвятил исследованию этого единственного в своем роде периода всю свою жизнь и прославил «чешский силур» на весь мир. На основании его исследований продолжалось дальнейшее, еще донныне не завершенное изучение этих древнейших минеральных и палеонтологических богатств чешской земли.

В Моравии в девонский период также образовалась геологически богатая область, простирающаяся от Брно через Оломоуц и Пржееров до Границе и Олавско, с не меньшим, чем в Чехии, обилием ископаемой фауны. Замечательные известковые отложения девонского периода в Моравии получили всемирную известность. В Моравском Красе, в прославленном Слоупске и в других пещерах имеются относящиеся к этому же времени исключительные, совершенно фантастической красоты сталактиты самых разнообразных размеров, форм, красок и сочетаний — подлинное чудо художественного творчества природы, — вызывающие удивление

во всем мире. Эти пещеры в более поздний период послужили появившемуся на территории Чехии первобытному человеку первым, редким в те времена, убежищем. Богатства эти, залежи полезных ископаемых в чешских землях, создавались в весьма отдаленные времена, отстоящие от нас примерно на 500—300 млн. лет.

Этим и завершился первый, сравнительно спокойный период в геологической истории Чехии и Моравии. Уже в конце девона и далее, в каменноугольный период, начинается следующий этап в истории нашей земли; это был период новых катастроф.

Продолжавшаяся перекристаллизация пород, возраставшее давление соседних массивов и, наконец, незатухавшая вулканическая деятельность способствовали тому, что на всем протяжении Центральной Европы, от французских Вогезов, через Центральную Германию и весь чешский массив, вплоть до Силезии, рядом с древними Альпами поднялась параллельно другая мощная горная цепь. Частью ее являлись нынешняя Шумава и Чешский Лес, Рудные, Лужицкие и Изерские горы, Исполинские (Крконоши) и Орлицкие горы, Чешско-Моравская возвышенность и Есеники. Именно тогда, то есть около 200 млн. лет тому назад, образовались столь типичные для Чехии пограничные горы. Этим, однако, геологические процессы не закончились.

При такой страшной ломке пород на вершинах гор нагромодилось огромное количество каменных глыб. Мороз, вода и солнце превращали скопившиеся там горные породы в более мелкие обломки. Вода и ветер всю эту массу щебня сметали с гор вниз, на равнину, засыпая ее так высоко (например, высота Пльзенского бассейна доходит до 800 м, а Кладненско-Раковницкого даже до 1350 м), что горы почти совсем исчезли. Чешский массив опять изменился, превратившись лишь в слабо пересеченную, но высоко поднятую поверхность, находящуюся почти на уровне гор.

Это была пустыня, море камня. Потоки периодических ливней испарялись от лучей палящего солнца, едва коснувшись раскаленной поверхности земли. Чешская Сахара — так не без основания называют чешские земли того времени.

И все-таки эта, казалось бы, ужасная катастрофа не прошла без пользы для Чехии, увеличив ее природные богатства. В долинах, у водоемов, при господствовавшем здесь в те времена жарком климате бурно развивалась богатая флора. Особенно буйно развивались тайнобрачные растения. Хвощи, плауны, папоротники приобретали величину и крепость деревьев. То, что происходило на территории Чехии и Моравии, происходило также и на территории, находящейся к востоку от чешского массива, в моравско-силезской области, где этому буйному расцвету флоры благоприятствовало наличие озер и топей, образованных то здесь, то там наступавшим и вновь отступавшим Силезским морем.

Затем все это исчезло, все вокруг было засыпано камнем. Но процесс развития продолжался. Древоподобные хвощи, плауны,

папоротники и другие растения в глубинах земли превращались в каменный уголь. Так образовались прославленные каменноугольные бассейны: в Чехии — Кладненский, Пльзенско-Ныржанский, Радницкий, Сватоньовицко-Жацлержский, в Моравии — Росицко-Ославанский и в Силезии, в стране богатейшей флоры, — обширнейшие и богатейшие Верхне-силезский и Моравско-Оставский бассейны. Бассейны эти и теперь — и чем дальше, тем более — являются источником богатства Чехии.

В таком виде, лишь с небольшими изменениями, чешские земли пребывали в течение многих десятков миллионов лет. В Подкрконошах (наиболее высокая точка — пик Козакова) образовались в пермских слоях широко известные и ныне еще знаменитые чешские самоцветы — агаты, яшмы, колчедан, аметисты. Когда же в последний, меловой, период мезозоя большая часть поверхности Чехии и Моравии снова была затоплена хлынувшим сюда Верхнесилезским морем, оставшимся здесь в течение нескольких миллионов лет, непрерывное наступление моря на сушу сгладило не только вершины гор, но в большей степени, чем прежде, сравняло чешское плоскогорье. В результате этого процесса образовались хорошо сохранившиеся до сих пор равнины — у Праги (равнина Белой горы), в Исполинских горах и на Чешско-Моравской возвышенности. Отложения этого моря, высоко расположенного и, стало быть, неглубокого, были необычайно обильными. Мощные пласты песчаника образовались у устьев рек. Из них позднее, в результате воздействия разрушительной силы воды, морозов, обвалов и вулканических процессов, образовались единственные в своем роде отложения чешского песчаника; это — Чешско-Саксонская Швейцария, Чешский Рай с Праховскими скалами, Теплицкие и Адрсбашские скалы, Осташи и Броумовские Стены и другие, небольшие, но не менее разнообразные области отложения песчаника, к числу которых также относится Будислав в Литомышльском районе.

В этих местах повсюду возникали существующие до сих пор «скальные города» с причудливо-смелыми и бесконечно разнообразными очертаниями — лучшее доказательство того, как далеко простирались границы мелового моря в Чехии. В Моравии, в Бескидах, следует указать на многочисленные и богатые месторождения сферосидоритов (железной руды), которые спустя миллионы лет стали базой, ныне столь знаменитой, силезско-моравской промышленности.

Еще до окончания мелового периода море начало отступать с территории Чехии. Чешский массив стал опять выветриваться и вновь приобрел вид равнины, расположенной на высоте 600—700 м над уровнем моря, почти на высоте современного пика Козакова или Железных гор. Но затем, в третичный период, чешский массив претерпел новое, третье и последнее, превращение. Постоянные мощные горообразовательные процессы в области Альп привели к тому, что эта самая крупная европейская горная система

продолжала развиваться далее. При этом собственно чешский массив не был поколеблен — давление для этого было недостаточно сильным. Но на востоке за чешским массивом образовалось продолжение альпийских гор — Карпаты. Они заняли, правда в главной своей части, другие земли — современную Словакию, однако их возникновение имело немалое значение и для формирования восточной Моравии. Прежде всего здесь возникли получившие впоследствии столь важное историческое значение так называемые «Моравские ворота». Это — низменность, тянущаяся от Моравской Остравы на юг, к Пржерову, и отделяющая чешские горы (Есеники) от новых гор — Карпат. Так между обоими этими горными хребтами появились «ворота», через которые легче всего можно было проникнуть внутрь чешских земель. Они стали в то же время и соединительным звеном между равниной к северу от чешских гор и равниной к югу от чешских земель. Позднее, спустя тысячелетия, именно эту роль и играли Моравские ворота.

С процессом образования Карпатских гор связан процесс возникновения в Моравии целого ряда гор и холмов. Поднимаются Радгошть и Гостын — возвышенности, ставшие позднее известными в истории. На моравско-словацкой границе поднялись также Яворники и дальше, в юго-западной Моравии, Хржибы с известной вершиной Бухловом.

Давление Альп на чешский массив не прошло без глубоких последствий для рельефа чешских земель. Это давление было такой силы, что в чешском массиве местами началось глубокое опускание; больше всего опусканий было в центре страны, в современном Полабье. Здесь возникло целое звено погрузившихся бассейнов — от Пардубицкого, через Подебрадский, и до равнины нижней Влтавы (Мельницко), где чешский массив опустился на глубину до 200 м (при первоначальной высоте 600—700 м). Но и на севере произошло большое опускание — образовалась впадина от Лужицких гор до Ештед и Козакова, с продолжением на восток, где возникла Кралевоградская равнина, примыкающая к Полабской равнине. Далее, на северо-западе произошло опускание участка под Рудными горами, а на юге — в ряде бассейнов, главные из которых — Тржебонский и Будеевицкий. Отсюда и типичная для чешских земель умеренная волнистость равнин, явившаяся следствием больших опусканий, происшедших при их образовании.

Значительно преобразились тогда и чешские горы. Вследствие сильного давления появились трещины и разрывы, которые превратили единый по происхождению горный хребет в ряд отдельных чешских гор: современная Шумава, Чешский Лес, Смрчины, Рудные горы, Лужицкие горы, Изерские горы, Исполинские горы, Орлицкие горы, Есеники. Чешско-Моравская возвышенность, по происхождению своему являвшаяся также частью этой горной системы, совершенно обособилась. При этом она не только была отторгнута от остальных гор. Ее прямо разметало, и она

перестала быть в подлинном смысле слова горным кряжем, превратившись в простую возвышенность.

Однако, с другой стороны, после того как опустилась центральная часть Чехии, чешские горы снова стали подлинными горами, возвышающимися над равнинами и долинами страны. Так образовался вокруг Чехии вал, который впоследствии приобрел серьезное значение для дальнейшей истории чешской земли: он стал как бы защитой от набегов чужеземцев и как бы спланировал тех, кто жил внутри этого вала. Образовавшиеся между чешскими горами разрывы дали определенное направление столь важным для исторического развития Чехии путям из одной страны в другую.

Описанные выше процессы привели к усилению вулканической деятельности, сильно изменившей поверхность чешской территории. Возникло чешское Среднегорье — исключительная по красоте форм система отдельных овальных холмов на чешском северо-западе. С древнейших времен одиночные базальтовые горы, возвышаясь среди равнин, привлекали к себе внимание своим необычайным видом и играли в истории значительную роль. Наибольшую известность из них приобрел Ржип, затем — Бездез, Троски, Кумбурк, гора Кунетицкая. Они приобрели историческую известность.

И в недрах земли произошли серьезные преобразования, из которых наиболее важным был процесс возникновения обширных бассейнов бурых углей в Рудногорной впадине. Под влиянием скопившихся вод из остатков растений образовались на большом пространстве пласты бурого угля мощностью почти в 40 м, особенно значительные в бассейнах Мостецко-Духцовском. Фалькновском и Хебском. Тем самым природа заложила основу для будущего промышленного развития Чехии.

Аналогичный процесс происходил и в других местах, хотя и не везде он достигал такой степени. Так, например, в Южно-Чешском бассейне образовалось Будеевицкое месторождение бурого угля и других, ныне весьма нужных Чехии полезных ископаемых. Не меньшее значение, чем горы, расположенные на границах Чехии, имели воды в истории чешской земли. Море больше уже на заливало Чехию. Из венского бассейна оно проникло только в Моравию, открытую с юга. Разлившись здесь, оно через Брно и Евичко дошло до самых чешских границ, а у Чешского Тржебова переплеснуло через них. Через Моравские ворота в Моравию проникло и Верхнесилезское море, которое затем соединилось на востоке с Галицким морем. Галицкое море в свою очередь соединялось с Понтийско-Каспийским и Русским морями. Таким образом, Чехия имела в то время доступ по морю к далеким восточным странам. О том, какое значение море имеет для страны, можно судить по тому, сколько усилий прилагает ныне Чехия, чтобы получить доступ к морю и иметь возможность пользоваться его благами. В меловой период связь между Галицким и Русским морями была нарушена, что само по себе ослабило значение Моравско-силезского моря, превратившегося в чисто

внутреннее море. Лишенное затем притоков, это море стало постепенно высыхать и распалось на отдельные озера, которые впоследствии — подобно озеркам под Рудными горами, в Полабье и на Южно-Чешской равнине — все более сокращались в объеме и, наконец, высыхали. От них остались обширные трясины и болота, особенно типичные для Чехии на заре ее истории.

Тем большее значение приобретали в те времена реки. Однако они не скоро получили то направление и ту быстроту своих вод, какие имеют теперь. До тех пор пока чешский массив представлял собой ровное, высокое плоскогорье, течение рек было очень медленным, ленивым, а русла у них были мелкие, не уходящие глубоко в почву.

В это время вообще не было еще речных долин, которые потом, при заселении чешских земель, сыграли столь большую роль. Но и направление рек было совершенно иным, чем теперь. Они брали свое начало на возвышенности, находящейся в центре страны, и текли к ее границам. Не задерживаемые горами, они через Рудные горы текли в Саксонию и Тюрингию, а через Вшерубские ворота в Баварию. На юге реки пересекали венскую равнину и по Чешско-Моравской возвышенности текли в Моравию. Если можно уже в те времена говорить о Лабе (Эльбе), то и она текла в Моравию. Только после того как было расчленено чешское плоскогорье и поднялись окраинные горы, изменилось это направление чешских рек. Оно стало приближаться к направлению нынешних рек, имеющих столь важное значение для истории чешской земли.

При новом наклоне поверхности — от пограничных гор к впадинам в центре Чехии — реки начали течь как раз в обратном, чем прежде, направлении, именно в том, в каком текут теперь. И Лаба, принявшая в себя воды разбросанных по Полабской равнине озер, повернула свое русло от пограничных гор в глубь страны. Из южных озер воды потекли к центру страны. Так образовалась Влтава, которая в дальнейшем своем течении захватила и Сазаву, собирающую воды из юго-восточной Чехии, и Мже, вбирающую в себя значительное скопление вод из западной Чехии. Стоком вод из озер под Рудными горами была образована нынешняя Огржа. Таково происхождение чешской системы рек. Реки, подобно горам, определяют границы страны. Вместе с тем сеть взаимно дополняющих друг друга рек придает стране единство. Это обстоятельство впоследствии, после экономического и политического объединения страны, имело не меньшее, а возможно и большее значение, чем горы, находящиеся на границах Чехии.

То же самое видим мы и в Моравии. С появлением Карпат здесь определилось течение современных рек Ганы и Бечвы, собирающих воды у подножья моравских Карпат и на равнине между чешским массивом и Карпатами. Свратка и другие, меньшие реки и речушки Чешско-Моравской возвышенности устремляются к Дые. Не было тогда еще только реки Моравы. Водная си-

стема здесь образует удивительное единство. Жилками единого, прекрасно созданного листа кажется сеть моравских рек. Да и сама граница между Чехией и Моравией, естественно, скорее определяется реками, нежели горами. Границы моравской земли находятся там, откуда текут воды в Мораву.

Органический мир в чешских землях мезо-кайнозойского периода также бурно развивался. Растительность была уже не просто очень богатой. Такие находки, как оттиски сосновых шишек, доказывают, что здесь были уже и хвойные леса, ставшие впоследствии столь типичными для Чехии. Развивался и животный мир. Продолжало увеличиваться не только количество пресмыкающихся, земноводных и рыб, но появились уже и млекопитающие: в Моравии — различные виды животных, схожих с быками и оленями, в Чехии — родоначальники вепря. Необычайно жаркий климат привлекал сюда в те времена, особенно в Моравию, и тропических животных. Жили здесь и разновидности слона, льва, тигра, гиены и носорога.

Так чешская земля вступила в последний, донныне продолжающийся, четвертичный геологический период. Происходившие в этот период грандиозные перемены в природе теперь уже непосредственно касались человека.

В связи с началом нового цикла появления солнечных пятен и под влиянием поднятия новых и весьма высоких гор с ледяным покровом на их вершинах произошло похолодание; вслед за тропически жарким климатом наступил период резкого похолодания, что привело к почти полному оледенению Европы. Для истории чешских земель чрезвычайно важное значение имело то обстоятельство, что они, вместе с незначительной частью территории Европы, не были покрыты ледником.

Гигантский ледник, спускавшийся со Скандинавии к югу и покрывший всю Германию, остановился у чешских гор. Только Шлукновско и Фридландско, лежавшие позади этих гор, были им захвачены. Иначе говоря, ни Рудные горы, ни Лужицкие или Изерские горы, ни, разумеется, Исполинские горы не пропустили этот ледник в Чехию. Он двинулся мимо них дальше, мимо Орлицких гор и Есеников, на юго-восток, туда, где нашел свободный путь, — к Моравским воротам, через которые проник в Моравию. Но и здесь он захватил лишь сравнительно узкую полосу — от Моравской Острова и до Пржерова и Тиштина (где найдены запесенные им куски красного скандинавского гранита длиной почти в 2 м) — и остановился у Хржибецких гор. Альпийский же ледник, который кое-где двинулся в глубь близлежащих земель (во Франции его границы проходили за городом Лионом), также не дошел до южных чешских гор.

В Чехии, очевидно, не было условий ни для образования больших ледников, ни, следовательно, для оледенения. Объясняется это, быть может, тем, что чешские горы уже давно пережили тот период

сильного поднятия и, стало быть, быстрого охлаждения, который наблюдался в Альпах. Местами все-таки некоторые горы в Чехии попали в зону оледенения: это были, повидимому, Рудные горы, быть может, Шумава и особенно Исполинские, где ледник ринулся с гор в долины, вырывая по дороге знаменитые крконошские котлы (Котельные ямы на южном, Снежные ямы на северном склоне Исполинских гор), и через долину в верхнем течении Лабы (Аварской долиной) спустился к самому подножию Исполинских гор, где от него остались многочисленные морены, которые можно видеть и поныне. На Шумава остатками шумавского ледника являются известные Шумавские озера.

Необходимо подчеркнуть, что оледенение это было незначительным по сравнению с остальными частями Европы и носило локальный характер. Собственно чешские земли, кроме узкой полосы в Моравии, остались вне зоны оледенения. Это, разумеется, не означает, что период оледенения не оказал никакого влияния на чешские земли. Однако это влияние было здесь прямо противоположным тому, какое наблюдалось в других местах. Если оледенение в других странах причинило большой вред, а иногда даже совершенно уничтожило жизнь, то на территории Чехии, не подвергшейся оледенению, в этот период отмечается усиленная жизнедеятельность. Этому способствовали и геологические изменения, происходившие в описываемое время. Прежде всего, здесь образовались тогда речные долины. При таянии льдов в пограничных областях реки становились необычайно многоводными. Они размывали совершенно новые русла, гораздо более глубокие, чем старые, сравнительно мелкие. Этот процесс трижды повторялся при каждом новом таянии льдов. В результате образовывались три террасы, прежде чем река входила в свое окончательное, нынешнее русло.

О том, насколько бурной была деятельность рек, свидетельствуют террасы Влтавы в Праге. Первая терраса расположена у Ольшан и Панкраца, на высоте 80—90 м над нынешним уровнем реки, вторая на высоте 50 м и, наконец, третья — на высоте 10—15 м над современным уровнем Влтавы. Таким же образом происходило образование русла Лабы и других больших рек. Дело было, однако, не только в образовании более глубокого русла рек. Позднее человек оседал на берегах рек, и его продвижение по земле происходило прежде всего вдоль рек. Он использовал долины рек в соответствии с их естественными возможностями, определяемыми их течением, берегами и т. д. В тех местах, где долины расширялись, человек основывал поселения (не случайно Прага была основана там, где она находится сейчас, а не на другом месте), а там, где они были узки и реки имели крутые берега, он возводил оборонительные укрепления и городища. Поэтому для дальнейшей истории человека такое большое значение имело то обстоятельство, что природа в ледниковый период очень хорошо подготовила чешские реки и их берега для позднейшей колонизации.

Лёсс — типичное отложение ледникового периода, характерное для чешских земель. Это — наносы песчаной пыли, глины и более крупного песка, которые холодный и сухой ветер, дувший с ледников, поднимал с высыхающих морен и уносил дальше, за пределы льдов, где и возникали прямо гигантские пласты лёсса. В Чехии этих наносов немного. Значительно больше наносов осталось в Моравии от бывшего там ледника. В окрестностях Пржегорова и далее, к Брно, находятся мощные пласты лёсса. Это тоже имело огромное значение для дальнейшей истории чешских земель, ибо на этих исключительно плодородных лёссовых почвах, сослуживших полезную службу человеку, развилась богатая растительность.

Особое значение имело то обстоятельство, что ледниковый период совершенно иначе, чем на других территориях, сказался на развитии органической жизни на чешских землях. На этих землях, не подвергшихся оледенению, не только не прекратилась органическая жизнь, как это было в тех местах, где ледник покрыл землю, но из областей, пострадавших от наступления льда, сюда передвигались представители растительного и животного мира. Чешские земли, расположенные посередине между северными и альпийскими ледниками и защищенные с двух сторон, стали естественным убежищем для всего живого. Вот почему сюда передвигалась жизнь с севера, почти от самой Скандинавии, и с юга, со стороны Альп; здесь развивался своеобразный, смешанный арктическо-альпийский растительный и животный мир. Вместе с тем — и это является, разумеется, важнейшим историческим событием — на территории Чехии появился человек.

Так началась совершенно новая эпоха в истории чешских земель. Это уже история не одной только земли, но и человека. Было это почти за 100 000 лет до нашей эры.

ПЕРВЫЕ ЛЮДИ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕХИИ

В начале второй половины XIX в. было уже определенно установлено, что человек существовал одновременно с вымершими животными четвертичной эпохи (в ледниковый период, плейстоцен). Чешские ученые стали производить археологические изыскания в отложениях четвертичной эпохи и действительно нашли следы пребывания человека на чешских землях. В 1871 г. был найден так называемый «мостецкий череп», в 1883 г. — не менее известный «подбабский череп». Были найдены также части черепов, преимущественно челюсти, как в Чехии, так и в Моравии. В 1893 г. в Пржедмостии в Моравии сделано было ценнейшее открытие — была раскопана могила, в которой находились останки 20 человек. Тем самым было окончательно доказано, что человек жил на чешских землях уже в плейстоцене.

Однако эти находки не могли дать ответа на вопрос о том, что нас больше всего интересует: *кто* был этот человек и *как* он здесь появился. находка мостецкого черепа была совершенно изолированной. Далеко вокруг не было найдено ничего другого, что свидетельствовало бы о существовании в этих местах человека уже в те времена. Подбабский череп не был определен и стратиграфически. Существует даже сомнение в его подлинности. Для решения этого вопроса оставались находки, которые сопровождались другими, одновременно открытыми археологическими памятниками. Они имели уже большее значение, хотя результаты исследований и в этом случае еще оставались сомнительными. Как указывает известный антрополог Алеш Грдличка, антропология вообще не в состоянии решить проблему хронологизации и расы по отдельным частям человеческого скелета. Что же касается археологии, то она, при ее буржуазном характере и определяемом этим характером принципиальных позициях, также не могла решить этот вопрос. Она рассматривала его с чисто биологической точки зрения, не зная или во всяком случае не считаясь с великим принципом марксистского учения о происхождении человека, по которому труд создал самого человека.

Настоящая работа будет поэтому коренным образом отличаться от имевшихся до сих пор работ по характеру материала, его система-

тизации, так же как марксистская наука о человеческом обществе вообще отличается от буржуазной науки.

Необходимо прежде всего указать на то, что человек не был автохтоном в чешских землях, он не здесь появился. Это представляется бесспорным уже потому, что на чешских землях не было человекообразных обезьян. Совершенно неверным было бы утверждать вслед за Монтандоном, что на всей земной поверхности человек появлялся автохтонно. Такое утверждение неверно не только фактически (в Америке нет никаких следов человека в древнейший период плейстоцена), но и теоретически, так как оно предполагает появление человека как бы «из ничего», то есть повторяет сказку о «сотворении мира». Что касается Чехии, то существует еще особый аргумент против автохтонности человека на ее территории. Этот аргумент — поразительная изолированность следов пребывания человека, наблюдаемая в меньшей степени в Моравии и в значительно большей степени в Чехии. Между тем нет никакого сомнения в том, что нигде и никогда человек не развивался обособленно, как одиночка, от одной обезьяны. Всегда стадо первобытных людей вело свое происхождение от стада человекообразных обезьян, но человек стал тем, чем он является теперь, только в результате коллективного, организованного труда. В Чехии нет никаких следов пребывания такого стада. Совершенно очевидно, что сюда сначала проникли только небольшие группы людей или даже отдельные особи с несколькими своими ближайшими родичами.

Следовательно, они должны были появиться первоначально где-нибудь в другом месте, там, где человек развивался стадно. Только отделившись от такого стада, они могли проникнуть и в Чехию.

В третичный период в Чехии безусловно еще не было человека, хотя некоторые чешские археологи, указывавшие на сравнительно высокий уровень развития человека в плейстоцене и особенно на его искусное обращение с орудиями труда, предполагали его существование. Но человек, который биологически произошел от человекообразной обезьяны, не мог сразу же появиться с развитыми человеческими способностями. Он, очевидно, воспринял от человекообразных обезьян и их немалый опыт в обращении с камнем, деревом и т. п. и затем еще более его усовершенствовал.

Точно так же обстоит дело и с так называемыми эолитами. Камни, похожие на древнейшие орудия человека, действительно встречаются уже в третичный период. Однако это не доказывает существования человека уже в то время. В самом деле, эолиты встречаются и в самом начале третичного периода, когда о человеке еще не может быть и речи. находки эолитов могут быть отнесены и к четвертичному периоду, когда человек располагал уже более совершенными орудиями. Таким образом, эолиты вообще не являются делом рук человека. Они — произведение природы. Так, обломок кремня, ударяясь о другой крепкий камень, мог обточиться, отполироваться

водой, песком или льдом; обломок этот мог даже подвергнуться естественному «обжигу» во время лесного или степного пожара.

Наконец, третье, что нужно отвергнуть, — это утверждение о существовании человека в чешских землях уже в первые времена четвертичного периода — в эпоху древнейшего палеолита. Эта эпоха соответствует низшей ступени развития человека, когда он только что отделился от человекообразной обезьяны и в своем дальнейшем развитии не пошел дальше того примитивнейшего типа, который в Европе известен под именем гейдельбергского человека. Его общественная жизнь носила еще стадный характер, унаследованный от человекообразных обезьян.

Человек этот находился на низшей ступени культурного развития: он еще не знал огня, его орудиями труда были лишь весьма примитивные каменные клинья, которыми он рубил, резал и копал. И все-таки это был уже человек, ибо он трудился и владел орудиями производства.

В Чехии, однако, не было и не могло быть человека в это время. В Моравии, правда, были найдены в двух местах камни, похожие на рубила, известные по классическим археологическим памятникам древнейшей культуры человека, найденным в северо-восточной Франции («Шелль»).

Но было бы, однако, более чем неосторожно делать столь далеко идущие выводы, каким является утверждение о существовании уже в то время человека в Чехии, основанное на имеющихся находках отдельных примитивных предметов, которые к тому же вполне могли явиться продуктом и более поздней эпохи, ибо и в позднейшие времена не сразу было прекращено производство древнекаменных орудий.

Самое главное заключается, однако, в том, что предметы, относящиеся к шелльской культуре, встречаются лишь на запад от Рейна. Такое распространение ее закономерно, ибо оно соответствует границам распространения человекообразных обезьян в Европе. Но в Чехии, где не было естественных условий для возникновения человека, не было их и для появления человека этого переходного периода, находящегося на низшей ступени дикости, которой соответствует древнейшая, так называемая шелльская культура.

Поэтому проблема появления первого человека на чешских землях должна быть решена совершенно иначе. Зная, что чешские земли не могли быть прародиной человека, зная, что он должен был прийти откуда-нибудь извне, рассмотрим прежде всего вопрос о том, почему и когда это произошло.

В решении этого вопроса больше, чем все другие находки, значение которых является спорным, нам помогут сведения об уже известном передвижении флоры и фауны на чешские земли в результате оледенения Европы. Выше было отмечено, что не подвергшаяся оледенению территория Чехии стала благодатным убежищем

для растений и животных, зона распространения которых сужалась под натиском ледников как с севера (скандинавский ледник), так и с юга (альпийский ледник). Таким образом, на чешских землях развилась исключительно богатая флора и фауна.

Сначала, пока удерживался еще весьма теплый, почти жаркий климат, здесь оставались и слон и тигр; здесь жили также и медведь и собака, и предки современной лошади. Флора была субтропической. Позднее, под влиянием так называемого рисского оледенения (из всех трех ледниковых периодов это был наиболее суровый период) в Чехии началось похолодание и климат начал меняться. Похолодание, однако, было не столь значительным, чтобы здесь уже не могла в дальнейшем развиваться органическая жизнь. Стали буйно разрастаться леса. Слон, приспосабливаясь к климатическим изменениям, стал обрастать шерстью и превратился в покрытого густой шерстью мамонта, эту крупнейшую разновидность слона. Точно так же видоизменялись мохнатый, или сибирский, носорог и другие животные, также приспособившиеся к новым климатическим условиям. Наконец, в последнюю, так называемую вюрмскую стадию ледникового периода, который не затронул даже частично чешских земель, климат, под влиянием сухих и холодных ветров, дувших с ближайших ледников, еще более ухудшился. Погибли леса, территория Чехии превратилась в тундру с порослями вереска и низкорослыми деревьями. Появились полярные животные, часть животных перекочевала сюда под натиском спускавшегося альпийского ледника. Здесь появились целые стада северных оленей и лосей, водились арктические, полярные лиса и заяц и другие мелкие животные. Сюда же из Альп перебрались горный козел, серна, сурок. Впоследствии, когда тундра под влиянием сухого климата превратилась в степь, по ней уже бродили стада диких лошадей, а в норах, заросших травой, жили суслик, хомяк и другие мелкие степные зверки. Там же, где сохранились леса, жили гигантский олень, пещерные волк, медведь и гиена.

Таким образом, чешская территория этого времени благодаря тому, что она находилась в центре — между спускающимся с севера ледником и Альпами — явилась подлинным убежищем для животных.

Особенно благоприятной для жизни была Моравия, доступная и с севера — через Моравские ворота, и с юга — через юго-моравскую равнину, так что сюда могли проникнуть представители и арктической и альпийской флоры и фауны. Нет ничего удивительного поэтому в том, что в Моравии в те времена появилось наибольшее количество видов как млекопитающих, так и пернатых, а также и других живых существ. В Моравии же бродили целые стада мамонтов и других крупных животных, о чем свидетельствуют многочисленные следы их пребывания здесь. Неудивительно, наконец, что именно здесь, а не где-нибудь в другом месте, поселился тогда и человек.

Такое необычайное изобилие животных в указанных землях не могло, естественно, не привлекать и человека, тянувшегося туда, куда тянулись и другие живые существа. Человек шел тем же путем, каким проникало сюда все живое, — через Моравские ворота. По крайней мере именно там встречаются первые его следы, известные нам уже не по случайным и спорным, но по совершенно определенным и значительным археологическим находкам. Там же, на пути от Моравских ворот по направлению к югу, разыгрались и первые события, явившиеся следствием пребывания человека в чешских землях. Пришел же человек сначала не на территорию Чехии, закрытую неприступными пограничными горами, а в открытую Моравию.

Все это облегчает нам возможность с новых позиций определить и ступень культуры и время, когда появился человек на чешских землях. Совершенно ясно, что его влекло сюда обилие животных. Едва ли его привлекала богатая растительность, ибо ухудшение климата, несомненно, приводило к уменьшению урожая различных плодов. Это значит, что главным источником питания, а следовательно, и главным занятием пришедшего сюда человека являлось уже не одно только собирательство корней и плодов, как это было на древнейшей ступени человеческого развития, а и охота, доставлявшая человеку лучшую, более обильную и, для его дальнейшего физического развития, более питательную пищу.

Именно поэтому человек в поисках мест обильного скопления животных и следовал за ними. Вслед за ними он пришел и на чешские земли, где в те времена сосредоточилось большое количество животных, перебравшихся сюда из соседних земель.

Охота, однако, требовала более совершенных орудий, чем те, которыми человек пользовался до сих пор. Для выкапывания корней и раскалывания орехов достаточно было ручного рубила — лишь слегка обработанного куска камня. Но, для того чтобы убить зверя, снять шкуру и разделать тушу, понадобился нож.

С этого времени человек начал по-иному обрабатывать рубила, он стал их делать более тонкими и с заостренным концом. Другой стала и техника изготовления этих орудий: человек уже не рубил валуны, но откалывал от них каменные пластинки и из них делал ножи. Он научился использовать даже мелкие осколки; из них он делал скребки, которыми хорошо можно было обрабатывать шкуру убитого зверя. Укрепив на древке острый наконечник, человек изготовил первый дротик, который в случае необходимости мог служить и метательным оружием. Таким образом значительно была улучшена техника охоты.

В этих новых условиях резко изменился и образ жизни человека. В условиях тропического климата человек и в Центральной Европе мог свободно, без всякого крова, жить в лесах. В связи с начавшимся похолоданием человек, как и зверь, стал искать защиты от холода. Он укрывался в пещерах, устраивал свое жилье под каменными сво-

дами скал или в расщелинах. Так возникли первые жилища человека.

Стараясь защитить себя от холода, человек стал кутаться в звериные шкуры — это была первая, хотя еще весьма примитивная, одежда. Наконец — и это было самое крупное достижение человека — он научился добывать огонь. Правда, огонь он знал уже давно, наблюдая его во время лесных или степных пожаров. Он уже, очевидно, тогда оценил свойство огня давать тепло. Теперь же, руководствуясь своими наблюдениями, он стал сам добывать огонь путем трения дерева о дерево.

Человек, стоявший на низшей ступени развития человеческого общества — низшей ступени дикости, поднялся до средней ступени дикости, которую Энгельс датирует именно открытием способа добычи огня, считая, что огонь коренным образом изменил жизнь первобытного человека¹.

Общественная организация этого человека также становится уже более высокой. Он продолжал оставаться в небольшом коллективе, состоящем из нескольких десятков человек, ибо иначе, в одиночку, он мог бы погибнуть, не смог бы защитить себя от нападения диких зверей, не был бы в состоянии добыть себе пищу. Для всего этого были необходимы общественные усилия и совместный труд, коллектив, в котором все работали бы над выполнением одной общей задачи. С другой стороны, это не было уже больше первобытное стадо. Небольшие, иногда, быть может, совсем маленькие, группы людей объединялись, движимые уже иными чувствами. В большинстве случаев это были члены одной большой, в широком смысле слова, семьи. Половые связи между ними, в противовес стадному кровосмешению, начинают подчиняться некоторым, правда еще примитивным, законам. Появляется и первоначальное, все еще примитивное разделение труда, которое привело к усовершенствованию производства: охота стала занятием мужчин, как наиболее к ней приспособленных, в то время как на обязанности женщин лежало собирание плодов, забота о домашнем очаге и детях.

Вследствие возникших у человека потребностей во взаимном общении появился язык. Конечно, начинает появляться и некоторая духовная жизнь. Человек начинает уже хоронить умерших прямо в пещерах, часто даже у очага, стараясь, в соответствии со своими представлениями о смерти, с большими почестями похоронить своих мертвых.

В результате всех этих изменений, происшедших в его жизни и труде, человек изменяется и физиологически. От гейдельбергского человека он эволюционирует к неандертальскому человеку — *Homo primigenius*. Это уже подлинный человек, его труд — это уже труд человека, который иначе организовал свою жизнь, несмотря

¹ См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Огиз, 1949, стр. 21.

на то, что в ней еще имелись некоторые черты, характерные для периода его развития от человекообразной обезьяны к человеку.

Будучи невысокого роста, неандерталец имел позвоночник несколько согнутый, наклоненный вперед, ибо ноги еще не выдерживали всей тяжести тела; его череп, уже довольно значительной величины по сравнению с малым черепом обезьяны, посажен на еще очень короткую шею, лоб уходит заметно назад, а подбородок вообще мало развит. Зато сильно выступает челюсть, точно так же, как выступают и мощные надбровные дуги. Но и на этой стадии развития человек уже значительно приблизился к современному человеку.

Классическим примером, свидетельствующим о пребывании неандертальского человека на территории Чехии, является древнейшая, до настоящего времени не потерявшая своей ценности находка в пещере Шипка у Штрамберка, в районе Моравских ворот, против знаменитой вершины Радгошь. Это весьма обширная пещера, тянущаяся вглубь на 55 м. Вход в пещеру имеет 7 м в ширину и 4 м в высоту, с особым параллельным коридором, называемым Езевской дырой. На дне пещеры найден огромный очаг, имеющий 3 м в диаметре. За очагом, у начала Езевской дыры, в слое золы найдена, рядом с зубами ребенка примерно 11—13-летнего возраста, челюсть настолько крупная, что уже по одним своим размерам не может принадлежать современному ребенку, а должна быть отнесена к взрослому неандертальскому человеку.

Здесь обнаружены также следы большого, напряженного труда. У параллельной стены пещеры найдено около двух тысяч кусков кремня на всех стадиях обработки: здесь найден совсем еще не обработанный камень, и мелкие осколки, и уже готовые орудия, из которых иные уже пришли в негодность. Сохранилась, таким образом, целая палеолитическая мастерская. Из орудий были обнаружены уже упоминавшиеся довольно широкие ножи с заостренными с обеих сторон лезвиями, скребки различных форм и величины, различно отточенные и предназначенные для самых разнообразных, но вполне определенных функций, наконечники для копий и различные другие, очень острые, а также тупые орудия.

Находка эта — не единственная в здешних местах. Известно не менее 10 подобных находок в Моравии, в районе Моравских ворот по направлению к южным границам Моравии, большей частью в так называемом Моравском Красе. Здесь находятся пещеры, в которых прятались от непогоды и устраивались на жилье первые люди.

Наиболее обширная из них — это так называемая Бычья скала, где найдено то же, что и в Шипке; далее идут Пекарна и Кульна. Пещеры эти неоднократно заселялись людьми и в более поздние времена, но первоначально, как свидетельствуют о том глубоко залегающие пласты, они были заселены уже в рассматриваемое нами время.

Остается разрешить последний вопрос: откуда пришли на чешскую территорию первые люди? Памятники изучаемой эпохи не дают нам вообще никакого определенного ответа; можно сделать

только вывод, что первые люди пришли сюда через Моравские ворота, и пришли, о чем можно с наибольшим основанием утверждать, с северо-востока. Не может помочь здесь и сравнительный метод, потому что исследование памятников палеолитической эпохи, которая в Центральной Европе везде протекала совершенно одинаково, также не дает нам возможности с большим или меньшим вероятием сделать окончательный вывод о происхождении человека на чешских землях. Только поздний палеолит, о котором речь будет впереди, характеризуется некоторыми чертами, указывающими на родственность им по крайней мере близость людей, населявших территорию нынешней Чехии, к людям, жившим на восток от нее. Именно в эту позднейшую эпоху были найдены некоторые минералы, которые не встречаются в Чехии; они были привезены или принесены сюда откуда-то из других мест. Это главным образом янтарь и обсидиан¹. Наличие янтаря, правда, не дает возможности разрешить наш вопрос, так как нужно учитывать широкое распространение янтаря по всей Европе. В Чехии янтарь находят только в самых поздних палеолитических стоянках, так что едва ли можно наличие янтаря связывать с проблемой проникновения человека на чешскую территорию.

Гораздо большее значение имеет для нас наличие обсидиана, типичного восточнокарпатского минерала, добываемого на территории современной Закарпатской Украины — в соседней с Чехией стране, лежащей на восток от чешских земель. Вполне вероятно, что появление его в Чехии было результатом более или менее близких связей между населением обеих этих областей. А так как обсидиан известен в Чехии с самого момента появления здесь человека, то не нужно никакой особой смелости для утверждения, что человек, принесший с собой в Чехию этот минерал, должен был прийти с востока. Об этом свидетельствуют и произведения искусства позднего палеолита.

При всем единстве культуры в Европе, о котором можно судить по орнаментам, по манере и способу изготовления предметов, что нашло свое выражение в произведениях искусства, в Чехии можно отметить на этой древнейшей стадии развития человеческого общества два влияния: западное и восточное. Изделия эпохи позднего палеолита в Чехии принадлежат, несомненно, к восточному типу. Это, впрочем, факт, характерный только для более поздней эпохи, эпохи позднего палеолита.

Учитывая, что развитие человека шло тогда очень медленно, что для всяких серьезных изменений нужны были тысячелетия, можно с полным правом полагать, что первые люди пришли на территорию Чехии из восточноевропейских областей.

Чехия и Моравия и позднее были тесно связаны с этими восточноевропейскими областями, что известно нам уже по письменным источникам.

¹ Обсидиан — вулканическое стекло. (Прим. ред.)

Глава III

ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Первые люди не ушли отсюда так же внезапно, как пришли. Попав в столь обильные зверем места, они здесь и остались. Разумеется, не сразу, а лишь по прошествии определенного времени они стали основывать удобные для жилья поселения. Человек не мог думать о постоянном жилище, так как его образ жизни, связанный с добыванием пищи при помощи охоты, заставлял его следовать за уходящим зверем.

Все же, то обстоятельство, что Чехия тех времен изобиловала дикими животными, позволяло человеку долгое время охотиться на одном месте. Вследствие этого здесь сравнительно рано устраиваются охотничьи стоянки, рассчитанные на длительный срок пребывания в них человека. Как указывают найденные во время раскопок предметы, эти стоянки были обитаемы в течение долгого времени. Порой случалось, что люди оставляли свою стоянку, но возвращались сюда через некоторое время; об этом свидетельствуют очаги, однажды погашенные, но потом снова восстановленные. Так возникали поселения, которые, по крайней мере для кочевого народа, можно считать постоянными.

Стоянки эти устраивались не только в пещерах, как это было в Шипке. Обилие животных привлекало к чешским землям, повидимому, все увеличивающиеся группы охотников, которые основывали здесь новые, более обширные стоянки под открытым небом. Рассчитанные на длительное пребывание, эти охотничьи стоянки имели все орудия, необходимые для охоты. Люди, жившие здесь, старались в дальнейшем лучше и удобнее устроить свой быт. Появляются первые признаки общественной и духовной жизни. Сам человек, столь успешно изменявший условия своего существования, совершенствовался в процессе труда и поднимался на более высокую ступень.

Поселения эти принадлежали уже более разившемуся человеку — человеку так называемого позднего палеолита, отличавшемуся от людей предшествующего, раннего или среднего палеолита. Для того времени это были прямо замечательные поселения, каких не было нигде в Центральной Европе; эти поселения вполне соответствовали тогдашнему богатству чешских земель и всему образу

жизни человека, у которого главным средством к существованию являлась охота.

Такие поселения находились прежде всего в Моравии, в уже неоднократно упоминавшемся районе к югу от Моравских ворот, который в те времена был, очевидно, излюбленным местом для прибывавших сюда охотников. Повидимому, это был наиболее доступный для них район.

Поэтому именно здесь, а не где-нибудь в другом месте, возникает самое большое и наиболее благоустроенное палеолитическое поселение в Центральной Европе — всемирно известное Пржедмости.

В настоящее время здесь находится ни чем не примечательное село у Пржерова, на берегу Бечвы.

Древний охотник считал эту местность подходящей для жилья. Здесь как раз оканчивался ледник, проникший через Моравские ворота в Моравию, и начиналась зона растительного и животного мира. Там, где оканчивался ледник, образовался толстый пласт лёсса. Образовавшаяся таким путем равнина отличалась тем, что она была суха и прогревалась солнцем, в то время как со стороны ледника шел еще довольно сильный холод. Это, разумеется, имело немалое значение. Близкая река доставляла воду. Протекая значительно ниже уровня равнины, она не угрожала наводнениями, частыми и обильными во время таяния ледников. Но и эти наводнения приносили пользу: они загоняли отступавшего перед ними зверя в зону лесов, прямо в руки охотникам. Наконец, целям охоты могли служить и два утеса, Градиско и Скалки¹. Можно отметить, что Пржедмости было идеальным местом для охотничьего лагеря.

Таким представляется нам Пржедместское поселение. Оно поражает нас обилием остатков костей животных, ставших добычей охотников. Здесь найдены кости мамонта, зубра, носорога, медведя, льва, северного оленя, лося, волка, козерога, бобра, лошади, лисы полярной и обыкновенной, полярного зайца; были найдены также кости птиц — белоголового коршуна, полярного петуха, ворона и др. Костей каждого из этих животных обнаружено здесь великое множество; так, например, найдено более тысячи скелетов мамонтов и немногим меньше — полярных лис. Это, между прочим, свидетельствует и о большом искусстве пржедместского охотника, о том, что он уже умел охотиться на крупного зверя, на что человек предшествующей эпохи еще не отваживался. Единственное, что тогда давало ему преимущество перед крупным зверем, был огонь. Однако самое большее, чего мог достигнуть человек с помощью огня, — это отогнать зверя. Теперь же охотник умел ловить и убивать такого зверя. Правда, и теперь он не мог еще вступать в открытую битву с крупным зверем. Для этого у него не было еще ни сил, ни оружия. Он нападал на зверя с большой осторожностью.

¹ О том, как человек использовал для охоты утесы, см. ниже. (Прим. ред.)

Но какую он при этом проявлял сообразительность! Действуя целым табором, с помощью огня, с криком, люди загоняли преследуемого зверя на один из утесов, откуда, не видя другого исхода, он бросался вниз. Здесь его, лежащего с переломанными ногами, охотники и добывали. Преимущественно таким образом происходила охота на мамонта. Охотники пользовались и другими способами ловли зверей — копали ямы, в которые загоняли зверей, или набрасывали на зверя аркан.

Для пржедмостских охотников характерно, что они охотились на зверя уже не только ради пищи. Доказательством этого служит множество нагроможденных на стоянке костей. Если даже допустить, что это остатки добычи, накопившейся здесь за довольно долгий промежуток времени, то все-таки трудно себе представить, чтобы это были кости только тут же съеденных животных. Ведь полярных лис, на которых люди охотились почти столь же часто, как и на мамонтов, вообще не употребляют в пищу, так же как и волка и некоторых других зверей. Их ловили, очевидно, ради шкур. На мамонта и других крупных зверей охотились не только ради мяса, но и ради костей, о чем свидетельствует тот порядок, в каком кости мамонта найдены на стоянке. Они найдены у очага не просто сваленными в кучу, а заботливо рассортированными: клыки мамонта лежали отдельно, отдельно были сложены бивни и лопатки. Точно так же поступал человек и с костями других зверей. Черепа и слишком длинные кости разбивались и тоже складывались в кучи.

Все это означает, что пржедмостский охотник уже систематически накапливал сырье для дальнейшей его обработки. Само по себе это было уже крупным шагом вперед в развитии производства.

Вместе с тем растет также количество и улучшается качество употребляемых человеком орудий. Так, в Пржедмостии найдено свыше 30 тыс. каменных орудий и 10 тыс. — сделанных из кости; орудия изготовлялись уже не только из кремня, но также из горного хрусталя, обсидиана и из клыков животных. Найдено много костяных изделий, среди которых немалое количество изготовлено с определенной изобретательностью: из острых костей сделаны вилки для вспарывания кожи или сверла, из больших костей мамонта — дубинки. В технике обработки орудий пржедмостский человек достиг уже такой степени совершенства, что умел откалывать тоненькую каменную пластинку длиной почти в 15 см. Осколки камня насаживались на копыя; куски слоновой кости привязывались к аркану, и утяжеленные таким образом арканы вернее попадали в цель.

Человек научился использовать простой булыжник из Бечвы в качестве точила, достигнув в этом деле такого умения, что в состоянии был совершенно гладко отполировать поверхность камня. В Пржедмостии можно видеть уже целый ассортимент охотничьих орудий — свыше 50 различных видов, причем целевое назначение многих из них трудно определить. Это были орудия уже в значитель-

ной части дифференцированные, если принять во внимание цель, для которой они предназначались: острые каменные мечи и длинные кинжалы из костей льва или медведя, скребки простые и комбинированные, с заостренным концом или резцом, сверла различной величины и формы. И способы обработки здесь были весьма разнообразны для человека, еще находившегося на ступени дикости.

Пржедмостские находки позволяют нам высказать суждение о родовых общественных отношениях обитавшего здесь охотничьего племени. Люди эти строили свою жизнь на строго общественных началах. Иначе и быть не могло. Человек был еще слишком слаб, чтобы бороться в одиночку и выжить в этой борьбе. О коллективных началах можно судить прежде всего по организации охотничьего хозяйства, о чем свидетельствуют накопленные кучи костей — этот несомненный результат совместной охоты. Нет никаких следов того, что добыча делилась между охотниками. Повидимому, все, что отдельный охотник добывал во время охоты даже на мелкого зверя, тоже принадлежало не ему, а коллективу, ибо кости и мелких зверей свалены в одну кучу. Общественным было также и разделение труда, и проводилось оно не иначе, как с учетом пола. Все мужчины занимались охотой, а все женщины собирали плоды, поддерживали огонь в очаге, хранили запасы. Женщины, повидимому, выполняли свою долю работы тоже непосредственно для коллектива.

Появилась «большая» семья. О размерах такой семьи можно судить по числу скелетов, найденных при раскопке могилы, в которой было одновременно похоронено 20 человек, среди которых были мужчины и женщины, старики и дети. Перед нами, очевидно, семья, которая погибла вследствие какой-нибудь естественной катастрофы или по какой-либо другой причине.

Здесь еще не было выделения по парам — жен и мужей. Это не значит, что существовала полная неупорядоченность в половых отношениях, как это было в эпоху стадности.

Вырождение, являвшееся следствием браков между слишком близкими родственниками, привело человека на этой ступени развития к запрету брачных отношений между родителями и детьми, а позднее и между детьми от одной матери. Но вместе с общностью имущества сохранялась и общность семьи. Мужчина был мужем всех остальных (исключая матерей) женщин, а женщина — женой всех остальных мужчин. Жили они в одном общем помещении, где вокруг очага, на наличие которого указывают сохранившиеся в ряде мест остатки его каменной облицовки, очевидно, сосредоточивалась жизнь такой «большой» семьи.

Вместе с развитием производства и подъемом жизненного уровня росли и духовные потребности человека, его эстетические склонности. Так, например, мужчины в Пржедмостии красились гематикой (необычайно блестящее красящее вещество, изготовляемое из железной руды особого качества; найдено несколько килограммов этого вещества). Сначала красились, вероятно, для того, чтобы

придать себе более грозный вид. Женщины красились красной или желтой охрой, чтобы больше нравиться мужчинам. У людей появляется вообще желание украшать себя. Найдены самые разнообразные ожерелья; из зубов различных зверей, из улиток и других окаменелостей, ценившихся, очевидно, вследствие своей оригинальности, или из бус, сделанных из слоновой кости, специально для этой цели обработанной.

Пржедмостский человек умел украшать и самые предметы. На мамонтовых костях или оленьих рогах нередко встречаются весьма искусно вырезанные орнаменты из черточек и волнистых линий, из треугольников и эллипсов или концентрических кругов. Попадаются и особые раскрашенные сланцевые плитки и плоские кости, которые были предназначены, пожалуй, только для забавы пржедмостского человека. Это уже прямой шаг к искусству. Действительно, среди других вещей на стоянке были найдены фигурки, вырезанные из кости мамонта: статуэтка мамонта, свидетельствующая о довольно развитом чувстве наблюдательности, и статуэтки, изображающие женщину. Сомнительно, однако, чтобы в то время речь могла идти об искусстве в нашем смысле этого слова. Едва ли палеолитический человек создавал эти статуэтки только для того, чтобы иметь перед собой изображение предметов. Также, наверное, не случайностью является и то обстоятельство, что статуэтки изображают именно мамонта и женщину. Совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с явлением культа — первыми идолами. Женщину почитали как родоначальницу, ибо не мужчина, а женщина-родоначальница стояла во главе племени.

А мамонт? Можно предположить, что это тотем, связанный с поклонением животному как праотцу и зачинателю рода. Однако тотем в религиозных представлениях первобытных людей — священное и охраняемое животное, в то время как мамонт, наоборот, был главным объектом охоты. Вероятнее всего поэтому, что мамонт почитался наряду с женщиной-родоначальницей как источник благополучия рода, источник пищи, источник его существования. Наличие тотемических представлений всегда, впрочем, является признаком пробуждения духовной жизни, точно так же, как и появление культа мертвых, о чем уже говорилось выше. Правда, еще нет данных, которые указывали бы на то, что в это время уже существовал обычай приношений, которые клались бы в могилу умершему. Но упомянутая выше огромная могила была прикрыта большими камнями и лопатками мамонта. Этим и были, повидимому, оказаны почести умершим.

Наконец, установлено, что у пржедмостского человека уже были некоторые представления, связанные с магией, а это свидетельствует о наличии определенных сдвигов в умственном развитии первобытного человека.

В качестве примера можно указать на обычай полирования верхнего коренного зуба, о чем можно судить на основании исследо-

вания всех пржедмостских скелетов, даже детских. Цель такой полировки совершенно неизвестна, а с точки зрения наших понятий и необъяснима. Другим примером может служить установленное в пржедмостских стоянках людоедство, которое никак не могло быть вызвано недостатком пищи; оно обуславливалось неизвестными нам причинами, носящими, вероятнее всего, религиозный характер.

Такой всесторонний прогресс — в производстве, общественной и духовной жизни — предполагал конечно и существенные физиологические изменения, происшедшие в человеке: гораздо более развитый мозг и руку, обладающую большими навыками, чем у древнего неандертальца. Пржедмостский человек действительно представляет собой и физиологически новый, более совершенный тип. Под влиянием новых условий, в которых человек каждый раз ставил и разрешал новые задачи, из неандертальца развился так называемый *Homo sapiens fossilis*, человек, биологически значительно более близкий к современному. Правда, в его внешнем облике сохранились еще некоторые черты неандертальца, например, особенно, непомерно развитые надбровные дуги у мужчин (у женщин этого уже не было). Но это лишь доказывает ошибочность утверждений буржуазных антропологов и археологов, вообще не принимавших во внимание значение производства и труда в формировании человека и рассматривавших процесс развития человека лишь с точки зрения расовой теории. Исходя из тезиса о неизменяемости рас, они не могли объяснить появление нового человеческого типа иначе, как появлением совершенно новой расы. Археологи эти считали, что в данном случае произошло столкновение двух рас, в котором одна одолела другую. Однако памятники пржедмостской культуры, ведущей свое начало от предыдущей, нижней ступени человеческого развития, и наличие новых физиологических черт, характеризующих пржедмостского человека, свидетельствуют, что этот «разумный человек» (*Homo sapiens*) ведет свое происхождение от неандертальца, развивавшегося под воздействием более интенсивного и более производительного труда. Это уже человек с более прямой, высокой и стройной фигурой, чем у неандертальца (рост мужчины достигает почти 170 см), с костями не столь уже крупными, зато с сильно развитыми суставными буграми, указывающими на весьма развитые грудомышцы. Ноги его еще выдают поступь человека, как бы обремененного ношей, а потому ступающего тяжело, с большим напряжением мышц. Особенно большие перемены заметны в черепе. Лоб и подбородок, отсутствующие у неандертальца, в данном случае уже значительно развиты, в то время как челюсть, напротив, далеко не так широка и велика, как у шипского неандертальца. Зато череп, по сравнению с черепом коротколобого неандертальца, необычайно длинен. У мужчин ширина лба достигает 206 мм (ширина лба у современного чеха — 176,5), а у женщин — 181—191 мм (у современных женщин — 168,2).

В Пржедмостии удалось, таким образом, до мельчайших подробностей восстановить образ жизни человека позднего палеолита.

Нам ясно, что это был следующий большой шаг вперед в истории жизни человека на территории Чехии.

Все это описано здесь так подробно потому, что Пржедмости не является единственной стоянкой в Чехии. Пржедместский человек шел оттуда дальше по стране, основывая такие же стоянки. Прежде всего он шел привлекавшим его путем от Моравских ворот к южноморавским границам. Здесь находят его следы в окрестностях Простейова (Костелец на Гане), южнее (Моржице) и западнее от него, где найдены его обширные стоянки под открытым небом в Ондратиче у Литовля, в Младечской пещере на Драганской возвышенности и, далее, у Яромержице. Другой областью, где селились люди (до них здесь жил человек среднего палеолита), было Брненско. На территории самого Брно были обнаружены, и то лишь случайно, три места, где они жили. На территории, занятой большим городом, трудно вести раскопки. Едва ли поэтому здесь найдено все, что с тех времен таит брненская земля. В находящемся вблизи Моравском Красе пржедместским человеком были заняты известные уже нам пещеры Кульна, Балцарова скала, Пекарна и другие. Третья группа стоянок этого времени обнаружена на Южно-Моравской равнине; там открыта столь же крупная, как и в Пржедмости, стоянка — ныне всемирно известные Дольны Вестонице. Более мелкие стоянки обнаружены в Палаве, Ярославиче и в окрестностях Знойма, уже на самых моравских границах.

Пржедместский человек, таким образом, заселил уже весьма значительную часть Моравии: северо-восток, центр и юг.

С этого времени человек начал продвигаться и на территорию Чехии. Не случайно, что именно к этому времени относятся обнаруженные здесь — не просто череп или челюсть, а стоянки, следы пребывания, подлинного существования человека! И это также вполне естественно и находится в историческом соответствии с передвижением человека позднего палеолита из Моравии. Не случайностью является и то, что местопребывание пржедместского человека открыто у Марковице, в окрестностях Часлава, на пути от моравских границ в глубь Чехии. Доходил он и до самой Праги, где его, повидимому, больше всего привлекала Шарка. Там найдены его следы на Енеральке, в Велеславине и в Подбабе. Впрочем, он продвигался еще дальше на запад, до Раковницко, где открыта его значительная стоянка Лубна в числе прочих, более мелких стоянок. Оттуда следы пржедместского человека ведут по направлению к Милешовке и Жатцу (стоянка Собешуки) и по направлению к Збирогу и Мельнику (Кропачова Врутице).

Стало быть, эти люди и на территории Чехии заняли уже значительный район — от моравских границ до Пльзня и на север от этой линии.

Всюду здесь — поскольку вообще находки позволяют судить об этом с большей или меньшей вероятностью — мы находим следы пребывания того же человека, с которым мы познакомились в

Пржедмости; но порой, особенно в Моравии, у этого человека мы находим новые черты и свойства, приобретенные им уже в местных условиях. Эти перемены в значительной мере вызывались вторжением новых потоков холода, наступавшего вслед за потеплением-чередовавшимся с периодами оледенения. Люди, жившие в Пржедмости, Ондратиче, Вестоницах и в других местах под открытым небом, снова прятались в пещерах, основывая большие стоянки, из которых крупнейшие и наиболее благоустроенные обнаружены в Младце и в Пекарне.

Охота также должна была видоизменяться в соответствии с новыми условиями, ибо в связи с похолоданием звери жаркого пояса, и прежде всего мамонт, все более и более отступали на юг; но зато увеличивалась арктическая фауна. Охотились поэтому главным образом на северного оленя, а также на лошадей. Необычайно возросла охота и на мелкого арктического зверя: в Балцаровой скале найдено не менее 16 тыс. челюстей различных грызунов.

Вместе с тем видоизменяются и орудия труда. Наряду с камнем и костью, ценным материалом для изготовления орудий становятся рога северного оленя. Вследствие своей величины они употреблялись в качестве оружия. Из них изготовлялись также кинжалы и топоры. Совершенствуется и техника производства. Каменные ножи, найденные в Ондратиче, могут на первый взгляд показаться более грубыми, чем пржедместские, так как они отточены только с одной стороны (поэтому-то буржуазные археологи, обращающие внимание лишь на их внешний вид, а не на совершенство обработки, считают их древнее пржедместских). Однако их необычайная отделка и, особенно, острое лезвие делали их более удобными для полирования. Стало быть, мы можем говорить о развитии техники производства.

О том же говорит и количество орудий. В Вестонице не находят такого множества типов и разновидностей орудий, как в Пржедмости. Но это не означает шага назад. Наоборот, с дальнейшим усовершенствованием производства, естественно, происходила стабилизация и унификация типов орудий.

Развивались также и эстетические вкусы людей. Так, в качестве украшений изготовлялись уже не одни только ожерелья. В Брно найдено свыше 600 раковин третичных моллюсков, из которых делались украшения для головного убора. Более совершенной стала также и окраска охрой, о чем свидетельствует найденная плитка для растирания этой краски.

Вестонице приобрели всемирную известность своими произведениями искусства, найденными здесь во время раскопок. Это прежде всего фигурки, уже не вырезанные, а вылепленные из особой массы (глина, смешанная с золой от костей). Наибольшую известность из этих фигурок получила так называемая «Вестоницкая Венера» — почти 10-сантиметровая статуэтка женщины с маленькой головкой, с хорошо вылепленным торсом и четко обозначенной грудью. «Вестоницкая Венера» и найденная здесь же маленькая статуэтка мамонта

свидетельствуют о том, что и здесь еще сохранялся пржедмостский культ женщины-родоначальницы и мамонта-кормильца. Для Вестонице, впрочем, новыми являются вылепленные из той же массы отдельные части человеческого тела — рука со сжатым кулаком, нога, голова. Фигурки эти несомненно имели особое, очевидно магическое, значение. Вероятнее всего, ими пользовались при заклинаниях для того, чтобы врачевать отдельные части тела или навлечь болезнь на части тела врага.

В Пекарне найдено также изображение сражающихся бизонов, вырезанное на конском ребре. Это — первое изображение уже не только одного человека или животного, но и целой сцены. В Младце была найдена полированная лопаточка, вырезанная в форме ивового листа. Она несомненно свидетельствует о том, что уже в те времена человек, живший на территории Чехии, проявлял интерес к таким видам творчества, которые и теперь близки духу чешского народного искусства.

Эти данные позволяют нам точно определить характер древнейшей культуры в Чехии и те влияния, которым она подвергалась. Искусство позднего палеолита, как уже упомянуто было выше, при своих общеевропейских чертах имеет все-таки две особенности, отличающие Запад от Востока. Западный человек рисовал и лепил реалистически, прямо натуралистически, восточный же — схематически, условно. Искусство человека позднего палеолита в Чехии является искусством этого второго типа. Геометрические формы преобладают не только в орнаменте и рисунке, но и в пластике. Особенно сильно стилизованы статуэтки женщин.

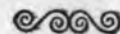
Нет никакого сомнения в том, что человек позднего палеолита, живший на территории Чехии, находился под влиянием восточной культуры. Все это вместе взятое свидетельствует о продолжавшемся повышении не только физического, но и духовного уровня в развитии человека позднего палеолита. Начало такого развития было положено уже в Пржедмосте.

В рассматриваемый период человек продолжает развиваться и чисто физически. Черепа вестоницких скелетов довольно значительно отличаются от пржедмостских черепов. У них еще развиты надбровные дуги — наследие неандертальского человека, потомком которого и является вестоницкий человек. Вестоницкие черепа, однако, по сравнению с длинными и узкими пржедмостскими черепами, гораздо короче, а сзади вообще расширены. Такие изменения характерны вообще для процесса дальнейшей эволюции человека и являются следствием уже развивающейся его духовной деятельности. При этом необходимо вспомнить, что и черепа, найденные в чешских могильниках (знаменитые некогда мостецкий и подбабский черепа), уже давно, когда еще ничего не было известно об этой эволюции человека на территории Чехии, рассматривались как переходная ступень в развитии человека времен палеолита.

Таким образом, палеолит на территории Чехии закончился на довольно высокой ступени развития общества.

Разумеется, развитие палеолитического человека было процессом, протекавшим в течение длительного времени. Это был не такой промежуток времени, какими мы вообще привыкли исчислять ход человеческой истории.

Точно так же для малейших изменений в природе, равно как и для процесса развития еще весьма зависевшего от нее человека, требовались не столетия, а тысячелетия. Описываемые события в жизни пржедмостского человека и его развитии в последующий палеолитический период протекали на протяжении почти 15 тыс. лет и относятся ко времени за 30—15 тыс. лет до нашей эры.

Глава IV

ОТ ОХОТЫ К ЗЕМЛЕДЕЛИЮ

Казалось, что в последующую эпоху, после необычайного расцвета культуры позднего палеолита на территории Чехии, жизненный уровень людей снизился. Исчезли великолепные охотничьи стоянки, и долгое время не было найдено ничего, что могло бы привлечь внимание исследователей. Буржуазные археологи, и не только чешские, утверждали даже, что человек ушел из чешских земель и что лишь в эпоху раннего неолита, после длительного перерыва, чешские земли стали вновь обитаемы. По их мнению, теперь якобы сюда пришли совершенно другие люди, отличные от тех, которые жили здесь во времена палеолита. Это утверждение неверно, оно опровергается той несомненной преемственностью развития, которая установлена между неолитическим и палеолитическим человеком.

Вообще трудно себе представить, в силу каких причин человек мог бы вдруг оставить столь благодатную землю, на которой он в течение тысячелетий акклиматизировался, и уйти куда-то в неведомые области, чтобы все начинать заново. Впрочем, это мнение буржуазных археологов было вообще опровергнуто новыми археологическими находками. Оказалось, что вскоре после конца палеолита, уже в так называемом мезолите (средне-каменный век) и особенно в следующую, неолитическую эпоху, на чешских землях не только жили люди и развивалась культура, но эта культура в своем развитии сделала большой шаг вперед, а образ жизни людей изменился и во многом продолжал существенно изменяться.

Сама природа в значительной мере содействовала таким изменениям. Ледник, до сих пор покрывавший большую часть Европы, отступил. Альпийский сохранился только на самой вершине Альп, а скандинавский отступил сначала из Германии в Скандинавию, а оттуда передвинулся еще дальше, к полярному кругу. Исчез, разумеется, ледник и из Моравии, отступая со скоростью 150 м в год (он таял и отступал только летом); ледник отходил к моравским границам в течение почти 800 лет. Обильные воды с тающего ледника повсюду переполняли реки, образовывали озера, оставляли после себя множество наносов, глины, щебня и песку. Появились новые болота; на их месте впоследствии, после того как сильно

изменился климат и стало тепло, образовалась плодородная почва, покрывшаяся богатой растительностью. Но это уже не была растительность тундры, отступившей на север, или растительность степей, передвинувшаяся на юг. Чехию, как и вообще центральную полосу Европы, покрывали теперь богатые леса, лиственные (дубы, вязы) и хвойные. Вместе с тем изменился и животный мир. Здесь уже не стало ни мамонта, ни носорога, ни льва, ни гиены, ни северного оленя, так же как и арктических животных. Все это исчезло. В новых лесах стали жить олень, дикий кабан, барсук и бурый медведь. Только замирающая вулканическая деятельность в Западной Чехии напоминала еще о тех потрясениях, которые чешская территория испытала в процессе геологического развития страны. Да и вулканическая деятельность уже не влияла на изменение рельефа страны. Зато она вызвала к жизни всемирно известные горячие источники в современных Карловых Варах, Марианских и Франтишковых Лазнях, Теплице.

Таким образом формировалась территория современной Европы, а вместе с ней и Чехии. Закончился плейстоцен (*diluvium*), и началась следующая, до сих пор продолжающаяся геологическая эпоха — гологен (*alluvium*), нынешняя фаза четвертичного периода. Климатические изменения, разумеется, сказывались и на жившем здесь человеке. Но он не ушел, конечно, отсюда. Дешлет, говоря о человеке, жившем в Европе на грани этих эпох, доказал нелепость предположения, что человек мог оставить свои обжитые стоянки в период, когда природа стала более благоприятной, климат теплее, а почва плодородней. Это же можно сказать и о территории нынешней Чехии, ставшей более гостеприимной, чем она была в ледниковый период.

Действительно, к этому времени относятся более многочисленные, чем прежде, следы пребывания человека в здешних местах. При этом их обнаруживают уже не в Шарке и вообще не в пещерах и скалах, а на плодородной равнине нынешних Подржипска и Мельница. Равнина эта была наиболее благоприятной для расселения человека, о чем свидетельствуют следы его стоянок у Нератовице.

Вместе с природой значительно изменилась и жизнь оставшихся здесь людей. Прежде всего изменилась их пища. Так как пища была главным предметом их производства, то изменилось и самое производство. Возобновилось и сильно развилось собирательство плодов. Обновленная природа, леса, сменившие тундру (или степь), доставляли теперь плоды в гораздо большем количестве и гораздо лучшего качества. Это привело к тому, что человек стал сначала охранять, а потом и выращивать растения, столь полезные для него. Так был сделан первый шаг на пути к земледелию.

В корне изменились и приемы охоты. Вызвано это было, во-первых, исчезновением крупных диких зверей, во-вторых, тем, что человеку на этой ступени развития уже были известны лук и стрелы. Глубоко прав Энгельс, который изобретение лука и

стрел относит к новой эпохе в развитии человеческого общества¹, ибо человек научился не только убивать животных, но и ловить и приручать их. Уже в мезолите (переходная эпоха между палеолитом и неолитом) человек приручил собаку, сделал ее своим помощником. Тем самым, очевидно, он пришел к мысли о возможности приручения и других животных. Так было положено начало совершенно новому виду хозяйства — разведению животных.

В связи с этим человеку понадобились уже иные орудия. Сперва он употреблял орудия, которыми пользовался еще человек позднего палеолита; это обстоятельство указывает на то, что человек мезолита вел свое происхождение от людей палеолитических времен, что он приспособивался теперь к новым условиям. Вскоре человек научился изготавливать и новые орудия, более пригодные для его теперешних занятий; это были орудия чрезвычайно мелкие, так называемые микролиты, сделанные из очень маленьких пластинок, которые человек мезолита умел искусно откалывать от куска кремня или от какого-нибудь другого камня. Прикрепляя их к дереву или кости, он делал таким образом ножи и остроги, которые гораздо больше соответствовали его нуждам — охоте на мелкого зверя.

Произошли, наконец, и значительные общественные изменения в жизни людей этой эпохи. Охота на мелких животных не требовала уже такого напряжения сил, как охота на мамонта и других крупных зверей. Эти животные не бродили крупными стадами, а встречались в лесу большей частью в одиночку. И охота с луком и стрелами носила теперь более индивидуальный характер, чем прежняя травля зверя.

Поэтому люди уже больше не устраивали крупных стоянок, как это делали прежние охотники на мамонта, а селились небольшими группами. Каждая из этих групп захватывала для себя большие участки земли — места для охоты, сбора и выращивания растений и плодов. Группы эти не оставались долго на своих участках, передвигаясь на новые места. Они не устраивали поэтому таких стоянок, какими являлись палеолитические стоянки, но строили, преимущественно у рек, примитивные жилища из дерева, глины и ветвей. Частыми передвижениями людей можно объяснить то обстоятельство, что культурные слои, сохранившиеся с тех времен, не являются значительными. Однако несмотря на такие передвижения людей, общественное начало в их быту не нарушалось. Правда, в результате нового способа ведения хозяйства род распался на небольшие семейные общины. Устройство общих погребений, в которых вместе с непосредственными членами семьи хоронили и близких родственников, указывает на то, что и при этом разделении рода не исчезли ни родовые обычаи, ни, тем более, родовой строй.

¹ См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Огиз, 1949, стр. 21.

Совершенно очевидно, что эпоху мезолита нельзя рассматривать независимо от предшествующей эпохи, так как она является лишь ее продолжением в изменившихся климатических условиях. Мезолит ни в коем случае не означает упадка. Уже одного изобретения лука и первых опытов приручения животных достаточно, чтобы признать мезолит эпохой продолжающегося прогресса, даже если от нее и не осталось такого множества и столь изумительных памятников, какие характеризуют предшествующую эпоху.

Гораздо более важно установить то новое, что появляется в эпоху мезолита. Это тем более необходимо, так как все, чего достиг человек этой эпохи, стало основой дальнейшего развития общества.

Мезолит нельзя также рассматривать как какой-то промежуточный, переходный период. Он длился почти 10 тыс. лет, с пятнадцатого по шестое тысячелетие до н. э. Развитие общества продолжалось и в последующий период, в течение так называемого протонеолита, то есть первой фазы новокаменного века (неолит), рамки которого по данным геологии, зоологии и ботаники можно хронологически определить шестым и третьим тысячелетиями до н. э. Иной раз может показаться, что этот период является прямой противоположностью мезолиту. Так, вместо микролитов появляются в это время крупные и массивные орудия, так называемые макролиты, сделанные из крупного булыжника или кремневых обломков; они были обработаны так грубо (вся их отделка заключалась в двухсторонней отбивке), что буржуазные археологи-формалисты на основании лишь этой грубой отделки относили их чуть ли не к раннему палеолиту. Если же учесть их целевое назначение, то появление этих орудий можно рассматривать как значительный прогресс, ибо это были не древние молотки и ножи, а первые топоры и мотыги. А это означало уже большой прогресс в трудовой деятельности человека того времени.

Протонеолитический человек уже умел острым топором обрабатывать дерево, о чем свидетельствуют топоры и мотыги, насаженные не на костяные, а на деревянные рукоятки. Для строительства, да и для других целей человек теперь умел гораздо лучше обрабатывать дерево; сосуды, например, как можно предполагать, делались тогда уже из дерева. Мотыги означали еще больший прогресс в производстве. Первоначально мотыги предназначались почти исключительно для выкапывания съедобных корней. Отсюда, разумеется, оставался лишь один шаг к вскапыванию почвы и к выращиванию плодов. Собираемые зерна диких растений привело к посеву семян, а затем к улучшению сортов первых хлебных злаков. Об этом свидетельствует мякина, найденная в глине, которую употребляли для строений. Найдены и зернотерки. Стало быть, человек уже тогда умел изготавливать муку.

Если мезолитический человек приручил собаку, то более чем естественно, что протонеолитический человек не остановился на этом и начал приручать и других животных. В процессе своего

развития человек осознал, наконец, необходимость перейти к разведению животных и выращиванию хлебных злаков, положив, таким образом, начало настоящему земледелию и скотоводству. Для того чтобы понять это, человеку потребовалось 3000 лет.

Человек, совершивший такую эволюцию, уже не был дикарем. По известной классификации Энгельса, это была уже эпоха варварства¹; человек, во всяком случае, был уже не беспомощной песчинкой в природе. Кое в чем он был уже господином природы, поскольку он мог заставить ее давать ему то, в чем он нуждался.

Вот почему при таком развитии производства и труда следующая эпоха — неолит, то есть, собственно ранний каменный век, — вовсе не явилась каким-то «чудом», каким она казалась, а во многих случаях и теперь еще часто кажется буржуазным археологам, изучавшим лишь различные формы предметов, а не сущность, цель и эволюцию труда. Точно так же, наблюдая большой и относительно быстрый прогресс человека в эту эпоху по сравнению с эпохой более древней, мы не будем утверждать, как твердят буржуазные археологи, будто это был совершенно иной человек, что существовавший до этого на территории Чехии человек исчез или был истреблен и что появилась совершенно другая раса. Напротив, здесь все ясно свидетельствует не о внезапном скачке, а о постепенном и непрерывном движении вперед. Точно так же, как не было установлено резкой грани между поздним и ранним палеолитом, между палеолитом и мезолитом и, наконец, между мезолитом и протонеолитом, так и ранний неолит является прямым продолжением предшествующей эпохи. То, что процесс развития ускоряется и что ныне за тысячу лет человек в состоянии достигнуть большего, чем в прежние эпохи за 10 тыс. лет, это совершенно естественно. Вступив однажды по той или иной причине на новый путь, человек всегда движется только вперед, и чем ближе к нашим временам — тем быстрее.

Точно так же обстоит дело и с «чудом» неолита. При определении ступени развития, при оценке достигнутых человеком результатов нельзя уподобляться буржуазным археологам, которые до сего времени в своих научных выводах исходили из наблюдений над второстепенными явлениями и предметами; ведь эти второстепенные явления и предметы сами являются лишь продуктом эпохи. Такими второстепенными факторами являются, например, способы окрашивания предметов, форма и цвет сосудов, украшения и пр. Здесь необходимо исходить из анализа производства основных предметов и связанного с ним трудового процесса, результатом которого и является все остальное. В случае, рассматриваемом нами, мы наблюдаем не только первый шаг в развитии земледелия, но видим и тот результат, которым до известной степени завершается

¹ См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Огиз, 1949, стр. 22—23.

его первоначальная стадия. В отложениях изучаемого периода обнаружены не только солома и зерна, но и определенные культурные злаки — ячмень, просо, — что указывает на умение и стремление человека выращивать хлебные злаки и другие растения. Почти во всех поселениях находят наряду с костями оленя, медведя и собаки уже и кости овцы, козы, свиньи, быка, коровы.

Все это свидетельствует о том, что земледелие и скотоводство получили перевес над охотой, которая, правда, еще сохраняется, но уже только как подсобное занятие. Теперь уже люди изобретали и усовершенствовали орудия если не исключительно, то преимущественно для земледельческого труда.

Неолитический человек создавал более совершенные топоры и мотыги, пользуясь для этого, наряду с кремнем и другими породами камня, также древними породами сланца, обильно залегающими в чешских горах. По своим качествам — слоистости и твердости — сланец был вполне пригоден для этой цели. Просверливая камень полый костью, человек обтачивал его при помощи влажного песка и отбивал на другом камне, как на наковальне. Таким образом он доводил до совершенства технику изготовления орудий, так же как и самые орудия.

Пожалуй, наибольшим новшеством для этого времени явилась керамика — изготовление и обжиг сосудов из глины. Свойства глины человек, занимавшийся земледелием, мог изучить теперь гораздо лучше, чем прежде, когда главными его занятиями были собирание плодов или охота. Это подтверждается анализом развития форм глиняных изделий, указывающим на то, каким целям эти изделия служили. Сначала сосуды были почти исключительно круглой формы, с круглым же дном, лишь несколько более плоским, чтобы сосуды можно было поставить. Но скоро стала уже отчетливо выделяться нижняя часть сосуда, в верхней же его части появилось горлышко. Далее начали изготавливать большие и малые сосуды, предназначенные для самых разнообразных целей. У больших сосудов лишь с одной стороны было одно, а иногда и четыре ушка, очевидно для того, чтобы можно было подвесить сосуд над очагом. У малых же сосудов с краю были просто сделаны отверстия для подвешивания.

Можно и по другим данным проследить, как человек постоянно искал наиболее целесообразных и совершенных форм для создаваемых им предметов. О том, что в этом движении вперед человек находил и эстетическое удовольствие, можно судить по узорам на сосудах. Почти вся поверхность сосудов, кроме дна, была обычно покрыта орнаментом, сделанным уже весьма искусно, спиралью (*volutou*). Орнамент этот состоял не только из простых линий, но и из целых лент, выполненных черточками или пунктиром (отсюда название керамики — «ленточная»).

Появление керамики отвечало прежде всего потребностям земледелия. В то время, когда человек занимался охотой, сосуды имели

для него несравненно меньшее значение и употреблялись только для хранения добытого мяса, хотя и в этом не было особой необходимости. Любовь и старание, с какими неолитический человек изготовлял свои сосуды, можно сравнить с той тщательностью, с которой уже в новое время изготовлялась народная керамика в чешских деревнях.

Человек прошел длинный путь от охоты к земледелию. Успехи человека в области производства привели к успехам в области общественных отношений, к новой организации жизни и быта людей. Земледелец основывал постоянные поселения совершенно нового типа, отличного от палеолитических стоянок. Тогда это были большей частью лишь охотничьи стоянки. Но если даже древние обиталища человека после длительного пребывания в них людей и приобретали некоторые черты постоянного жилища, все же охотники готовы были оставить их в любое время, как только этого требовали обстоятельства, связанные с охотой на зверя. Земледельцы, напротив, уже вообще не рассчитывают на перемену своего местопребывания. Они живут уже по-настоящему оседло, возводя себе жилища, хотя и примитивные, но постоянные. Жилища эти постепенно приобретают определенный вид. До нас дошла глиняная модель неолитической хаты (из раскопок в окрестностях Знойма), которая позволяет нам представить себе жилище неолитического человека. Жилище это имело, повидимому, подковообразную форму; на концах подковы имелось четыре столба; стены были сплетены из прутьев и обмазаны глиной (запасы этого месива найдены в ямах, оставшихся от хат). Пятый столб, стоявший позади, поддерживал кровлю, а передняя стена с отверстием для входа упиралась в самый щипец крыши. Судя по сохранившимся остаткам жилищ, указанный район был довольно плотно населен, особенно на запад от Праги, у реки Мже, и в Моравии, в районе Знойма, по реке Дые.

С развитием земледелия долины рек вообще становились излюбленными местами для поселения людей, привлекаемых сюда плодородием почвы и другими благоприятными условиями.

Оседая, люди стали вести, естественно, более интенсивное хозяйство. Вместе с полевым хозяйством и животноводством стало в большей мере развиваться и домашнее ремесло. В этих условиях и появилась керамика, так как для домашнего хозяйства требовалось гораздо больше посуды. Да и самое гончарное искусство возникло в оседлом быту, в процессе домашней работы. В поисках одежды более удобной, чем звериная шкура, человек научился ткать.

Вполне естественно, что именно женщины, на обязанности которых издавна лежало ведение домашнего и полевого хозяйства, вводили эти новшества в быту, имевшие при оседлом образе жизни столь важное значение. Мужчины же попрежнему оставались главным образом охотниками. Поэтому-то древний материнский род не только не исчезает в эпоху неолита, но,

напротив, еще упрочивается. Женщина уже не только родоначальница, но и работница, являющаяся главой семьи и рода. Поэтому культ женщины скорее упрочивается, чем падает, как об этом свидетельствует сохранившаяся пластика.

Пластические изделия лепились из глины как украшения для сосудов и в виде отдельных фигурок. Отражали они те же сюжеты, какие встречались уже в искусстве палеолита. И здесь изображаются женщина-родоначальница и зверь — кормилец рода. Только вместо мамонта появляются изображения быка. Следовательно, культ женщины сохраняется и в неолитическую эпоху.

Поэтому еще и теперь, в эпоху неолита, строго соблюдалось равенство внутри рода, ибо матриархат не допускал неравенства — впервые его принес патриархат. Действительно, в произведенных впоследствии различными учеными исследованиях погребений нет никакого отражения этого неравенства. Погребения все целиком однотипны, без каких бы то ни было признаков, указывающих на то, что захороненные люди чем-нибудь отличались друг от друга. Такой вывод сделан на основании анализа не только отдельных погребений (в Бубенеч у Хлумина), но и на основании изучения обширных неолитических кладбищ (у Забрдовице в Моравии). Всюду в могилах найдены лишь весьма простые предметы: остатки пищи, орудия, сосуды; что касается украшений из костяных бусин и ракушек, обнаруженных в Забрдовице, то это были, очевидно, общераспространенные украшения. Тогда еще господствовало полное равенство. Первобытно-общинный строй, основанный на коллективном труде и кровном родстве, не создавал предпосылок для возникновения неравенства.

«И какая чудесная организация этот родовой строй при всей его наивной простоте! — писал Энгельс о родовом устройстве, обнаруженном у современных американских ирокезов. — Без солдат, жандармов и полицейских, без дворянства, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без процессов — все идет своим установленным порядком. Всякие споры и недоразумения разрешаются коллективом тех, кого они касаются, — родом или племенем, или отдельными родами между собой... Хотя общих дел гораздо больше, чем в настоящее время, — ведь домашнее хозяйство ведется у ряда семейств сообща и коммунистически, земля является собственностью всего племени, только мелкие огороды предоставлены во временное пользование для домашнего хозяйства, — тем не менее нет и следа нашего раздутого и сложного аппарата управления.

...Бедных и нуждающихся не может быть... Все равны и свободны, в том числе и женщины. Рабов еще нет: порабощения чужих племен, как правило, также еще нет»¹.

Родовой строй существовал в течение всей эпохи неолита. Изменились формы керамики, менялись формы орудий, изменялись

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Огиз, 1949, стр. 99.

некоторые стороны жизни человека, но это не означало, что менялся весь строй или что появлялись совершенно новые племена, как предполагала буржуазная археология. Сохранялся земледельческий, оседлый образ жизни, с полевым хозяйством и животноводством, с домашними ремеслами — гончарным производством, ткачеством. Многие из этих отраслей хозяйства и в дальнейшем продолжали развиваться и совершенствоваться. Так, орудия стали делать из лучшего материала и более совершенные по своему качеству. Из глины стали изготавливать не только сосуды, но и другие предметы — в Моравии ложки, в Чехии — прясла для развивавшегося ткачества, а также светильники, что свидетельствовало уже о том, что в жилищах появилось освещение. Усовершенствовалось и производство сосудов, которые приобретали более удобную форму и богаче украшались. Наряду с собственно сосудами производились и блюда, стоявшие на ножках, и кубки различных форм. Орнамент наносился на сосуды путем наколов (отсюда керамика с накольчатым орнаментом) и поэтому видоизменялся. Вместо «лент» появляются ломаные полосы, состоящие из нескольких рядов двойных наколов (vríchní), или горизонтальные полосы, нанесенные на сосуд, а кое-где и вертикальные полосы, служащие как бы своеобразными границами для рисунка.

В производстве сосудов развивается новая техника: сосуды покрываются особой глиной и полируются дочерна. Появляется так называемая крашенная керамика, которая в Моравии приобрела особый характер; здесь была создана особая культура керамики. По своим расцветкам это богатейшая керамика, характерная для всего чешского неолита. Но и она прошла свой путь развития: сначала красный орнамент наносился на черную основу, затем орнамент или основа окрашивались уже в желтый, серый и коричневый цвета или белый орнамент наносился на неокрашенную или коричневую основу, и наоборот. Очевидно, те, кто делал эти сосуды, постоянно совершенствовали производство керамики и проявляли большую изобретательность.

С течением времени поднимался и общий культурный уровень людей.

Правда, погребения попрежнему носили однотипный характер, но в могилах обнаруживается уж больше даров, причем значительно более ценных. Попадает также больше вещей, привезенных из других земель. Появление иноземных изделий сказалось на местном производстве. Так, например, в Чехии появилась пестро окрашенная моравская керамика, производство которой здесь возникло, очевидно, в результате знакомства с керамикой, распространенной в Словакии и в Венгрии, что в свою очередь содействовало распространению крашеной керамики в Чехии и Силезии.

Если проследить, откуда в Чехию проникало культурное влияние, то станет ясно, что оно шло с юго-востока. Не случайно, что в те времена Моравия стояла во многих отношениях выше Чехии, ибо

именно через территорию Моравии проходили все культурные влияния, в то время как чешские пограничные горы служили преградой на пути проникновения влияний с запада.

Областью наиболее высокой по тому времени культуры был юго-восток Европы. Это — Средиземноморье и Черноморье, где тогда уже начинала развиваться культура, явившаяся предшественницей греческой культуры. Нет ничего удивительного поэтому в том, что в Чехии у Штепанице находят относящиеся к тому времени статуэтки, изображающие женщин с простертыми руками («взывающие женщины»), с жестом, столь известным по памятникам критского искусства. Вполне объясним и тот большой культурный прогресс, который был характерен для населения чешских земель этого времени. Население чешских земель не было изолировано, оно не стояло в стороне от общего процесса развития культуры. Чехия во многом была или прямо связана с этой культурой, или воспринимала культурные влияния, шедшие на север и на запад, так как благодаря своему территориальному положению она лежала на пути их распространения.

Так заканчивается этот период в истории чешских земель, который после знакомства со знаменитыми охотничьими палеолитическими стоянками казался сначала таким примитивным, даже бедным; к концу неолита — в третьем тысячелетии до нашей эры — чешские земли достигают такого высокого уровня развития, что среди других стран, расположенных в горном поясе средней Европы, казавшемся неприступным и отделенным от всего мира, Чехия становилась одной из наиболее передовых стран.

Глава V

ВЕК МЕТАЛЛА. ОТ МАТРИАРХАТА К ПАТРИАРХАТУ

Одно чрезвычайно важное событие, совершившееся в конце каменного века, коренным образом изменило положение населения чешских земель. Людям стал известен металл. Это был совершенно новый материал, о котором до сих пор никто не имел никакого представления, но зато столь великолепный, что он вскоре вытеснил все другие материалы. Он привлекал человека уже одним своим блеском, исходившим от него. Люди прежде всего оценили его мягкость, годность к употреблению и прочность. Из него можно было сделать все, о чем производитель каменных орудий мог только мечтать.

Ни железо, ни бронза не были тем первым металлом, который с самого начала стал известен человеку. Из большой семьи металлов первой была открыта медь.

В Чехии, правда, своей меди не было, в чешских землях ее не находили. Поэтому-то здесь и не могла так развиться культура меди, как она развилась там, где медь добывали. Но это лишь подчеркивает всю глубину революции, которую вызвало появление в Чехии первого металла.

Чешские археологи не поняли того значения, какое имела медь для развития производительных сил в Чехии, хотя ее здесь не добывали, а привозили из других стран; они недооценили и значения революции, которую пережили тогда чешские земли в связи с появлением меди. Они соединили медный век с каменным веком только потому, что в то время все еще производились каменные орудия, и назвали этот век поздним неолитом. В действительности же появление меди вызвало один из таких переворотов в истории чешских земель, каких было немного за всю их тысячелетнюю историю.

Иначе и быть не могло. Достаточно было узнать людям, что где-то на юго-востоке открыт чудесный материал для изготовления орудий, чтобы они захотели воспользоваться его сказочными для каменного века качествами. Поэтому, когда медная культура стала известна людям, жившим по соседству, на территории нынешней Венгрии, откуда в Чехию и раньше проникали сведения о новшествах юга, начались поиски меди. Человека особенно прельщали топоры из меди, потому что они сделаны были из того нового мате-

риала, из которого можно было сделать вещи гораздо более острые, чем из камня. Ему нужны были также и другие изделия, для изготовления которых он употреблял медь, если ему удавалось ее найти.

Медь была удивительно красивой. Это ее свойство также учитывалось, когда из земель, где вырабатывались медные изделия, их привозили в Чехию и в другие земли для обмена на местное сырье (пушнину и др.).

Уже одно это скоро привело к первому и великому перевороту в Чехии, вызванному появлением меди. Начавшийся обмен не был ограничен ввозом одних только медных изделий. Торговцы стали привозить и другие товары, которые были не менее нужны людям, жившим в чешских землях. Привозили и керамику особых форм, способы выработки которой были неизвестны в Чехии; образцом подобной керамики может служить найденная здесь миска в виде корабля. Такого сосуда не мог бы сделать житель Чехии, у него не хватало бы для этого воображения, так как здесь не было ни судоходных рек, ни даже больших озер, не говоря уже о море. Торговцы, однако, приезжали в Чехию не только из тех областей, откуда они доставляли сюда медь. Даже в те отдаленные времена торговля носила международный характер, и никто не был так предприимчив и бесстрашен, как торговец. Достаточно было появиться слухам о том, что на территории Чехии ведут торговлю люди с юга, чтобы сюда начали пробираться торговцы с севера и запада. Они перебирались сюда и через горы, и сведения об их поездках — это первые известия о том, что человек стал проникать в Чехию таким образом.

Торговцы привозили сюда также изделия из северных и западных стран — нынешних Саксонии, Тюрингии, Бадена, Эльзаса и даже из Швейцарии. Вот чем можно объяснить, что в районе обширных болот у Рудных гор найдены следы характерных для Швейцарии свайных построек, относящихся именно к тем временам; в качестве доказательства можно указать на находку в сваях у Франтишковых Лазней медного топорика.

Чрезвычайно важное значение имело для Чехии то обстоятельство, что сюда стали прибывать люди со всех сторон. Это было связано с тем, что Чехия испытывала нужду в чудесном новом материале. Однако появление меди не могло не оказать влияния и на характер внутренней жизни страны. Медные изделия были, правда, чрезвычайно редкостью в тогдашней Чехии, о чем можно судить по тому, как они здесь хранились. Наиболее крупные и, следовательно, драгоценные предметы были, очевидно, собственностью рода, а не отдельных людей. Медные изделия не встречаются в могилах, в них клали какую-нибудь мелочь или просто кусочки меди; эти кусочки меди сами по себе уже являлись драгоценностью для неолитического человека; вот почему люди того времени клали их в могилы как дань уважения к умершему. В быту же,

в повседневной жизни неолитический человек попрежнему пользовался каменными орудиями, которые теперь стали лучше изготавливаться.

Производство каменных орудий не только доводится до большого совершенства, но в способе их изготовления можно заметить стремление подражать медным образцам и тем добиться более высокого качества каменных орудий. Так, массивные медные топоры того времени стали служить образцами для изготовления каменных топоров. Был найден и материал, который был более пригоден для такой обработки. Каменные орудия стали изготавливать из амфиболита, диабазы и других редких пород, добывавшихся на Сазаве и подвергавшихся обработке в мастерских под Козаковом. Сделаны были эти орудия с таким техническим совершенством, что их обработку можно рассматривать как высшую ступень производства каменных орудий вообще.

Искусно обрабатывались также и кости, особенно рога. Из них делали главным образом мелкие предметы для домашнего хозяйства: шилья, иглы, маленькие ножи, скребки, буравчики. Однако и этого было еще недостаточно неолитическому человеку; так как местное производство не удовлетворяло всех его нужд, он должен был пользоваться и ввозимыми из чужих стран каменными орудиями. По крайней мере найденные в Чехии северные топоры из кремня определенно носят уже характер промышленной выработки и являются предметами несомненно иноземного происхождения; топоры эти интересны для нас еще и тем, что они не просверлены и, очевидно, в таком виде прежде не употреблялись. Следовательно, в Чехии уже тогда были мастерские, которые перерабатывали такие привозные изделия, приспособляя их к местным условиям.

Это означает, что неолитический человек, живший на территории Чехии, не располагая запасами меди, приспособлял свое производство к новым условиям, вызванным появлением меди. В этом как раз и сказывалось то влияние, которое появление меди оказало на производство в Чехии.

Тем самым были вызваны глубокие изменения не только в производстве, но и во всей жизни страны. Изменения эти повлияли и на самый характер заселения чешских земель. Теперь уже не только южная и центральная Моравия и зона у Моравских ворот были наиболее заселяемыми местами; установившиеся связи с севером привлекали человека и в Силезию. Особенно большие перемены были заметны в Чехии. Путь от моравских границ к центру страны продолжал быть живым соединительным звеном с Моравией. Моравия же была связующим звеном между Чехией и юго-восточной Европой. Проникновение культуры, идущей с севера и с запада, ожидало также край, расположенный у Рудных гор, и северные области Чехии. Так впервые начинают заселяться места на Огрже, и по ее течению далее к Лабэ, и на Изере (отметим большое поселение на Мужском у Мнихова Градиште), и дальше до самой Праги. Единст-

венной областью, которая оставалась незаселенной, была южная Чехия.

Дремучий девственный лес, разделявший Чехию на южную и северную так резко, что делал их, собственно, двумя самостоятельными и независимыми областями, явился здесь той преградой, преодолеть которую тогдашний человек не мог. Возможно, что человек и не делал попыток преодолеть ее, не испытывая в этом особой необходимости, тем более что культурные влияния шли к нему не этим путем, а через Моравию. Южная Чехия продолжала оставаться незаселенной областью, покрытой густым лесом, затопленной глубокими болотами, в то время как в северной Чехии кипела новая жизнь.

Значительные перемены произошли и в образе жизни населения. Прежде всего изменились занятия людей. Разумеется, люди попрежнему занимались земледелием и скотоводством: археологи находят до сих пор зернотерки и кости домашних животных. Развивалось также ткачество. Кроме глиняного прясла, находят и глиняные гири, которыми натягивалась основа, и глиняные шпульки. Прясла затейливо украшались, что свидетельствует о том, что ткачество уже заняло значительное место в домашнем быту людей.

Керамика поражает нас богатством форм и красок. Что касается металла, то это был материал очень твердый, требующий во время обработки физической силы, какой не было у женщин. Обработка металла была под силу только мужчине. Это подтверждается всем ходом истории, той ролью, которую мужчина играл в развитии человеческого труда. И в Чехии влияние металла сказались уже вскоре после первого его появления здесь, причем главную роль сыграло изменение методов производства, связанное с появлением металла.

С появлением металла значение домашних работ, выполнявшихся женщиной, уменьшилось — для обработки металла теперь потребовались сильные мужские руки. Даже земледелие приобрело второстепенное значение. Не случайно в культурных слоях того времени находят сравнительно мало зернотерок, но зато много стрел. Эти стрелы изготовлены очень искусно, со шлифовкой. Несмотря на то, что сделаны они из камня или из костей, в способе их изготовления уже чувствуется влияние методов обработки металла. Они и предназначены для того же, для чего впоследствии были предназначены металлические наконечники стрел — это было оружие, необходимое для войны.

Новое производство, требовавшее мужского труда, развивалось и имело в результате своего развития два следствия. Скотоводство получило перевес над земледелием. Правда, скотоводство еще не настолько изменило характер хозяйства, чтобы его можно было назвать пастушеским или скотоводческим, каким оно было у украинских и вообще у южно-русских пастушеских племен. В богатой лесами Чехии для этого не было подходящих условий. Она развивалась и постепенно становилась страной преимущественно земледельческой,

но с развитым скотоводством. Такой она была уже и в изучаемое время. Тем не менее в хозяйстве произошли некоторые сдвиги, по крайней мере у определенной части населения. Научившись обрабатывать металл, мужчина получил более совершенное оружие. Он снова захватывает инициативу в свои руки и возвращается к некогда господствовавшей охоте, становится охотником-пастухом. Но теперь он уж не только охотится на оленей, но, подобно современным северным народам, разводит их целыми стадами.

Затем мужчина становится воином. Металл прямо способствовал появлению этого нового занятия у мужчины, что подтверждают археологические раскопки. Иногда трудно бывает определить, какие из найденных орудий были предназначены для охоты и какие для войны. Очевидно, такого различия тогда вообще еще не существовало. Примечательно, однако, что в описываемое время громоздких военных и охотничьих орудий производили больше, чем орудий для домашнего хозяйства. Пользовались не только привозными медными изделиями, но и у себя, на месте, изготовляли из камня топоры всех видов — от мелких обоюдоострых топориков, пригодных и для военных целей, до крупных топоров-молотов, изготавливаемых по образцу медных, — и уже упомянутые выше молоты и стрелы.

Такие перемены, разумеется, не могли не повлиять и на общественный строй. Если в эпоху расцвета матриархата главное значение имел домашний, женский труд, к которому относились земледелие и скотоводство, в то время как охота — занятие мужчин — являлась лишь дополнением к основным видам занятий, то ныне положение изменилось. Охота в соединении с пастушеством в большинстве случаев поставила на первое место мужчину. Труд женщины стал чем-то второстепенным, дополняющим занятия мужчин.

Однако это обстоятельство нельзя считать лишь возвратом к первобытным порядкам палеолитических охотников. Тогда мужчина и женщина выполняли каждый в отдельности свою работу, но были социально равноправными. В процессе развития экономических и общественных отношений труд мужчины в описываемое время получил уже преобладающее значение. Вооруженный мужчина, почувствовав себя более сильным по сравнению с безоружной женщиной, взял в свои руки всю власть. Происходила та революция, которую Энгельс называет одной из самых радикальных в истории человечества и следствием которой было подчинение женщины мужчиной¹. Вместе с тем, разумеется, разлагался и матриархат. Вместо него, со всеми вытекающими из этого последствиями, наступает патриархат. В Пржедмнержице у Кралева Градеца был раскопан могильник. В нем, глубоко в земле, был обнаружен труп мужчины в скорченном виде. В изголовье уложены были четыре черепа, отделенные от тела и вместе с мужчиной погребенные, — очевидно,

¹ См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Огиз, 1949, стр. 56—57.

это были головы людей, являвшихся собственностью умершего мужчины и поэтому, по патриархальным обычаям, умерщвленных и вместе с ним похороненных.

Переворот, вызванный переходом от матриархата к патриархату, совершился, конечно, не сразу. По пластическим изделиям можно и в дальнейшем проследить, что культ женщины еще сохранялся, так же как и культ быка, о чем свидетельствуют, например, бычьи головки на сосудах. Но фигурки с изображением женщин — это уже последние свидетельства культа женщины в Чехии. Пластика, несмотря на то, что керамика находилась в состоянии расцвета, вообще исчезает. Вместе с нею исчезают и последние следы матриархата.

Патриархат вызвал серьезные изменения и в общественном устройстве. Теперь уже появилось, или во всяком случае было положено начало имущественному неравенству между членами рода. До тех пор пока основой всего хозяйства была совместная охота, а во времена преобладания земледелия общественная собственность на землю, не было вообще никакой возможности делить имущество и, тем самым, создавать условия для имущественного неравенства. Но теперь мужчины-скотоводы считали уже скот своей собственностью, и так как приобретение и разведение скота сопровождалось большим или меньшим стадом их владельцы стали отличаться друг от друга большим или меньшим богатством.

Так появилось неравенство. Оно проявлялось не только во владении стадами, но отразилось на всем строе общества; появились уже новые обычаи. Так, например, раскопки погребений, относящихся к тому времени, указывают на то, что хотя в целом погребения остаются прежнего типа, а положенные в них дары в общем не отличаются от приношений эпохи неолита, все же в могилах попадают уже некоторые предметы, которые едва ли могли быть доступны каждому. Такие, например, приношения, как ожерелье из янтарных бус со спиральями из медной проволоки, спирали из медных полосок для волос, пуговицы из рога или кости, свидетельствовали уже о более богатом наряде человека того времени. О появлении неравенства свидетельствовали богатство и разнообразие тогдашней керамики.

Буржуазная археология в своей классификации различных типов керамики пыталась истолковать их как явление, свидетельствующее о разных «культурах» или племенах. Это вызывало лишь неразбериху в этом вопросе, тем большую, чем больше было установлено типов керамики, не говоря уже о разногласиях по поводу того, к какой хронологической эпохе нужно отнести ту или иную из этих «культур». Между тем в действительности все обстояло гораздо проще. Это был прежде всего естественный прогресс в развитии гончарного искусства, в результате которого изготовленные сосуды хотя и были богаче украшены, однако получали широкое

распространение в связи с общим прогрессом в жизни человека, как это мы и ныне видим в народном искусстве.

Но были найдены и такие изделия керамики, которые могли быть собственностью только отдельных богатых людей или собственностью семей. Это главным образом чужеземная керамика, которую богатый человек или семья, соблазнившись новинкой или красотой предмета, покупали или обменивали у иноземного торговца. Отсюда и пестрота тогдашней керамики, вызванная не столько влиянием чужеземных «культур», сколько пристрастием отдельных собственников к экзотическим формам и краскам. Это была смесь всякой всячины. Между прочим, встречаются предметы роскоши, которые никак не могли служить удовлетворению повседневных потребностей, а стало быть, и не были общеупотребительными.

Особым своеобразием отличается могильная керамика. Она встречается только в могильниках, что связано с особым проявлением культа мертвых; но далеко не каждый мог приобрести редкие красивые сосуды, чтобы почтить ими своего покойника. Таким образом, и могильная керамика может служить доказательством того, что не все люди были одинаково бедны и что некоторые из них были уже богаты.

От имущественного неравенства оставался один только шаг и к общественному неравенству. О наличии социального неравенства уже в описываемое нами время свидетельствуют некоторые факты. У Коетице, на холме недалеко от Лабы, в месте ее слияния с Влтавой, была обнаружена могила из известковых плит, каждая из которых была в длину больше 1 м. Плиты образовывали круг, диаметр которого достигал 14 м. Посредине этого гигантского круга был найден скелет ребенка с ожерельем из глиняных бус на шее. Такая могила, конечно, не свидетельствовала об одном только богатстве семьи, к которой принадлежал ребенок. О богатстве могли бы скорее свидетельствовать драгоценности на ребенке. Но необычайная обособленность, выбор места над рекой и величина могилы указывают на особое, весьма высокое общественное положение семьи покойного. Это соображение подтверждается при анализе раскопок других курганов, насыпанных над некоторыми могилами; особенно много их в Моравии, где высота их достигает 20 м.

Наличие социальной дифференциации сказывается, наконец, и в устройстве жилищ. Поселения этого времени располагались обычно в местностях двух типов: одни в долинах рек — это известные нам из прежних времен поселки собственно земледельческих племен — и другие на возвышенностях. Примером последних могут служить поселения в Шарке, на вершине Рживнач у Розтока, на Замках у Богниц. Любопытно, что они встречаются и в окрестностях Праги, а также в Гомолке у Стегельчевска, в Кладенско, у Былан в Коуржимско, на Мужском в Болеславско, в Моравии в Старом Замке у Евишовице и во многих других местах.

В этих поселениях жили не два этнически разных племени. Ведь земледельцев можно было встретить не только в низине, но и на возвышенностях. Да и в керамике, найденной как в жилищах, расположенных у рек, так и в жилищах, расположенных на возвышенностях, нет ничего, что бы резко отличало одну от другой. И все-таки между теми и другими жилищами есть известное различие, которое можно установить даже на основании наблюдений над керамикой. В низинах преобладала обыкновенная, юго-восточная керамика, на возвышенностях же встречается больше сосудов, относящихся к редкой, северной керамике. Стало быть, на возвышенности жило только богатое население.

В богницких Замках раскопаны остатки жилищ, дающие достаточно наглядное представление о характере жилищ того времени. В основном они были такими же, с какими мы уже встречались прежде; это хаты с плетеными стенами, обмазанными глиной. Но нас поражают врытые с двух сторон два ряда столбов, поддерживающих двойные стены, воздвигнутые, вероятно, с тех сторон, откуда больше всего грозила непогода. У таких хат была не одна, а четыре мусорные ямы, в каждом углу по одной. И это также указывает на то, что на возвышенности жило более богатое население.

Впрочем, дело здесь было не только в богатстве. Все эти поселения на высоких местах существовали только в ту переходную общественную эпоху. С течением времени они теряли свое значение и уступали свое место другому типу построек. Поэтому очень часто на тех же высоких местах строились уже иные, укрепленные поселения — настоящие городища (hradiště). Впрочем, в этот переходный каменно-медный век устройство поселков на возвышенностях — неприступных и более удобных для обороны мест — было в основном вызвано тем же, чем была вызвана постройка городищ, появившихся значительно позже.

Известно, что в это время мужчина, имея уже более совершенное металлическое оружие, не был только охотником-пастухом. В нем проснулся воин. А ведь у тех, кто посвящал себя воинскому делу, была и большая власть в руках. Вместе с тем эти люди занимали и более высокое положение в обществе. Очевидно, так было и здесь. Конечно, эти поселения на возвышенностях строились не для спокойного крестьянского труда и не для того, чтобы разводить и пасти скот. Люди, возводившие такие строения, руководствовались, несомненно, военными соображениями. Поселения на возвышенностях должны были стать убежищем, защитой. Сюда, естественно, стекались прежде всего те, кто хотел уберечь свою собственность. Те же, кто охранял городище, — воины — в соответствии с этой миссией и своей профессией составляли высшую касту, какой всегда было и долгое время оставалось впоследствии военное сословие. Стало быть, с несомненностью можно установить, что эти два рода поселений характеризуют все возраставшие противоречия в однородном до сего времени обществе. Наличие двух родов поселений нужно

рассматривать как проявление имущественного и социального неравенства. Очевидно, что в описываемое время население чешских земель уже страдало от того страшного зла, которое с самого начала принесло с собой неравенство, то есть от войны.

Стремление захватить возможно больше богатств толкало одни племена к нападению на другие. И в Чехии этого времени находят следы такого народа-завоевателя, названного чешскими археологами народом «колоколообразных чаш» по характерной форме его керамики. Археологи считают, что это племя ведет свое происхождение из Испании, где была найдена подобная же культура. Из Испании оно направилось через Францию сначала в западную Германию, оттуда одна ветвь этого племени проникла через Нидерланды в Англию и северную Германию, а с севера, из Германии, проникла и в Чехию; другая — направилась через Италию в Сицилию. Действительно, многое свидетельствует о том, что это был другой народ, отличавшийся от остального населения Чехии. Его появление можно рассматривать как первое вторжение в чешские земли. Его следы находят в самых различных местах средней и северной Чехии: у Колина, в Ичинско, у Литомержице и у Билины. Но этот народ не оставил после себя никаких поселений. По крайней мере до сих пор не найдено ни одного из них. После него остались лишь могилы и разрозненные, найденные в разных местах предметы, очевидно из разрозненных временем погребений.

Это был, несомненно, воинственный народ, о чем можно судить по сохранившемуся после него вооружению. Среди предметов вооружения особенно выделяются большой лук и стрелы, причем стрелы были уже более совершенными по своей форме — с сердцевидными или трехгранными остроконечниками. Кисти левой руки, державшей лук, привязывался особый щиток, выточенный из камня, чтобы оградить руку от удара тетивы при ее обратном движении. В ходу были и медные кинжалы, преимущественно короткие. Описанные выше городища, устроенные на возвышенных местах, могут также служить доказательством того, что изучаемый период был временем войн, когда люди на возвышенных местах укрывались от нападений врага.

Но все-таки следует и в данном случае быть осторожным в утверждении, что это был чужой народ, откуда-то вторгшийся в Чехию. Уже сами по себе следы его, находимые в столь отдаленных друг от друга местах — от Испании до Чехии, от Англии до Сицилии, наводят на размышления, ибо трудно себе представить, чтобы в те времена, когда едва были заложены основы для образования племен и вообще больших объединений, существовал такой сплоченный и многочисленный народ, который был в состоянии, так сказать, захватить половину Европы.

Напротив, при все возрастающей торговле и спросе на чужеземные изделия не только вполне возможно, но и весьма правдоподобно, что замечательные керамические и иные изделия из страны с

культурой «колоколообразных чаш» распространялись в результате взаимного обмена все дальше и дальше, проникнув таким образом в чужие, весьма отдаленные страны. Другое обстоятельство, однако, вызывает сомнение — это быстрое и почти полное слияние культуры «колоколообразных чаш» с культурой местной, что едва ли можно допустить по отношению к вторгшемуся в Чехию воинственному народу.

Обобщая все, что мы узнали об общественном развитии людей каменно-медного века в Чехии, мы находим и для появления народа «колоколообразных чаш» другое, более простое и более соответствующее этому развитию объяснение. Нет ни малейшего сомнения в том, что это были люди очень богатые. Уже те «колоколообразные чаши», благодаря которым они получили свое название, представляли собой не обыкновенные, общеупотребительные сосуды, а роскошные изделия из очень хорошей глины, окрашенные в темножелтый или вишнево-красный цвет. Из них особенно выделяются блестящие черные чаши. Люди, обладавшие этими чашами, имели и другие замечательные украшения. Здесь уже появились золото и серебро, главным образом в виде ободков для волос, янтарные ожерелья, особые медные булавки для застегивания одежды и конусообразные пуговицы. Повидимому, эти люди и одеты были значительно богаче.

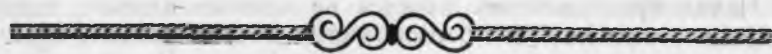
Медные орудия для этих людей вообще уже не представляли такой редкости, какой они являлись для других групп населения. При всем том, однако, у них было много общего с населением, жившим в долинах.

Они также еще пользовались в повседневном обиходе в значительной мере каменными орудиями. Их вооружение и украшения не могут быть отнесены лишь к западному типу. Излюбленные кинжалы их — явно юго-восточного типа, так как с юго-востока в чешские земли поступало вообще наибольшее количество металлических изделий. Наконец, и тот факт, что эти люди не оставили после себя никаких собственных поселений, а одни только могилы, может служить основанием для утверждения, что они не так уж резко отличались от остального населения, чтобы селиться отдельно от него.

Вероятнее всего, это был слой богачей, имевших достаточно средств, чтобы приобрести себе роскошнейшие по тем временам западноевропейские «колоколообразные чаши». Однако все наши соображения относительно происхождения этого народа не вносят никаких изменений в тот факт, что это было воинственное племя или военный слой. Известно, что возврат к охотничье-пастушескому образу жизни таил в себе значительные элементы воинственности, в противовес мирному характеру земледелия. Точно так же и патриархат после мирного матриархата означал войну. В те времена неприятель, от которого нужно было охранять накопленное имущество и для этого строить укрепленные городища, не обязательно должен был проникать в Чехию из далекой Испании. Накопленные

богатства привлекали к себе и ближайших соседей. Очень часто местные родовые объединения участвовали в нападении на другие роды, с тем чтобы захватить их богатства, ибо вообще имущественное неравенство с самого начала было главной причиной столкновений и войн.

Существование народа «колоколообразных чаш», если пользоваться терминологией чешской археологии, не является, таким образом, доказательством того, что в истории Чехии был такой период, когда было прервано или прекращено развитие страны. Напротив, появление этого народа означало завершение изучаемого периода. Это был возврат от земледелия к охоте и пастушеству, победа патриархата над матриархатом. Единое до того общество распалось на богатых и бедных, сильных и слабых, воинов и трудящихся.

Глава VI

БРОНЗА. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ

Если медь, которая не добывалась в Чехии, но изделия из которой стали известны здесь, вызвала в чешских землях такие глубокие перемены, то можно себе представить, какое огромное значение имело появление настоящего, получаемого в местных условиях металла — бронзы, тем более что этот металл был гораздо лучше и тверже, чем мягкая медь. При этом он легче плавился и благодаря своему прекрасному золотисто-желтому цвету казался прямо солнечным. Бронза тоже изготовлялась из меди, то есть из металла привозного, но в соединении с оловом, которого было более чем достаточно в Рудных горах. Вот почему бронзу стали скоро выплавлять и в Чехии из местного олова и привозимой из других стран меди. Поэтому-то в чешской бронзе такой большой процент олова.

В бронзе, предназначенной для производства орудий и предметов вооружения, содержалось, правда, только 10% олова, так как при большем проценте олова она становится ломкой. Но в бронзу, из которой делались украшения, примешивали почти 25% олова (греческая бронза с острова Корфу содержала 18% олова, египетская — 5%, римская — около 2%). Такой состав, очевидно, готовили, чтобы придать бронзе красивый цвет, который она в этом случае приобретала: она не была уже золотисто-желтой, а сверкала белизной, подобно современному электрону (сплав золота и серебра). Это был, следовательно, металл, который лучше всего мог заменить — и заменил, хотя и не полностью, — камень и кости, из которых раньше изготовляли орудия. Бронза была вполне пригодна для этой цели и по своему качеству и по тому, что ее важная составная часть — олово — добывалось здесь же, на чешской территории.

Производство бронзы началось в Чехии довольно рано. Точно не известно, когда и как была изобретена бронза (название ее происходит от итальянского города Брундузиума, современного Бриндизи, где впоследствии находились крупные мастерские, производившие бронзовые изделия). Однако бронза известна уже на грани второго тысячелетия до нашей эры, когда создавался фундамент замечательной микенской культуры, предшественницы культуры греческой.

В Чехии бронзовый век начался не намного позднее, вскоре после начала того же второго тысячелетия. Можно поэтому проследить и пути, которыми бронза проникала в Чехию. Из стран Средиземного моря, где торговлей бронзовыми изделиями больше всего занимались финикийцы, вели на север три главных торговых пути: один от Эгейского моря, другой от Адриатического моря и третий — на северо-запад от Марселя. Все они вели к Балтике, где южных купцов больше всего привлекал янтарь. Поэтому наибольшее распространение получила бронзовая культура на севере, однако и на торговых путях возникают центры ее распространения, одним из которых является Венгрия, другим — Швейцария. Чешские земли лежали на одном из этих путей: с венгерской равнины в Моравию, оттуда дальше к Одре (Одер) и Лаббе, как на это указывают сравнительно богатые находки янтаря в чешских землях, которые относятся к бронзовому веку. Таким образом, и на территории Чехии, и, пожалуй, прежде всего именно здесь, бронза получила широкое распространение.

Несомненно, что появление и распространение бронзы в Чехии связано с развитием торговли; по крайней мере вначале она, как и медь, попала сюда именно этим путем. Этим объясняется, вероятно, и большое количество разнообразных бронзовых изделий в Чехии. Появляются украшения всех видов (ожерелья, серьги, браслеты, булавки, застежки, пояса, пуговицы, цепочки), оружие (кинжалы) и предметы домашнего обихода (топоры, серпы, ножи, долота, шилья, иглы). Трудно себе представить, чтобы местное производство могло так быстро перестроиться для изготовления столь разнообразных предметов.

Однако и производство бронзовых изделий началось в Чехии довольно рано. Об этом свидетельствует не обработанное еще сырье, найденное в чешских землях — медь в дисках, то есть в том первоначальном виде, в каком она была привезена сюда, и бронза в не подвергшихся еще обработке, а лишь подготовленных к производству изделий слитках. Сохранились и формы для отливки бронзовых предметов, дающие представление о технике литья. Обыкновенные изделия отливались прямо в глиняных формах, ординарных или двухсторонних (так отливались топоры, простые кинжалы). Для отливки предметов более сложных форм и украшенных орнаментом заготавливались бронзовые формы (в Чехии они найдены в Нове Вси, у Велими). Прежде чем отливать отдельные предметы, в формы наливали воск, а сделанный таким образом восковой слепок обмазывали глиной и обжигали. При этом воск вытекал из оставленных для этого отверстий. Получалась глиняная форма, в которую вливали бронзу. После охлаждения глиняную форму разбивали, а бронзовый слепок подвергался дальнейшей обработке. Как видно, в те времена техника металлического литья находилась уже на довольно высоком уровне, некоторые же изделия являлись произведениями большого мастерства.

Однако появление бронзы означало гораздо больше, чем простую смену материала, из которого изготовлялись прежде орудия. Появление бронзы означало, что производство в чешских землях вступило в совершенно новую, доселе невиданную, высокую стадию. Так впервые появилось в Чехии массовое производство изделий — промышленность. Этим словом часто обозначали и широкое производство каменных орудий в позднелитических и неолитических мастерских. Но это было лишь фигуральное выражение, ибо производству из камня, даже при любом количестве изделий одного и того же типа, не хватало главного признака промышленности — серийности производства. При изготовлении каменных орудий каждое из них подвергалось особой обработке. Иначе и быть не могло. Изготовление каждого предмета в целом или по частям зависело от качества и формы камня и от степени мастерства производителя. И только отливка в формах впервые привела к массовому производству совершенно одинаковых предметов.

Вот почему именно в это время впервые были получены такие значительные результаты, имеющие большое значение для развития производства. Серийность производства прежде всего обусловила гораздо более широкое распространение различных предметов и орудий, производимых в массовом масштабе. Ведь в промышленности, в отличие от индивидуального производства, работа идет гораздо быстрее и вырабатывается гораздо больше товаров. Кроме того, промышленные изделия обыкновенно стоят гораздо дешевле.

Правда, этого второго преимущества чешская промышленность в полной мере еще не ощущала, так как бронза стоила довольно дорого (она стала дешевле только после появления железа). Вот почему наряду с бронзой долгое время еще существовали и каменные орудия и люди не только употребляли их, пользуясь старыми запасами, но и продолжали изготавливать. Впрочем, немалую роль при этом играли и старые навыки и консервативность людей, боящихся новизны. Несмотря на это, новое производство даже в тех условиях достигло многого. Бронзовые изделия перестали быть большой редкостью в чешских землях, они все больше и больше наводняли Чехию, пока совершенно не вытеснили старые каменные орудия. Таким образом был решительно поднят уровень производства и жизни в стране.

Другим, еще более важным достижением явилась стандартизация производства. При массовом производстве устанавливаются определенные типы предметов и орудий. Тем самым, особенно при однородности орудий, совершенствуется специализация производителя. Больше уж не производят что попало и не работают по собственному усмотрению. Литье требовало выбора того или другого типа продукции. Возник поэтому известный стандарт. В то же время устанавливается и определенный способ обработки — такой, который оказывается наилучшим.

Вместе с тем появляется и другой тесно связанный с развитием промышленности экономический фактор — торговля. Но и торговля в описываемое время была уже совершенно иной, чем до сих пор. Прежде вели торговлю только иноземными товарами, почти исключительно случайными предметами, хотя такая торговля не прекращалась и в дальнейшем. Теперь уже появились и внутренние рынки, так как промышленность работала прежде всего для удовлетворения местных потребностей. Торговали главным образом товарами массового производства и притом стандартизованными в соответствии с характером производства. Лучшим доказательством и одновременно типичным образцом являются найденные в Чехии клады товаров, зарытых в земле; в этих кладах обнаружено большое количество бронзовых изделий одного и того же типа. Наконец, среди находок были обнаружены и отдельные части орудий, определенно предназначенные для замены изношенных, что ясно указывает на существование уже большой стандартизации в производстве и торговле.

Крупнейший из таких кладов был открыт у Пржеставков на Пржеровско. Здесь найдено несколько сот бронзовых предметов, среди которых было 50 браслетов и еще большее количество других вещей — застежек, иголок, поясов, пуговиц, ножей, серпов, наконечников для копий, а также топоров. В одной только Моравии открыто свыше 40 таких «депо», как в чешской археологии называют подобные клады: в Годонине (там найдено свыше 600 предметов), у Славкова, в Знойме и других местах — почти во всех областях Моравии.

Торговля была весьма существенным дополнением зарождавшейся промышленности в Чехии. Как только промышленность стала производить бронзовые изделия, купцы в свою очередь начали распространять их по стране. Таким образом, они не только содействовали развитию производства, но одновременно поднимали жизненный и культурный уровень населения в чешских землях.

Наконец — и это очень важно, — новая промышленность и связанная с нею торговля достигли еще одного, весьма значительного результата: они способствовали объединению населения чешских земель. Благодаря тому, что промышленность производила одинаковые товары, прежде всего однотипные орудия, приучавшие людей к одним и тем же трудовым процессам, было ослаблено, если не совершенно преодолено, различие в уровне производства и жизни у разных групп населения.

Торговля на всех исторических этапах является общепризнанным объединяющим фактором. Уже иноземная торговля, распространявшая изделия в различных странах, способствовала сближению народов этих стран. Разумеется, гораздо более значительную роль в деле объединения населения внутри страны играла внутренняя торговля. Торговцы располагались лагерем в определенном пункте, о чем широко оповещалось население всей округи. Привлеченные товарами покупатели, обычно чуждые друг другу, познакомились

и таким образом сближались. Главное же состояло в том, что таким образом широко распространялись новые, притом однотипные изделия, что тоже было одним из факторов, способствовавших объединению целого края.

Немало способствовало этому и то обстоятельство, что торговцы не оставались на одном месте, разъезжали из края в край, о чем свидетельствуют раскопанные археологами клады вещей. Это не случайные остатки какого-нибудь разоренного клада. Найденные в земле товары были сложены самими торговцами. Переезжая из одного края в другой, где также имелись клады товаров, торговцы непроданные вещи, очевидно, обшивали кожей или укладывали в сосуды и тут же зарывали в землю. Что это было именно так, свидетельствует тот факт, что место, где был зарыт клад, отмечалось камнем, для того чтобы торговцы при возвращении могли его легко найти. Таким образом, во время своих разъездов по стране торговцы повсюду снабжали людей товарами, тем самым способствуя сближению и объединению населения различных областей.

Насколько далеко уже в те времена зашел процесс объединения, можно судить по тому интересному с экономической точки зрения факту, что в это время совершенно исчезают следы тех западных и северных культур, которые были занесены в Чехию вместе с медью. Эти культуры растворились в отечественной продукции, которая развивалась в едином для чешских земель направлении. Население чешских земель снова и еще более решительно продолжало укреплять свои связи с народами европейского юго-востока.

Развитие промышленности и торговли в значительной мере способствовало тому, что роды и семьи, жившие до этого времени разрозненно, стали объединяться в единое культурное целое. Первым этапом на пути образования такого единого культурного целого является история Унетиче.

Унетиче — это вторая, после палеолитического Пржедмостя, ставшая знаменитой, местность в Чехии древнейших времен. Она находится совсем близко от Праги. Там, на пути в Розток, у села Унетиче, в 1879 г. было открыто сначала обширное кладбище, а вскоре после этого, на противоположной стороне реки, на так называемых Козьих Хребтах, было раскопано не менее обширное поселение. И в поселении и на кладбище найдены предметы одной общей культуры — культуры бронзового века. В других местах найдены погребения и поселения с аналогичными, хотя не всегда столь же дорогими и разнообразными предметами. Следы этой культуры найдены, правда, и за пределами Чехии — в местности, простирающейся от Тюрингии и до западной Словакии, но центром ее все-таки остается центральная Чехия, Унетиче; поэтому и вся культура получила в мировой литературе название унетичской культуры. Унетичская культура — древнейшая в Центральной Европе бронзовая культура, дающая наглядное представление обо всем дальнейшем ее развитии.

Выясним теперь, каким же образом бронза стала распространяться в чешских землях. Бронзовый век наступил в чешских землях не внезапно. Сначала здесь встречались лишь отдельные бронзовые предметы, число которых с течением времени становилось все больше и больше; в соответствии с ростом торговли возникло и развивалось производство бронзовых изделий. Поэтому сначала, как известно, не только еще встречались в употреблении каменные орудия, но продолжалась также и их выработка. Но качество каменных орудий заметно падает. Лучшими из них были те, которые наряду с бронзовыми предметами доставлялись из чужих краев, особенно с севера.

Наконец наступило время, когда каменные орудия, за малым исключением (каменные орудия, впрочем, встречаются и в самых развитых бронзовых культурах), исчезают. Унетицкая культура является уже исключительно бронзовой культурой с вполне развитыми торговлей и производством бронзовых предметов.

Новое бронзовое производство оказало влияние и на технику изготовления других предметов, в первую очередь — керамических изделий. Керамика лишилась тех причудливых форм и красок, какие свойственны были древней керамике, формы которой создавались очень часто под влиянием мимолетной фантазии. Тем не менее она не стала менее красивой. Особенно красивы были отличавшиеся металлическим блеском черные и коричневые сосуды. Но это уже была другая красота, свидетельствующая скорее об изяществе, чем о роскоши. Впрочем, внешний вид новых керамических изделий становится более простым и стандартным. Изделия из керамики стали легче, их можно было уже переносить с места на место (с удлинением горлышка ушко разместились между брюшком и горлышком, в то время как прежде оно было у самого края). В керамике яснее можно проследить ее целевое назначение. Появились сосуды простые, для домашних целей; среди них были маленькие, как, например, чашки и кувшины, и большие, в которых хранилось зерно и другие припасы.

Совершенно иной вид имеет керамика, найденная в могильниках и явно предназначенная лишь для захоронения. Это скорее символическое изображение сосудов, чем настоящие сосуды. Для погребального ритуала изготавливались мелкие, но зато старательно обработанные керамические изделия.

В противовес этому, промышленность, производившая украшения, способствовала появлению у разбогатевших людей стремления к роскоши. Попрежнему продолжают носить ожерелья из ракушек, как во времена неолита, но теперь уже не из отечественных, а из заморских раковин, привезенных из Средиземноморья.

Встречаются ожерелья и из светлозеленых стеклянных бус и ожерелья, отлитые целиком из бронзы, в форме круга. На руки надевали браслеты различной формы, свитые из проволоки, чеканенные из бронзовой пластинки или литые. Появились уже и золотые

браслеты. Серьги делались в форме бронзовой пластинки с крючком, а перстни — из бронзовых полосок или из двойной проволоки. Даже некоторые предметы домашнего обихода по своей выделке напоминали предметы роскоши. Неолитическому человеку, например, для того чтобы скрепить шкуру или ткань, в которую он был одет, достаточно было полированной кости с наконечником. Теперь же человек приобретал привозные или отечественного производства богато украшенные булавки различной формы, представляющие собой в некоторых случаях драгоценности. Можно предположить, что и одежда изготовлялась уже из дорогой материи. Для причесок, которые тоже делались с большим искусством, употреблялись особо украшенные заколки, как привозные, так и местного производства.

Разумеется, отдельные богачи носили и разукрашенное оружие. В этом отношении особенно выделяются унетицкие кинжалы, большая часть которых имела украшения на клинке и на рукоятке. Найдены великолепные предметы, произведения высокого технического мастерства, такие, например, как кинжал, рукоятка которого выложена янтарем, а место соединения клинка с рукояткой отмечено золотым ободком. Следовательно, роскошь проникла тогда и в среду воинов.

Зато гораздо меньше развивались те отрасли хозяйства, на которые развитие новой промышленности не оказало и не могло оказать прямого влияния. Так, унетицкие поселения остались совершенно такими же, какими были и прежние поселения чешских земель. Несмотря на то, что жизнь стала более культурной и более зажиточной, поселения как в долинах, по берегам рек, так и на возвышенностях оставались почти без изменений, судя по оставшимся после них так называемым культурным ямам. Только городища были лучше укреплены насыпями и рвами — для охраны накопленного в них богатства. Но в строительстве жилищ, так же как и в устройстве могил, — что особенно знаменательно — многое оставалось по-старому. Здесь старые традиции оказались сильнее влияний, принесенных бронзовым веком.

С появлением бронзы почти повсюду стал распространяться обычай сожжения мертвых. Он отмечается с такой последовательностью, что нельзя не видеть связи между этим обычаем и влиянием бронзовой культуры. Однако, несмотря на то, что сожжение трупов, наряду с преданием тела земле, было издавна известно и распространено в чешских землях, в описываемое время обычай сожжения исчезает. Он стал исчезать уже давно, в конце каменного века. И в унетицкий период умерших не сжигали; их предавали земле.

Следует отметить еще один обычай, тоже в общем не новый в Чехии, но заметно распространившийся в данное время, — трупы при погребении были сильно, иногда даже неестественно, скорчены. В ряде случаев сохранились и остатки веревок, которыми труп был опутан по рукам и ногам. Возникает вопрос, откуда и по какой причине

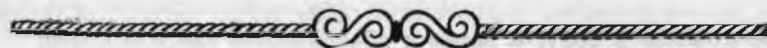
появился такой обычай? Появление его обыкновенно объясняют желанием сделать могилу покороче, чтобы на ее устройство тратить меньше сил. Однако на устройство унетичских могил тратилось много времени и сил, так как стенки могил обкладывались камнем, а в некоторых случаях вымачивалось даже дно могилы. Сверху могилы всегда заваливались камнем.

Едва ли, следовательно, целесообразно было беречь силы при копании могилы, если их в значительно большей степени тратили на гораздо более тяжелую работу — на обкладывание могилы камнем и опутывание трупа веревками. Последнее было не так просто сделать, ибо колени покойника прижимались к самой груди, пятки — к крестцовой кости, локти — к груди, а кисти рук — к голове. Причина здесь явно другая. Если принять во внимание известный страх первобытных людей перед мертвыми, то станет ясным, что все это они делали из страха, чтобы умерший не встал и не возвратился. Поэтому его не только скрючивали, но еще и связывали. Очевидно, страх перед мертвыми отразился и в религиозных представлениях людей того времени. Только так и можно объяснить общую распространенность такого погребального обряда.

Развитие бронзовой культуры в Чехии привело к тому, что унетичская культура явилась не только первой по времени, но и фактически наиболее зрелой бронзовой культурой во всей Средней Европе.

Развитие ее не было ограничено, как уже отмечалось выше, только первоначальной областью ее распространения.

Захватив всю северную половину Чехии (южная Чехия и далее оставалась отделенной от этой части страны), унетичская культура распространилась через Моравию, где найдены ее следы, главным образом в бассейне реки Ганы, на юг, через Дью к Дунаю и в юго-западную Словакию. В то же время унетичская культура проникла из Чехии и на северо-восток, через Кладско к Вроцлаву, и на север, вдоль реки Салы, и до Магдебурга. Таким образом, унетичская культура содействовала образованию в этой области единого культурного целого. Оставался один только шаг к образованию первых народов.

Глава VII

ПЕРВЫЕ НАРОДЫ. ПРОТОКЕЛЬТЫ И ПРОТОСЛАВЯНЕ

До сих пор, рассматривая историю древнейшего населения на территории Чехии, мы намеренно не касались вопроса о племенной или вообще этнической¹ принадлежности того или иного народа. Мы решительно отвергли тезис, столь излюбленный буржуазными археологами, согласно которому они всякое развитие объясняли прежде всего племенными, то есть расовыми изменениями. Мы отвергли такой метод изучения истории народа прежде всего потому, что установить эту расовую принадлежность невозможно. Все попытки, сделанные в этом отношении археологией и антропологией, оказались неудачными. Такой, казавшийся убедительным, метод, как метод измерения черепа и, соответственно с результатами этого измерения, деления рас на долихоцефальные и брахицефальные (длинноголовые и короткоголовые), не только не дал никаких серьезных результатов, но, наоборот, потерпел полное поражение. Уже одно то, что пришлось принять компромиссное определение расы — «мезоцефалы» (среднеголовые), явилось, по существу, крахом этого метода. Вообще попытка типизации племен или стремление хронологически точно установить, какой тип относится к позднему времени, а какой к раннему, — труд совершенно напрасный. Единственное, к чему привела такая работа антропологов — а она иногда казалась большой — это уяснение, что среди живших в Чехии народов довольно рано начался процесс скрещивания и что на основе неизменных и якобы «типичных» признаков того или иного племени никакой теории вообще построить нельзя. Такой вывод вполне соответствует общему процессу исторического развития человечества. Племена и нации создавались не расой, не природой, а общественной жизнью людей, общественным трудом и социальными формами, созданными общими усилиями. Так было и в Чехии. Как и в других местах, племена в Чехии начали складываться для защиты общественных интересов живших здесь семей и родов. Такие объединения явились результатом экономического, общественного и

¹ В переводе термин *národnostní příslušnost* — «национальная принадлежность» заменен термином «этническая принадлежность» — более правильным для того периода. (Прим. ред.)

культурного развития; первобытные орды через кровнородственную семью пришли к роду, а затем к объединению родов в племя.

Отсюда и то удивительное, по нашим представлениям, единство в культуре и во всем строе жизни доисторического человека в первые эпохи его развития. Борьба за существование, первые стадии развития уже окрепшего в борьбе с природой человека еще не вызвали необходимости в разделении людей на племена. В дошедших до нас остатках материальной культуры не найдено решительно ничего, кроме проблематичных антропологических догадок, что указывало бы на расовые, племенные различия населения той или иной страны. Только в неолитическую эпоху, при ее уже довольно высокой культуре, можно установить какие-то различия между основными европейскими странами. Эти отличительные признаки мы и учли в настоящей работе, чтобы установить принадлежность древнейшего населения Чехии к населению восточных областей в период позднего палеолита. Однако это еще не дает нам права определять племенную или этническую принадлежность той или иной группы населения чешских земель. Важно исследовать, как проходил у древнейшего населения Чехии процесс общественного развития.

Только в период между 1500—1200 гг. до н. э. можно отметить в Чехии такие явления, которые заставляют нас обратить внимание и на проблему этнического происхождения населения Чехии. В это время в Чехии было достаточно сил, побуждавших население, экономически довольно сильно объединенное благодаря развитию бронзовой промышленности и связанной с нею торговли, на создание высших по форме и более крупных культурных объединений, делившихся на племена. Для этого необходим был только повод, который и появился в середине бронзового века.

Стали обитаемы и те части Чехии и Моравии, которые до этого времени вообще еще не были заселены человеком или были заселены очень мало. Это была прежде всего южная Чехия. Как известно, в этом крае до того времени вообще не было никаких следов человека, хотя местные исследователи их усиленно искали. Ценность находки менгира¹ у Страконице, которой когда-то придавалось большое значение, свелась к нулю. Известна и причина, по которой население из северной половины Чехии не проникало в южную даже во времена своего уже довольно значительного расцвета.

Девственный лес, тянувшийся с запада на восток, делил Чехию на две совершенно независимые части. Даже Влтава, которая течет с юга на север, не могла быть соединительным звеном между ними, ибо Влтава как раз в этом месте не только несудоходна, но и непроходима. И в настоящее время это наименее освоенная часть Влтавы,

¹ Менгир — один из видов кельтских мегалитических памятников. Распространен в Бретани, Англии и Скандинавии. Он представляет собой простой, неотесанный, обычно четырехгранный столб, вертикально врытый в землю. Отдельные менгиры достигают больших размеров. Иногда на них имеются высеченные знаки. (Прим. ред.)

куда вообще нет дорог из-за отвесных скал, подступающих прямо к реке. Ее приходится объезжать справа или слева. В описываемое время торговые пути, а впоследствии и римские дороги шли на север кружным путем. Каким же неприступным должен был быть этот край в каменном и даже в бронзовом веке!

Поэтому люди, которые там поселились в описываемую эпоху, не могли прийти с севера, из Чехии, а должны были появиться или с юга, где чешские пограничные горы сильно понижаются и открывают путь к будеевицкой равнине, или с юго-запада, где Шумава в окрестностях Домажлице переходит в равнину и прямо открывает путь в южную Чехию.

Этим же путем в более поздние времена, которые нам известны уже по письменным источникам, на Чехию совершались набеги с запада.

Население, которое жило в южной Чехии в описываемое время, было связано родственными узами с народом, населявшим Австрию и Баварию. Поэтому здесь было совсем иное население, чем в северной половине Чехии. Его отличительной особенностью был своеобразный способ погребения. Над могилами насыпали высокие курганы. Отсюда и ведет свое происхождение данное чешской археологией название этого народа — «народ курганов» или «народ каменных курганов». Дело в том, что могила строилась в виде каменной камеры, а насыпь над ней укреплялась каменным венцом, чтобы дождь не размывал глину. Но не способ погребения представляет для нас главный интерес при характеристике обычаев этого народа. Так как это народ южного происхождения, то у него совершенно другой характер, чем у известного нам народа северной части Чехии, хотя и у него имеются типичные черты народа эпохи бронзовой культуры.

Народ каменных курганов прежде всего народ воинственный, правда, в ином смысле, чем это говорилось о северо-чешских охотниках-пастухах. В данном случае перед нами настоящие военные дружины, вооруженные по последнему слову техники того времени. Поэтому лишь в виде исключения здесь встречаются копья, зато весьма развита техника производства луков и стрел. Стрелы с острыми бронзовыми наконечниками изготовлялись в очень большом количестве (в одной могиле нашли около 20 наконечников стрел). Кинжалы, которые делались гораздо шире и длиннее, предназначались уже для настоящей битвы. Но наиболее знаменательно то, что этому народу уже был известен меч — о котором Энгельс говорил как о решающем оружии для эпохи варварства¹. С появлением меча коварный дикарь превратился в борющегося варвара. Мечи встречаются двух типов: один — короткий, представляющий собой, собственно, удлиненный кинжал; другой — длинный, бронзовый меч,

¹ См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Огиз, 1949, стр. 22.

с бронзовой рукояткой, вкладываемый в деревянные ножи, отделанные на конце бронзой. И другие орудия, принадлежавшие этому народу, по своему виду и особым качествам скорее напоминают военное снаряжение, чем инструмент для работы. Так, например, ножи целиком, вместе с рукояткой, отлиты из бронзы; в большинстве случаев они изогнуты наподобие малого кинжала.

Характерным для этого народа является и то, что он накопил большие богатства. Предметы, найденные в одной лишь могиле, составляют целое сокровище. Прежде всего, обнаружены в бесчисленном количестве украшения — этот главный в те времена признак богатства, — весьма разнообразные, изготовленные по образцам, характерным для бронзового века и известным нам по памятникам унетичской культуры. Они почти такого же типа, хотя иногда отличаются своей выработкой. Здесь и излюбленные в те времена булавки, уже с маленькой спиралью в нижней части для удобства пользования, и серьги, более прочно сделанные, и древнейшее украшение первобытного человека — ожерелье, и многие другие дорогие украшения. Встречаются серьги из золота, а ожерелья из янтаря. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что украшения имеют уже не просто роскошный, но вызывающе роскошный характер, а это в какой-то мере свидетельствует о высокомерии богатых женщин. Богатые женщины, например, носили не один, а четыре браслета на одной руке или во всяком случае не менее двух — один из бронзы, другой из золота. Кольца надевали на все пальцы обеих рук, даже на пальцы ног. Бронзовыми поясами обвивали не только тело, но и ноги. Короткие юбки, которые носили женщины, украшались мелкими бронзовыми кружками, либо золотыми проволочками, тоненькими, как волоски. Наконец, богатые люди, мужчины и женщины, уделяли много внимания уходу за своим телом. Об этом свидетельствуют не только весьма острые и заботливо хранимые бритвы, но и бронзовые пинцеты для выщипывания волосков на лице, найденные в женских и мужских могилах. А какое тогда придавали этому важное значение, видно из того, что и мертвым в могилы клали эти приборы, руководствуясь, повидимому, соображением, что они необходимы и в загробной жизни.

Зато все эти находки почти не дают нам сведений о труде. Во всяком случае найденные предметы, указывающие на трудовые процессы, гораздо менее значительны, чем предметы, указывающие на необычайную роскошь. Даже красивые керамические изделия, которые в бронзовом веке изготовлялись в значительном количестве, здесь поражают бедностью своей отделки. Изделия из керамики прежде всего плохо выполнены, однообразны и плохо обожжены. По форме это почти сплошь чашечки, кувшинчики, миски на ножках и без ножек, горшки с простым и бедным орнаментом (большей частью в виде узких полосок с двумя линиями по краям и черточками между ними).

Итак, что же это был за народ? Совершенно очевидно, что население южной Чехии не является автохтонным. Не было здесь и

другого, поработанного народа. Богатство здесь не являлось привилегией отдельных лиц, как об этом лучше всего можно судить по могилам.

Могилы отличаются не только роскошью. Мертвые хоронились у них с почестями и великолепием, со всем вооружением, со всеми драгоценностями и орудиями, с сосудами, наполненными пищей и расставленными по краям могилы; так погребались и мужчины и женщины. На месте костра, на котором сжигался труп, устраивалась могила из камня, а над нею возвышался курган высотой до 20 м и шириной до 8 м. Примечательнее всего то, что такие могилы — не единичное явление. Из них образовывались целые кладбища, иногда довольно обширные. Совершенно очевидно, что здесь речь идет не о какой-нибудь небольшой кучке богачей, но вообще о богатом по тому времени народе, который, придя сюда, принес с собой и свои богатства; скорее всего, перед нами высший слой народа, который занял не обжитую еще южно-чешскую равнину.

Становится ясным и общественное устройство народа, поселившегося в южной Чехии. Это был не просто воинственный народ, а народ воинов, со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями. Мужчина здесь не только распоряжается, но и господствует. Наличие богатой одежды у женщин не может поколебать нашей уверенности в том, что мужчина действительно занимал господствующее положение. Богатые наряды, наоборот, всегда являются доказательством подчиненности женщины мужчине, ибо свободная женщина проявляет себя в труде, в то время как излишне украшающая себя женщина делает это для того, чтобы понравиться мужчине, своему господину. В качестве примера можно указать на всем известное положение женщины на Востоке. Наличие патриархата у населения южной Чехии можно считать вполне установленным. Вместе с тем занимавшие высокое общественное положение мужчины стали проявлять уже властолюбие, на что указывает дальнейшее развитие этого народа. Народ этот, в погоне за добычей, проникал и в другие области. Из его среды выходили, повидимому, первые князьки в Чехии, если и не имеющие княжеского достоинства, то, по крайней мере, обладающие их спесью и богатством. Таким образом, появление этого народа в Чехии имело очень большое значение для всего ее дальнейшего развития. С ним пришел сюда слой господ, которых не было до этого в Чехии.

Не менее важный процесс совершался также и в противоположной части Чехии, на чешском северо-востоке. Это не был край необитаемый, каким являлась южная Чехия до появления здесь народа каменных курганов. Но и сюда население из других частей Чехии проникало только небольшими группами, и большей частью одиночками. Стало быть, и эту область нельзя было считать вполне заселенной. Границами ее, разумеется, только в самом общем виде, служили на юге Лаба, на западе — Изера. Эта последняя, видимо, была для среднечешского населения гранью, за которой для него

не было ничего привлекательного. Следов унетичской культуры, типичной для населения средней Чехии этого времени, найдено здесь несравненно меньше, чем на западе от этой изерской границы. Да и найденные следы этой культуры носили случайный характер. Ничего удивительного нет поэтому в том, что и эта область казалась безлюдной, а стало быть свободной, и что сюда в описываемое время стали прибывать люди. Но это не был народ, вышедший из глубины Чехии. Он пришел с северо-востока и, стало быть, до сих пор был здесь неизвестен.

Путь, каким он проник сюда, нам известен. Конечно, он не мог пройти через горы. Горы, прежде всего Исполинские, представляли еще более надежную защиту от пришлого народа, чем Шумава на юге. Но и здесь был найден перевал, через который можно было проникнуть в страну без особых усилий. Это был, ставший потом столь известным и важным, Находский горный перевал. Именно этим путем указанный народ добрался до реки Метуи, а по ней направился к Лабе, где плодородная низменность среднего Полабья была для него, разумеется, особо желанным открытием. Распространившись отсюда по современным Градецку, Пардубицку, Быдзовску и Ичинску, народ этот продвинулся почти до Турновско и Болеславско и до самой Изеры, где и остановился. Густо населенный край за Изерой его, очевидно, смутил. Зато на востоке, перейдя Лабу, народ этот наряду с Орлице, Лоучне и Доубравкой занял также Хрудимско и Чаславско. Через Колинско по Лабе люди дошли до Подбрадско и Нимбурско, а через Чешско-Бродско — до самой Праги. Таким образом, этот народ занял уже всю ту часть Чехии, которая до того была малонаселенной, — северо-восточную Чехию. У этого народа был принят особый, доселе в Чехии не встречавшийся обычай погребения. Трупы они сжигали и пепел ссыпали в урны. Урны помещались на кладбищах, некогда столь обширных, что возникали целые поля, по которым в чешской археологии народ этот и получил свое название: «народ полей погребений». Нас больше всего интересует вопрос: что это был за народ? Тем более, что это был народ своеобразный и его социальная организация во многом была совершенно противоположной южночешскому народу курганов.

Это был народ, в полном смысле слова, а не просто какой-нибудь отряд завоевателей. Это подтверждается, во-первых, его многочисленностью. На это же указывает прямо неисчислимое количество его кладбищ и поселений, еще и ныне открываемых, так же как и количество вещественных памятников, хранящихся в областных музеях — в Градце Кралевом, Горжицах, Мниховом Градиште, Турнове и др. Оставшиеся после него памятники определенно указывают, что его поселения были очень многочисленны. Удивительно проста его керамика. Будь то урны или чашки, кувшинчики или большие выпуклые сосуды — все они совершенно обыкновенной формы, вполне отвечающей той цели, для которой они были предназначены. Все они украшены чрезвычайно простыми рисунками:

кружочками, черточками, дужками, полосками. Здесь нет места роскошным формам или ярким краскам, какие были свойственны южночешскому народу.

Что же касается богатства, поскольку о нем вообще можно говорить, то его можно обнаружить здесь только в громадных кладах бронзовых товаров («депо»), которые были зарыты в землю людьми, распространявшими эти товары. Возникает вопрос, что именно из находимых в кладах вещей действительно приобреталось населением. Если вещи, собранные в кладах, считать образцом того, что действительно приобретало население и привозилось сюда торговцами, то мы столкнемся с явлением, знакомым нам уже по описанию керамики. Это были точно такие же простые вещи, которые не выделялись из общего числа подобных товаров. Украшения были такими же, какими производила их тогда в массовом масштабе бронзовая промышленность, — булавки, ожерелья, серьги, браслеты, перстни. Особенно поражают своим однообразием булавки, которые в других местах так красиво отделаны. Здешние булавки представляют собой длинные и массивные предметы с простой головкой, круглой либо расплющенной и свернутой в глазок. Они определенно были предназначены для застегивания одежды и ни для чего более. Такие явные предметы роскоши, как нарядные ожерелья, сделаны уже из одних только литых бронзовых бус или мелких спиралей. Браслеты, серьги и перстни скручены из простых бронзовых палочек, овальных или граненых, либо из проволочек, ординарных или двойных. Роскошь проявлялась лишь в том, что иногда для изготовления этих изделий употребляли золотую проволоку.

Больше всего, однако, характеризуют этот народ его занятия. Это был народ по преимуществу земледельческий. Правда, он занимался также и охотой. При все еще недостаточном количестве другой пищи невозможно было иначе вести хозяйство. Люди эти, если это было необходимо, тоже воевали, и не плохо, как показывает дальнейшая история. Однако главным их занятием было сельское хозяйство, о чем свидетельствуют привычные для этого народа орудия. Даже удивительно, как мало среди них оружия, хотя и о нем нельзя утверждать, что оно было предназначено только для войны. Так, например, здесь много остроконечных стрел и тупых копий, которые могли служить и предметом вооружения, и орудием, необходимым для охоты. Зато здесь совершенно отсутствует меч — чисто военное оружие этого времени. А ножи так сильно изогнуты, что похожи скорее на серпы, чем на ножи. И на самом деле, серп развивался здесь из ножа. Прямым доказательством того, что перед нами земледельческий народ, являются обнаруженные археологами следы полевого хозяйства. Найдены зерна хлебных злаков и стручковых растений, и не только зерна проса и ячменя, но и пшеницы, не только зерна бобов, но и гороха и, особенно, чечевицы. Следовательно, народ этот имел довольно развитое хозяйство,

свидетельствующее о трудолюбии, проявленном населением в процессе длительного развития.

Народ полей погребений умел сушить хлебные зерна и хранить их в больших, хорошо обожженных сосудах. Он умел не только растирать зерна на гранитных или иных терках, но и печь из полученной таким образом муки лепешки. Наконец, не последним доказательством его земледельческого образа жизни является и тот факт, что скотоводство здесь было связано с полевым хозяйством и не носило охотничье-пастушеского характера, как это было в некоторых других местах. Костей домашних животных найдено здесь гораздо больше, чем костей диких зверей, пойманных во время охоты.

Не менее характерным для этого народа является и тип его поселений. Жили люди в настоящих поселках, в жилищах, свободно расположенных то на равнине, то на холмах, но везде так, что они образовывали одну общую деревню. Деревни находились удивительно близко друг от друга, в недалеком соседстве.

Так, в Кралевоградской области обнаружены поселки на месте нынешних Силезского Пржедмости, Пржедмержице, Гологлав, Смиржице, Черношице, в Турновской области — на месте самого Турнова, Нудвойовице, Пржеперж, Свиян, Бржезины, Сыхрова, Клаштера, Мнихова Градиште. Поселки устраивались и в тамошних песчаных отложениях — в Праховских скалах, на Дравовне, над Малой скалой и др. Все это свидетельствует не только о многочисленности народа полей погребений, поскольку он мог так густо заселить территорию, до сих пор совершенно безлюдную или малолюдную, но и об особой его силе, сплоченности, наблюдаемой не только в отдельных поселках, но и во всем крае.

Какое значение придавал этот народ сплоченности, видно из того, что и умерших хоронил он на больших общих кладбищах. Кладбища располагались по соседству с поселками, чтобы и мертвые не были лишены общения с живым народом. Хоронили, правда, неправильными рядами, но в определенном образом сгруппированных могилах. Могилы были исключительно костровые, причем пепел и негоревшие кости складывали в урны. Урны были захоронены в земле на значительной глубине, до $\frac{1}{2}$ м, и обложены каменными плитами. Затем могилу заваливали камнем и над ней насыпали невысокий курганчик, обозначавший место погребения. Могилы, правда, не все одинаковы, в них встречаются и различия: в некоторых случаях каменная кладка отсутствует и урны лежат прямо в земле. Точно так же в одних могилах вещей больше, в других меньше. Вообще же, вещей в могилах мало, а различия в кладке незначительные, особенно если их сравнить с пышностью могил у народа курганов. Едва ли поэтому такие различия могут ослабить общее впечатление об удивительном единстве всего этого народа, получившем свое отражение даже здесь, на поле мертвых.

Это единство народа полей погребений на первый взгляд нарушается наличием многочисленных городищ, построенных на заня-

той им земле. В Чехии, как известно, и прежде основывались поселения не только в низинах, у рек, но и на высоких местах, в виде городищ. Здесь же, на территории народа полей погребений, возникает целая система таких поселений, настоящих городищ. В Турновско, где они лучше всего исследованы, известны следующие: на Мужском — двойное городище Града и Кламарну и городище у Машова (у так называемой «Чортовой руки») и дальше, в Порани, у Весцы на Собоутке. Известны, впрочем, городища, построенные и в Орлицком районе вскоре же после появления в Чехии народа полей погребений. Это — Нове Место над Метуей, Дудлсбы, Каль и другие, в Хрудимско — Тополь у самой Хрудимы, Прачов на Хрудимце и, далее, Градек в Чаславе и Лжовице у Колина.

Городища эти были основаны не только на возвышенностях, но и в других местах, имеющих хорошие естественные укрепления. Наиболее удобными для этого являлись места, которые от природы были неприступными или, по крайней мере, доступными для нападения лишь с одной стороны, так что при искусном укреплении их можно было сделать совершенно неприступными. Таким образом возникали уже городища-крепостцы с довольно развитой сетью фортификационных сооружений: валами, рвами, палисадами.

Можно было бы предположить, что городища эти являются доказательством существования особой военной касты, а стало быть, и наличия общественного неравенства у народа полей погребений. Есть, однако, много данных, свидетельствующих против такого предположения. Прежде всего городища были сравнительно густо населены. Следовательно, они служили не только военным, но и мирным целям. Далее, найденные здесь клады бронзовых товаров свидетельствуют о том, что в этих местах сосредоточивалась торговля целого края. Судя по товарам, найденным в кладах, здесь велась торговля предметами иноземного происхождения и местного производства. Следует, однако, особо подчеркнуть, что городища вообще являлись центрами, вокруг которых группировалось население всей округи. Так по крайней мере было в стране, откуда народ этот пришел в Чехию, в стране, которая находилась к северо-востоку от Чехии и севернее ее границ. Там вокруг городища повсюду возникали окрестные селения, образуя с ними единое целое. Очевидно, так обстояло дело и в Чехии, что подтверждается дальнейшим развитием этой системы городищ: она была основой племенного объединения народа. Все остальное — многочисленность населения, торговля и, наконец, военные укрепления — является лишь естественным результатом этого процесса племенного объединения. Если учесть, что народ полей погребений пришел в Чехию, в страну, ему дотоле неизвестную, которую он должен был сначала занять, а затем установить в ней свои порядки, то будет более чем понятно, что он стремился предохранить свои центры от возможной опасности.

Наличие этих городищ, стало быть, объясняется мотивами оборонительного, гражданского характера и не нарушает, а еще более

подкрепляет то представление о народе, какое создается у нас на основании всех других данных: это был совершенно простой народ и в то же время, при своей довольно высоко развитой экономике, еще мало дифференцированный в социальном отношении и, по существу, мирный. О его мирном характере можно судить и по тому, как он занял северо-восточную Чехию; он занял лишь свободные, либо малонаселенные земли, остановившись там, где начиналась территория, населенная другим народом. Это был народ трудолюбивый, который не только густо заселил занятую им землю, но и старательно ее возделывал. Он являлся полной противоположностью народу курганов, занявшему южную Чехию, который, напротив, был народом богатым, с отдельными крупными властителями, народом воинственным, стремившимся к завоеваниям и господству.

Таким образом, Чехия около 1500 г. до н. э. была населена тремя народами. Центр и северо-запад были заселены коренным, издавна жившим здесь народом, который по уровню культурного развития можно назвать унетичским; северо-восток и значительную часть востока занял народ полей погребений; юг же был заселен народом курганов.

Эти народы настолько отличались один от другого, что мы можем совершенно по-иному, чем это делалось до сих пор, решать вопрос об их племенной или этнической принадлежности. Речь идет уже не об антропологии, которая, правда, тоже пыталась установить на основании незначительных в общем остатков костей в костровых могилах типы этих новых народов. Так, она относила народ курганов к альпийскому типу, а народ полей погребений — к балтийскому типу. Но такое определение ничего нового не вносит, так как народ курганов пришел с юга, где преобладал (по крайней мере по утверждению буржуазных антропологов) альпийский тип, а народ полей погребений — с севера и северо-востока, с территории, которую занимали люди так называемого балтийского типа. Это известно было и без помощи антропологии из вышеприведенных данных, более надежных, чем доказательств, которые может привести антропология, неспособная разобраться в смешении и изменении своих «типов».

При определении этнической принадлежности народа каменных курганов и полей погребений мы не будем также основываться только на известном характере керамики или на иных, таких же поверхностных и изменчивых доказательствах, характеризующих то или иное племя. При рассмотрении вопроса об этнической принадлежности народов мы располагаем уже гораздо более точными данными — данными историческими. Они позволяют нам совершенно иначе — уже подлинными именами — назвать эти три народа.

Труднее всего определить унетичский народ — первоначальное население Чехии, — ибо в историческую эпоху, известную нам по письменным источникам, он не выступает как самостоятельное этническое образование, а остается тем же, чем он был в течение

десяти тысяч лет древнейшей истории человека на чешской территории. Он явился племенной основой для образования других, исторически определенных народностей. Но он не всегда находился в одинаковом положении и не всегда только отступал под натиском других народов. Всегда, когда исторические народы Чехии по тем или другим причинам ослабевали, он вновь выплывал на поверхность, снова поддерживал и сохранял преемственность традиций и наследство, оставшееся от той великой истории, которую до этого создал человек в чешских землях. Этот народ был и оставался первым, самым коренным обитателем чешской земли.

Совершенно иначе стоит вопрос о южночешском народе курганов. Мы говорили уже, что этот народ пришел в Чехию с юга, из альпийских земель, где повсюду находят остатки того же народа, с той же типичной культурой курганов. Это обширная область, захватывающая большую часть территории не только современных Австрии и Баварии, но и южногерманской равнины, область, где — теперь это уже можно утверждать с полной уверенностью — в процессе тысячелетнего развития образовалось племя кельтов. Не на западе, где до недавнего времени искали родину кельтов, а здесь, в указанной нами области, тысячелетняя история создала из местного населения народ, известный под именем кельтов. Кельты стали одним из самых воинственных племен в Европе и, захватывая страну за страной, повсюду вносили в развитие этих стран свою необычайно зрелую, выдающуюся культуру. Народ курганов в Чехии являлся частью этого народа — южная Чехия была частью территории, на которой этот народ формировался. Мы вправе поэтому видеть в южночешском народе курганов первых кельтов — прото-кельтов — племя, еще не вполне сформировавшееся, но от которого произошли и образовались племена кельтов.

Также исторически можно определить и народ полей погребений. О нем долгое время не было единого мнения у археологов и историков. Кельты, как и другие доисторические племена, исчезли. Поэтому при разрешении этого вопроса не затрагивались современные политические или национальные интересы. Были попытки определить и народ полей погребений, но вне времени, и дать ему имя, давно уже отжившее и поэтому не вызывающее в настоящее время ни в ком живого интереса. Именно такая задача была поставлена перед так называемой «иллирийской теорией», выдвинутой немецкими археологами.

Эта «теория» утверждала, что народом полей погребений были иллирийцы. В подтверждение приводились весьма сомнительные доказательства, а именно: археологи утверждали, что некоторые собственные имена и географические названия, встречавшиеся на территории, заселенной некогда народом полей погребений, являются иллирийскими. Утверждали, что в Чехии иллирийскими являются названия рек — Упа, Метуя и Одра. То же говорили о названии Моравии и о некоторых вообще загадочных названиях, имевшихся

на карте Птолемея, относящейся ко II в. н. э. Разумеется, это была лишь искусственно построенная теория, не подтвержденная никакими историческими данными.

Этническая принадлежность народа полей погребений вовсе не является таким мертвым понятием, как кельтская народность. Напротив, это была народность, достоверные сведения о которой именно в настоящее время имеют весьма актуальное значение. Поэтому-то упоминание о ней так раздражает немецких ученых.

Народ полей погребений, живший в Чехии, был частью великого племени, обитавшего на северо-восток от Чехии. От этого племени в процессе исторического развития и ведут свое происхождение *славяне*. По крайней мере территория, которую этот народ занимал на северо-востоке Европы — в современной восточной Германии, от реки Салы и Лабы до польских границ, через Польшу и далее на Украину и еще далее на восток, — поразительно совпадает с территорией, которую в начале исторической эпохи занимали славяне. Культура этого народа, названная по первым находкам «лужицкой культурой», также имеет много общего с культурой позднейших славян (как это мог уже уяснить внимательный читатель из того, что было сказано выше о народе полей погребений в Чехии). Необычайная многочисленность оставалась и в дальнейшем столь характерной чертой для славян, что обычно античные историки и географы, говоря о славянах, эту их особенность отмечали в первую очередь. Как о характерной черте следует также сказать о преобладании в хозяйстве народа полей погребений земледелия по сравнению с другими занятиями; это было характерно для них даже в те времена, когда другие племена и народы вели уже иной образ жизни, как, например, народ курганов в Чехии. О близости этого народа к позднейшему славянству свидетельствует и отсутствие в течение довольно длительного времени резких различий в среде этого народа, и обычай сожжения трупов, существовавший у исторических славян почти вплоть до принятия христианства.

Наконец, и у народа полей погребений и у древнейших славян можно наблюдать некоторые общие черты, характеризующие их быт. Особенно типичной является постройка жилищ у народа полей погребений, схожая с такими же постройками и у славян. Народ полей погребений издавна рубил хаты. Хаты эти имели перед жилой избой сени — характерная особенность, которая затем, по прошествии тысячелетий, стала типичной для народной славянской архитектуры. Городища построены в основном одинаково и у славян и у народа полей погребений.

У нас нет ни малейших оснований полагать, что народ полей погребений когда-либо оставлял занимаемую им территорию и уступал ее другому народу. Да этого и нельзя себе представить, принимая во внимание его многочисленность и земледельческий характер его занятий, ибо народ земледельческий не может вести кочевой образ жизни. Вероятнее всего, он по мере роста населения

устремлялся с занятых однажды территорий дальше в поисках новой земли, точно так же, как это делали и славяне. Он искал и занимал новые земли, на которых можно было бы вести хозяйство. Повидимому, в поисках новых земель он и появился в Чехии. Характерным, однако, для этого народа является его постоянное стремление на восток. Так же как в Чехию народ этот пришел не для того, чтобы отнять землю у другого народа, так и на западе он нигде не занимал земель, уже густо заселенных. Он двигался на восток, в бесконечные просторы Восточной Европы, туда, где потом образовался необъятный славянский мир. На востоке сохранилось предание о приходе некоторых славянских племен с запада. Об этом говорится в древнерусских летописях о радимичах и вятичах на Днестре¹.

Все сказанное выше подтверждается и специальными исследованиями, проведенными в Чехии; эти исследования были посвящены и проблеме преемственности между народом полей погребений и позднейшими, историческими славянами. Исторические славяне жили в большинстве случаев в тех же местах, где ранее находились не только городища, но и поселения народа полей погребений. Многие из этих поселений сохранились и до наших дней. Городища народа полей погребений и славян удивительно похожи. Мы знакомы уже с двойным городищем на Мужском; точно такие же городища находим мы позднее и в исторических Либице, Коуржиче и др. И славяне и народ полей погребений строили свои городища по соображениям, весьма сходным между собой. Во всяком случае, более чем странно то обстоятельство, что территория, занимавшаяся тогда народом полей погребений, точно совпадает с территорией позднейшего, уже вполне славянского племени — хорватов. И у хорватов точно так же городище являлось центром, вокруг которого объединялись отдельные роды и их поселения.

Мы имеем поэтому полное право — гораздо более обоснованное и подтвержденное исследованиями, чем это было при определении этнического облика народа курганов, — считать народ полей погребений в Чехии протославянами, от которых исторически ведут свое происхождение подлинные славяне. Едва ли состоятельны возражения, сделанные некоторыми чешскими археологами против такого вывода. Главное в этих возражениях заключается в отсутствии доказательств непрерывности линии развития от народа полей погребений к историческим славянам в Чехии. Особый упор делался на то, что после III в. н. э. народ полей погребений совершенно сходит со страниц чешской истории и лишь позднее появляются

¹ Ссылка автора на древнерусскую летопись не является достаточно убедительным аргументом, так как вся известная нам совокупность исторических, археологических и антропологических данных не подтверждает летописную версию о приходе радимичей и вятичей из Польши на русские земли. (Прим. ред.)

уже настоящие славяне. Эти возражения основаны на неправильном понимании процесса развития народа вообще, о чем неоднократно говорилось выше. Люди, выступающие с возражениями, не считают или, по крайней мере, недостаточно считают с тем, что народ, как мы это себе представляем, формируется постепенно, часто из различных племенных элементов. Славяне тоже не сразу стали славянами, так же как народ полей погребений не сразу превратился в славянский народ. Поэтому мы и употребляем здесь термин «протославяне». Он означает, что народ полей погребений следует уподобить корням, из которых как бы выросли исторические славяне. Придавая нашему толкованию этот смысл, вполне возможно доказать связь между народом полей погребений и историческими славянами, как это будет видно из дальнейшего изложения, даже если иной раз кажется, что народ полей погребений на время исчезает с арены истории. Нельзя вообще допустить мысль, чтобы народ, который определенно носил черты протославян, просуществовав в Чехии полтора тысячелетия, затем вдруг исчез, а через несколько веков вдруг снова откуда-то появился.

Таким образом, не только по-иному ставится проблема «прихода» в страну чехов, о котором повествует древнее народное предание (чешская буржуазная историческая наука относила этот приход чехов к началу средневековья, к тому времени, когда из Чехии ушло германское племя маркоманов), но, в результате нового освещения проблемы народности, какое мы даем здесь в согласии с новейшей, особенно советской наукой о происхождении племен и народностей, коренным образом изменяются и все существующие до сих пор представления о древнейшей истории Чехии.

Историки — кроме Л. Нидерле, который и в этом отношении смотрел далеко вперед, — вообще не считались с древнейшей историей чешских земель и их населением. Поэтому история Чехии началась лишь с истории боев и маркоманов, как будто до них в Чехии вообще никого не было. С «приходом» чехов якобы совершенно заново начиналась история Чехии, словно от времен «дославянских» здесь ничего не осталось. Без большого труда можно доказать, что такие рассуждения были и являются антинаучными, не выдерживающими никакой критики, если мы хотим рассматривать развитие народа не статически, а динамически и стало быть, исторически. Таким образом, все дальнейшее изложение истории Чехии и чешского народа строится на совершенно иной, гораздо более научной и, стало быть, прочной основе. Меняется и значение всех событий, относящихся к первобытным временам и бронзовому веку, так как их изложение дается теперь на совершенно другой основе.

Для нас становится совершенно ясно, что уже тогда Чехия была участницей великих событий, происходивших в Европе, ибо кельты (а кельтским был народ курганов в южной Чехии) не только захватили впоследствии власть над большей частью Европы, но оставили европейскому населению и много значительных культурных

ценностей, которыми воспользовались люди, жившие в позднейшие периоды.

Точно так же и славяне уже на этой, протославянской стадии никоим образом не были теми бедными «рыбаками, бортниками и пастухами», которые сами ничего не производили, а пользовались лишь благами природы; они не были убогими и нищими, какими их охотно изображала немецкая археология и этнография. Это был народ простой, но обладавший уже высокой культурой труда и, что особенно необходимо подчеркнуть, высокой организацией. Стоит только обратить внимание на его систему управления, которая была построена с таким расчетом, чтобы весь народ не оказался под властью отдельных честолюбцев.

Самый процесс развития унетичского народа не прошел бесследно для дальнейшей истории чешских земель. В процессе своего развития этот народ еще многое создал, и все созданное им вошло в культурное наследство нашего народа.

Итак, этот период является весьма важным в чешской истории. В это время были заложены основы всего того, что должно было свершиться в последующие времена. Формирование будущих исторических народов послужило фундаментом для перехода от первобытной эпохи в истории чешских земель к временам, которые мы называем уже историческими в узком смысле слова, к эпохе, о которой мы уже имеем сведения из письменных источников.

Нам остается осветить последний этап древнейшей истории — осветить процессы и познакомиться с событиями, которые ознаменовали переход от первобытности к собственно исторической эпохе.

Глава VIII

ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ. КОНЕЦ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЧЕХИИ

Три народа, живших в Чехии, не могли, разумеется, долго оставаться изолированными друг от друга, как это было вначале. Их взаимное скрещивание было поэтому первым фактором, который двигал дальнейшее развитие истории чешской земли. Каждый из этих трех народов сохранял, однако, свои особенности.

Унетичский народ со своей древней и зрелой культурой в общем сохранял свою самобытность и в дальнейшем. Даже в тех случаях, когда он подвергался чужим, иной раз весьма сильным влияниям, его культура все же оставалась той главной основой, которая сохранялась.

Напротив, народ полей погребений, хотя он и не был воинственного нрава, уже вследствие своей многочисленности вынужден был рассредоточиваться, расширяя свою территорию. Проникнув в Чехию, он занял значительную часть прилегающей к ней, совершенно безлюдной или очень мало населенной в то время Моравии, особенно северную Моравию — от Забржега до центра Моравии. В этих местах находят следы его поселений даже в Кромнержижско и еще дальше — в Угерско-Градишско. Народ полей погребений занял также и Моравские ворота, а оттуда продвинулся через уже известную нам зону в Брненско и к южным моравским границам. Другая часть народа полей погребений двинулась в Чехию из Лужиц, вверх по Лабе к Огрже и заняла Устецко, Литомнержицко и Роудницко. Таким же образом, повидимому, в северо-восточную Чехию устремлялись временами все новые и новые группы этого народа из Силезии и занимали там новые земли.

Не меньшим, а быть может и большим, было культурное влияние этого народа на другие области Чехии. Оно было настолько сильным, что восточная часть северной Чехии, прилегающая к областям расселения этого народа, с течением времени превратилась как бы в его исконную территорию; поэтому неоднократно случалось, что археологи считали эту область владением народа полей погребений. Но и западная часть северной Чехии, где унетичский народ сохранял свою самобытность и культуру, во многих отношениях тоже попала под влияние этого нового и здорового народа, так что некоторые археологи и этот край причисляют к области «лужицкой культуры»,

с той лишь разницей, что это смешение первоначальной унетичской и новой протославянской культуры они называют «младшей лужицкой культурой».

Не оставался бездеятельным и народ курганов в своих южно-чешских владениях. И он в свое время занял часть Моравии, ее юг, откуда проник в Словакию, не остановившись даже перед девственным лесом, который до сих пор делал южную Чехию почти неприступной с севера. Иначе и быть не могло. Поскольку чешский юг был однажды заселен, его население всячески стремилось проникнуть и в другую, издавна обитаемую и поэтому более культурную северную половину страны, тем более что народ курганов был воинственным, а стало быть, и агрессивным народом. Очевидно, его культура была так богата и представляла такой интерес для населения северной части, что и оно не могло не искать с ним общения. Таким образом были найдены пути сближения между этими двумя до сих пор разделенными областями. Эти пути, пролежавшие по западной окраине все еще непроходимого первобытного леса в Хебско, Домажлицко и других областях, привели к тому, что между народом курганов и обитавшим на северо-западе унетичским народом, а стало быть, и народом полей погребений, установилась деятельная культурная связь.

В результате взаимного скрещивания населения всех трех областей и возник народ, относящийся к так называемой «кновизской культуре», названной так по имени деревни Кновиз у Сланого, где в 1896 г. было открыто крупное поселение народа этой культуры. Здесь было раскопано не менее 52 ям, оставшихся от жилищ. Подобные поселения были найдены и в Бубенеч, Дейвице, Глоубетине, Пржемышлени (у Розтока, ближайшего места к Унетиче), с культурными слоями почти в 1,5 м толщиной.

Кновизская культура, центром которой являлась северо-западная Чехия, получила широкое распространение; ее границы, дойдя до сердца страны — нынешней Праги, — повернули снова к северу, к реке Изере, первоначальной границе унетичского народа и народа полей погребений.

Кновизская культура характерна тем, что она является результатом скрещивания культур народа курганов и народа полей погребений с культурой прежнего, унетичского населения. Это доказывается и антропологическим анализом останков, принадлежащих народу кновизской культуры. Установлено, что у народа кновизской культуры имеются признаки, характеризующие людей «нордического типа» (высокого роста, со светлыми волосами и голубыми глазами), балтийского типа (невысокие, с русыми волосами и серыми глазами) и, наконец, альпийского типа (среднего роста, шатены с карими глазами). Если унетичское население и прежде было в достаточной мере смешанным, то теперь оно, с точки зрения антропологической, представляло собой уже несомненный результат этнического смешения. Еще более показательным является характер вещественных

памятников народа этой культуры. Среди них встречается многое из того, что кновизский народ сохранил еще со времен первоначальной унетичской культуры: прекрасная, но простая керамика, окрашенная в темные цвета и покрытая блестящей полировкой, выполненная с такой утонченностью, что напоминает собой изящную отделку бронзовых сосудов, украшения и другие бронзовые изделия, производство которых здесь, впрочем, было еще более усовершенствовано, на что указывают формы из песчаника, приспособленные для многократного литья, и многие другие признаки. Ясно, что перед нами та же, лишь с течением времени развившаяся и усовершенствованная унетичская культура.

Однако не менее резко чувствуется здесь влияние и другого жившего в то время в Чехии народа — народа курганов, носившее впрочем, чисто внешний характер.

Что же в культуре народа курганов могло быть наиболее привлекательным для унетичских богатых людей? Это были главным образом предметы роскоши: украшения, драгоценные камни, дорогая одежда. Многие из всего этого уже и прежде было известно унетичским богачам (вспомним, например, пинцеты для выщипывания волос и другие вещи), но кое-что они переняли и у народа курганов.

Влияние народа полей погребений было более глубоким и решающим. Унетичский народ на кновизской стадии развития воспринял даже погребальный ритуал народа полей погребений: обычай сожжения трупов и захоронения урн с прахом на обширных кладбищах. Это могло быть вызвано только глубокими изменениями в жизни народа. И действительно, в занятиях и труде кновизского народа имелись весьма значительные изменения. Под влиянием земледельческого народа полей погребений унетичский народ от охоты и скотоводства возвратился снова к земледелию. На это указывает заметное сокращение предметов вооружения (копий теперь уже сравнительно мало, мечи же так укорочены, что перестали быть собственно мечами). В противовес им появляется серп, эволюционировавший из известных уже нам изогнутых ножей народа полей погребений и получивший большое распространение в здешних местах. С производством бронзовых крючков была усовершенствована и расширена рыбная ловля; рыбу ловили как в Лабе и Огже, так и во всех обильных тогда рыбой подкрушногорских озерах.

Так, несмотря на великолепие старой унетичской культуры, еще более развившейся под влиянием культуры богатого народа курганов, в самом быте кновизского народа появились черты, сближающие его с бытом народа полей погребений. Вместе с тем кновизская культура означает большой шаг к объединению, если не слиянию, двух народов, живших в северной части Чехии, — унетичского народа и народа полей погребений.

То же самое, хотя и в меньшей степени, в более скромных масштабах, происходило на территории народа курганов. С того самого

момента, как был найден путь, которым можно было проходить в северную Чехию, сюда стала проникать кновизская культура, а вместе с нею и культура народа полей погребений, как об этом свидетельствует находка в Милавце у Домажлице. Подобные же находки были обнаружены, впрочем, и в других местах на территории народа курганов, в Вацикове у Бржезнице и в Модржанах, куда также проник народ курганов.

Разумеется, влияние, распространившееся на весь народ курганов, было весьма значительным, если оно проявилось не только на крайнем западе Чехии, на севере и юге, но и в самой глубине южной Чехии и на северной периферии территории народа курганов. Влияние это было весьма сильным, несмотря на то, что народ курганов сохранил свои первоначальные особенности. В последующие времена он сохранил свое богатство и из передовой унетичской культуры воспринял прежде всего то, что еще более способствовало его обогащению и расширяло ассортимент предметов роскоши. Вместо своей прежней грубой керамики он заимствовал технику производства и наладил изготовление лучшей, более изящной посуды кновизского образца, а свой богатый набор украшений он пополнил новыми кновизскими булавками и другими вещами кновизского типа.

Но и здесь сказывались те глубокие последствия влияния культуры народа полей погребений, какие мы установили у кновизского народа. Столь типичный для народа курганов обычай хоронить умерших в могилах, то есть предавать тело земле, постепенно исчезает. Устанавливается обычай сожжения трупов. Прах собирался в урны, причем у народа, привыкшего к более пышным погребениям, изготавливались урны значительных размеров, чтобы в них можно было положить больше даров. От первоначального ритуала остался только обычай насыпания курганов, да и те уже не достигали прежней высоты. Наконец, стало расширяться земледелие, что имело особенно важное значение.

Это не значит, конечно, что народ курганов перестал быть воинственным народом. Признаком его воинственности является обильное количество мечей и кинжалов, попрежнему встречающихся в его могилах. Однако наряду с этим, как и у кновизского народа, удивительно часто находят и серп, положенный в могилу. Народ курганов, несмотря на то, что попрежнему главными его занятиями оставались охота и война, в дальнейшем, так же как и население двух других частей Чехии, продолжает совершенствоваться в обработке земли и, стало быть, переходит к земледелию.

Так, в конце среднего периода бронзового века, примерно за 1200 лет до н. э., общая картина развития Чехии снова значительно меняется. Все три части страны под влиянием взаимного, живого и плодотворного обмена материальными и культурными достижениями окрепли и сделали значительный шаг вперед по пути своего дальнейшего развития. Эти перемены особую пользу принесли земледелию. Благодаря народу полей погребений, осевшему в самой

плодородной части Чехии, на полабских равнинах восточной и северо-восточной Чехии так развилось земледелие, что оно стало образцом и приманкой для остальных областей страны. Однако в известной степени сказалось и положительное влияние богатства народа курганов и тысячелетиями накопленная культура унеицко-кновизского народа. Они способствовали повышению уровня жизни и культуры населения и других областей, открывая перед местным населением новые широкие перспективы.

Все, что нам известно о тех временах, свидетельствует о том, что население сумело воспользоваться этими достижениями, в том числе и в области земледелия. Об этом можно судить не только по все возрастающему количеству серпов во всех трех областях, но и по тому, что у народа полей погребений появились и некоторые новые изобретения, такие, например, как ручная мельница, пришедшая на смену или существовавшая наряду с древнейшими каменными зернотерками. В одном кургане в Милавце найдена завезенная сюда миниатюрная литая четырехколесная тележка с ремнем — первым признаком конской упряжи — определенно итальянской работы. Конечно, это был лишь предмет украшения. Однако, учитывая, какую большую роль сыграло впоследствии умение человека пользоваться телегой с запряженным конем в полевом хозяйстве, нельзя уже в том факте, что милавецкий человек имел уже представление о телеге с конем, не видеть значительного продвижения вперед к новым, более совершенным формам хозяйства.

Перемены происходили также и в промышленности и в связанной с нею торговле. В этом отношении больше всего продвинулось вперед развитие унеицко-кновизской области, которая и до того была главным центром бронзовой культуры в Чехии. Растет количество форм для отливки орудий, оружия и украшений. Увеличивается число их типов. По тем полуфабрикатам, которые обнаружены в еншовицкой находке, можно проследить все процессы работы, например при литье застежек — от простой граненой палочки и бляхи, из которой выбита палочка, до иглы, вдетой в спираль из кованой проволоки. Орудия из бронзы, которыми пользовался народ полей погребений, настолько вытеснили кое-где еще сохранившиеся каменные орудия, что неолитические каменные топоры, находимые в древних стоянках, употребляли как невиданную редкость и носили на шее в качестве амулетов.

Все более увеличивалась торговля, которая велась теперь не только по старым торговым путям, через Моравию, с юго-востока, но и через область народа курганов, с юго-запада, из итало-швейцарской области, так что Чехия в то время действительно являлась перекрестком торговых путей, о чем так часто говорится в чешской истории. Обогащенная благами культуры востока и юга, так же как и запада, Чехия достигла значительных успехов в своем развитии.

Естественно, что таким образом улучшался и быт народа. От древнейших времен вообще не сохранилось жилищ народа курганов; жилища появились позднее, когда стало развиваться земледелие и установились более прочные навыки ведения хозяйства. В области унеицкой культуры (в Бубенеч) отмечено, что местное население уже штукатурило свои хаты и украшало их белым орнаментом. Стало быть, росла культура и в быту. Для застегивания одежды делались, и довольно искусно, не одни уже только булавки, но и пряжки. Усовершенствовалась техника шитья, как об этом можно судить по бронзовым иглам с ушком, найденным в унеицкой области. Даже народ полей погребений, доселе весьма невзыскательный, приобрел вкус к украшениям и драгоценностям, о чем можно судить по найденным широким браслетам и ожерельям из бронзы, янтаря или стеклянных бус.

Что касается оружия, то надо отметить, что не один только народ курганов имел в качестве вооружения меч и округлый, сделанный из бронзы щит (найден в Пльзне). Унеицкий народ стал теперь тоже пользоваться мечами, завезенными сюда торговцами; эти мечи были как юго-восточного, венгерского типа, так и западноевропейского, так называемого ронского типа. И у миролюбивого народа полей погребений, наряду со стрелами из бронзы или кости и наряду с копьями, появляются мечи, нужда в которых испытывалась, правда, лишь в отдельных случаях; впрочем, мечи иногда требовались и в больших количествах; наличие мечей указывает на то, что и этот народ вооружался, чтобы быть готовым к защите или нападению, если это потребует.

На основе этих материальных изменений произошли большие изменения и в социальном устройстве этих трех народов. Правда, и теперь, несмотря на появление личной собственности, определенно еще сохранялся родовой строй. При общности владения главным богатством — землей и средствами производства, необходимыми для материального обеспечения всего рода, иначе и не могло быть. Совместный труд был основой сохранения рода или племени и обеспечивал его дальнейшее существование. Однако возможность увеличить личную собственность путем приобретения хотя бы только предметов роскоши или оружия и в особенности рогатого скота или домашних животных, собак, а затем лошадей могла уже привести к таким результатам, когда количество переходило в качество и появлялось не только имущественное, но и социальное неравенство. Именно в это время у всех трех групп населения начинает сказываться социальная дифференциация, явившаяся, очевидно, следствием возвышения богатых людей.

Нам неизвестно только, существовало ли уже тогда деление общества на тех, кто трудится, и тех, кто не трудится и живет чужим трудом. То, что издавна мужчины охотились, а женщины работали дома, не означало еще дифференциации в этом смысле. Это было, по

крайней мере по представлениям людей того времени, естественное разделение труда.

Земледелие не способствовало социальной дифференциации людей, ибо требовало участия в работе всех членов рода.

Поэтому и теперь, когда земледелие стало одним из основных занятий, можно с уверенностью сказать, что число занятых в хозяйстве людей, не только женщин, но и мужчин, значительно возросло. Впрочем, в кновизской области находят нечто, свидетельствующее о совершенно иных трудовых отношениях. Наряду с нормальными костровыми могилами там найдены и особые могилы с останками скелетов, что само по себе еще не могло бы иметь большого значения. Но эти могилы столь поразительно бедны в сравнении с общим богатством кновизской культуры, что невольно возникает вопрос о происхождении тех, кто похоронен здесь. Некоторые археологи утверждали, что это могилы «народа курганов, поработанного лужицким народом». Но дело в том, что эти могилы находят большей частью у очага, стало быть, в центре родового жилья; поэтому едва ли можно предполагать, что в таком месте род похоронил бы раба-чужеземца. Можно предположить скорее, что это могилы тех членов рода, которые выполняли все работы в доме. Поэтому, когда они умирали, их не клали на костер и не сжигали, а хоронили тут же, на месте их работы. Единственное, что было у этих людей при жизни, — это их работа. Поэтому и нечего было положить им в могилу. Внутри рода в данном случае не было еще формального деления на эксплуататоров и эксплуатируемых. Прежнее разделение труда между членами рода еще оставалось в силе, но это было уже такое разделение, которое в соответствии с накоплением личного богатства приближалось к социальной дифференциации населения.

В описываемое время победу полностью одерживает патриархат. Как известно, патриархальные отношения уже и прежде были руководящим началом у охотничьего и воинственного народа курганов. То, что женщины этого народа обнаруживали склонность к нарядам, о чем мы можем судить по развитию производства драгоценностей, только еще больше подтверждает факт подчинения женщины мужчине и его прихотям. Такой же переход от матриархата к патриархату, как известно, совершился еще раньше и у унетицкого народа в связи с развитием пастушества как главного занятия мужчин. Напротив, у народа полей погребений, занимавшегося земледелием, матриархат удерживался долго, вплоть до описываемого нами времени. Но и у него под влиянием окружающего мира, а также и в процессе внутреннего развития, в результате успехов земледелия, когда труд мужчины приобретал большее значение, определенно подготовлялось наступление патриархата.

Впрочем, в Чехии того времени имелись еще и другие обстоятельства, которые указывают на то, что все три народа двигались в своем развитии вперед, и это имело большое значение для их даль-

нейшей судьбы. Чрезвычайно важным по своим последствиям был процесс объединения этих народов, который совершался в результате их взаимного влияния друг на друга. Связи, существовавшие между этими тремя народами, становились все более прочными, так что в конце изучаемой эпохи ни одна из территорий, занимаемых этими народами, уже не являлась изолированной, резко отличающейся от других. Было нечто объединявшее и вместе с тем связывавшее их в одно общее целое. И это была уже не только торговля с соседними странами, доставлявшая всем одинаковые и для всех равно необходимые предметы, которая и ранее служила одним из средств объединения и сближения населения этих разных областей. Теперь существовали и внутренние силы, способствовавшие их сближению. Даже столкновения, вызывавшиеся проникновением влияния одного народа на территорию другого, нередко превращавшиеся в подлинную борьбу, не только не ослабили, но еще более усилили взаимные связи, ибо и борьба сближает. Наконец, нельзя забывать и того, что народ, который оказывал наибольшее влияние на других и явился, стало быть, главным цементирующим элементом, был народ полей погребений, от которого позднее, в результате исторического развития, произошли славяне. Этот процесс слияния имел поэтому немалое значение и для будущности славянства в Чехии. В изучаемое время был заложен уже фундамент для создания на территории Чехии не только единой, но уже чешской, славянской страны.

Еще до этого, однако, в конце второго тысячелетия до нашей эры, появился фактор, который вообще для всего прогресса человечества означал неизмеримо огромный шаг вперед, в наибольшей мере содействовавший объединению людей. Таким фактором явилось железо. Это было открытие, которое по праву было названо одним из величайших открытий в истории человечества.

Первое крупнейшее преимущество железа заключалось в том, что железную руду можно было найти везде. Многочисленны были ее месторождения также в Чехии и в Моравии. Железо, правда, не находили в природе в готовом виде, сразу пригодном к употреблению. Нужны были длительные опыты и испытания, прежде чем из железной руды научились получать железо. Поэтому железо появилось после бронзы, ибо добыча меди, необходимой для ее производства, была несравненно более легким делом. Однако, как только был найден способ добывания железа, немедленно выявилось и другое его преимущество: его сравнительная дешевизна, объяснявшаяся обилием железной руды в недрах земли. Именно дешевизна сделала возможным применение железа в производстве предметов первой необходимости. Третьим его преимуществом было то, что из железа можно было производить все необходимое: орудия, строительные конструкции, телеги, оборудование — одним словом, все. Это привело к тому, что железо, как только оно было однажды открыто, распространялось с невероятной быстротой повсюду, решительно изменяя технику производства и все связанное с ним.

В половине второго тысячелетия до нашей эры железо стало известно в Египте. К концу того же тысячелетия железо было уже известно всей средиземноморской Европе, где на основе бронзовой микенской культуры возникает культура героической Греции эпохи Троянской войны. Около 900 г. до н. э. железо появилось в Придунайских землях и стало основой для образования новой культуры железа; в современной Верхней Австрии, у города Гальштатта, было открыто кладбище, изумительное не только по своей величине (там было обнаружено около 2000 могил). Найденные на этом кладбище памятники принадлежат к совершенно новой, своеобразной культуре, вызванной к жизни появлением железа. Поэтому археологи и назвали ее «гальштаттской культурой». Область ее распространения не ограничилась, впрочем, Дунаем. Чехия была первой областью, где распространилась эта новая культура. Как и повсюду, появление железа вызвало здесь один из сильнейших переворотов в технике производства и общественном устройстве Чехии древнейших времен.

Железо прежде всего необычайно ускорило упомянутое выше объединение всего населения Чехии. Дело не в том, что исчезли три разных народа или хотя бы различия между ними. Дело в том, что, хотя, с точки зрения материальной культуры, они продолжали и дальше сохранять свои особенности, это были уже только производные, несущественные черты быта. Каждый из народов сохранил, например, свои украшения, которые и прежде были различными; в дальнейшем они изготавливались из бронзы, как из более красивого материала, пока на их изготовлении еще не сказалось влияние железа. То же происходило и с керамикой.

Однако все эти различия теряют свое значение и даже, так сказать, исчезают по сравнению с тем удельным весом, какой получило железо в повседневной жизни как унетицкого народа, так и народа курганов и народа полей погребений. Особо важное значение имело то обстоятельство, что отныне орудия труда изготавливались почти исключительно из железа. А это, разумеется, привело к полной унификации трудовых процессов, что отразилось и в быту населения всех областей страны; таких изменений другим путем нельзя было бы достигнуть еще в течение долгого времени. Широкое распространение железа благодаря его дешевизне и добротности содействовало дальнейшему повышению жизненного уровня населения. С появлением железа люди стали изготавливать более усовершенствованные орудия труда. В результате этого улучшились методы труда вообще и повысилось качество изделий.

Легче всего это можно проследить на орудиях, изготовленных из железа. Самые виды орудий не новы. Типичнейшие из них — топоры и ножи — были известны уже человеку каменного века. Но железные топоры и ножи — это уже иные, гораздо более совершенные, по существу современные орудия труда: тяжелые и острые топоры, узкие ножи для резания, широкие — для рубки. Можно

себе представить, как высоко был поднят уровень производительности труда. Или возьмем оружие: лук и копье продолжали еще служить оружием, но особенно распространенным стал меч. Это уже не колющее оружие, каким был древний меч, это скорее удлиненный кинжал; таков, например, железный тяжелый гальштаттский меч, предназначенный для того, чтобы рубить врага. Одновременно меняется и техника укреплений городищ. В городище, известном под названием «венец», в Льчовице у Вольни, обнаружена, правда, невысокая, но сложенная уже из камней стена. Это первый случай возведения каменных стен в чешских землях. Прежние деревянные или сплетенные из прутьев палисады, очевидно, уже не могли устоять перед усовершенствованным тяжелым оружием.

В хозяйстве того времени пока еще не установлено наличия железного плуга, который позднее приобрел такое решающее значение в земледелии. Однако здесь найдено нечто, имеющее не меньшее значение: кости лошади вместе с повозкой. Выше было упомянуто о первой находке скульптурного изображения лошади с повозкой. Среди памятников описываемого периода были найдены уже не изображения, а остатки настоящей лошади и повозки. Лошадь, правда, была известна еще человеку каменного века, но тогда люди только охотились на диких лошадей, так же как и на других животных. Затем следы существования лошади в Чехии вообще исчезают, появляясь снова лишь в кновизских культурных ямах. На этот раз, судя по остаткам, найденным во время раскопок, можно говорить уже о лошади как о прирученном домашнем животном, которым пользовались в хозяйстве для перевозки тяжестей. Отсюда и те многочисленные части конской упряжи в могилах и культурных ямах — удила, ободки с уздечек и большое число кнопок, которыми была украшена упряжь. От возов сохранились железные оси и шины колес. Можно установить, что в хозяйстве употреблялись двухколесные и четырехколесные повозки. Запрягали в них лошадей следующим образом: на две большие оглобли в конце передка ставили деревянное ярмо для пары лошадей, как это видно на сохранившемся рисунке повозки с лошадьми. Рисунок этот вырезан на костяном черенке ножа, найденном в Добржчице у Пржерова в Моравии. Можно с полным основанием предполагать, что благодаря приручению лошади был значительно поднят уровень земледелия в чешских землях, как это, впрочем, доказывают и найденные во время раскопок весьма разнообразные хлебные злаки (посо, ячмень, рожь и пшеница) значительно лучшего качества, чем прежнее мелкое зерно.

Итак, железо прочно вошло в быт населения Чехии тех времен. Оно равномерно распространялось по всей территории тогдашней Чехии, хотя возможны были некоторые отклонения в зависимости от местных особенностей. Например, народу курганов, сохранявшему свой воинственный характер, из мечей больше всего нравились тяжелые, большие железные мечи. И лошадей мужчины украшали

здесь богаче, чем в других местах. Упряжь была украшена не только кнопочками на ремнях, но и бронзовыми бубенчиками, прикрепленными к удилам, и бронзовыми кольцами, которые привязывались к упряжи на груди у лошадей. Но это были несущественные различия. В этом сказывались лишь различия во вкусах того или иного народа, его пристрастие к тому или иному виду украшений. Ту же в основном картину мы наблюдаем и при изучении вещей, в изготовлении и употреблении которых каждый из этих народов проявлял особое своеобразие: в предметах роскоши, какими являются украшения, в раскраске и формах сосудов. Чешская буржуазная археология, которая, как известно, всегда при определении культур руководствуется преимущественно внешними признаками вещей, не занимаясь исследованием особенностей процесса производства, делает поэтому различие не только между южночешской культурой курганов и культурой северной Чехии, но на севере особо выделяет культуру железа унетицко-кновизского народа, или так называемую быланскую культуру (названа так по раскопкам в деревне Быланах у Моста), отличая ее от культуры железа коренных областей народа полей погребений или платеницкой культуры (названа по раскопкам близ деревни Платенице у Пардубице). Более того, в народе быланской культуры буржуазная археология особенно склонна видеть новый народ иностранного происхождения. В этом сказалась отличительная особенность буржуазной археологии — не видеть главного и обращать внимание лишь на второстепенные явления.

Совершенно естественно, что те черты, которые когда-то отличали эти три области, теперь выступили снова, как только дело коснулось рассмотрения памятников быта и собственно культуры. В таких случаях люди по инерции тяготеют к привычным формам. Естественно также, что в изготовлении этих памятников сказывается та ступень технического развития, которая у того или другого народа была уже прежде достигнута. Поэтому различный технический уровень изготовления характеризует керамику быланскую (унетицкого народа) и керамику платеницкую (народа полей погребений). Характерны также различные формы сосудов, имеющие специфические особенности у каждого народа. Гораздо важнее в данном случае выяснить те черты, которые являются общими для всех керамических изделий; а именно, общим будет то, что в предметах, изготовленных во всех трех областях, нашел свое отражение подъем культурного и жизненного уровня народа. Развитие вкуса и расширение потребностей населения чувствуются в красоте утвари, будь то быланские сосуды с оранжевой основой и черным или темнокоричневым орнаментом, или платеницкая черная урна со светящейся оранжевой внутренностью, либо блестящие и темнокоричневые миски южночешского народа. В быланском и платеницком районах уже появились в большом количестве маленькие сосудики в форме рогов, явно предназначенные для питья. Богато украшенные миски, хорошо отде-

ланные внутренние стенки сосудов точно так же указывают на то, что здесь уже обращали внимание и на убранство стола. Это несомненно свидетельствует, что пиршества происходили не только у некогда богатого народа курганов, но и в других областях Чехии.

То же, впрочем, следует сказать и об украшениях. Разумеется, старые привычки и вкусы, свойственные каждому народу в отдельности, еще существовали. Однако было бы полезнее для уяснения особенностей развития населения Чехии обратить внимание на то, какой фактор теперь, в эпоху универсального железа, сплачивает эти различные народы в Чехии, каким образом проявляется в этом процессе более высокий культурный уровень всех трех областей. Характерно, например, что во всех областях одновременно ослабел интерес к бронзовой булавке, являвшейся ранее главным украшением одежды; вместо нее появляется пряжка, которая до сего времени встречалась исключительно редко. Появление пряжки, конечно, связано с тем, что люди стали носить более изысканную одежду. Есть доказательства, что одежда действительно в то время стала значительно удобней и лучше. Если взять, например, бронзовые круги, имеющие форму браслетов для ног, то окажется, что их теперь носили женщины не в одной только области курганов, но и во всех остальных областях. Украшения, изготовлявшиеся в этих областях, отличались между собой лишь тем, что в двух северных частях страны главным материалом для ожерелий стал янтарь, привозимый сюда с севера в довольно большом количестве; его привозили не только в виде готовых изделий, но и в качестве сырья, которое в Чехии подвергалось обработке. В области народа курганов снова в изобилии появилось золото. Стали изготовлять серьги из золотых пластинок или — что считалось здесь наилучшим украшением — роскошные золотые диадемы из тонких полосок с богатым орнаментом, которые женщины надевали на голову. В области народа курганов встречались и известные уже нам пинцеты для выщипывания волос. В северных областях найдены целые комплекты таких предметов туалета; все вещи, входившие в комплект, обычно нанизывались на одно кольцо. Наряду с пинцетами найдены и ложечки для чистки ушей и особые чесалки от насекомых. Стало быть, главными являются не различия, имеющие второстепенное значение, а общее для населения всех областей желание украшать себя — и не только себя, но и предметы, которыми люди пользовались. Тенденция эта находилась в полном соответствии с процессом объединения страны в культурном отношении, вызванным появлением железа, и с возросшим уровнем жизни народа в Чехии.

Описанные выше изменения, происшедшие в области материальной культуры, не могли, разумеется, не оказать своего влияния и на развитие социальных отношений и духовной жизни народа. Если с самого начала металл, повысив значение мужского труда, проложил путь к патриархату, то железо, самый могущественный из всех металлов, естественно, завершило этот процесс. В этих

новых условиях господства железа патриархат не только упрочивается, но и становится определенной общественной организацией. Возникает большая семья, в которой родство ведется уже по мужской линии. Во главе ее стоит глава рода — старейшина, патриарх. В состав ее входят прежде всего его жены и дети, а также его сыновья с женами и детьми. В состав патриархального рода, однако, не входят дочери с мужьями и детьми, и вообще никто из родственников по женской линии, как это было во времена матриархата. К членам такой большой семьи присоединялись и другие семьи, не состоящие с ними в кровном родстве, но работавшие вместе со всеми, помогавшие им и подчинявшиеся старейшине. Это была, стало быть, не только очень большая семья, но семья, крепко связанная определенным семейным укладом. В соответствии с этим укладом люди жили и работали. Жили они в довольно больших поселениях, в хатах, построенных в соответствии с установившимися семейными отношениями. Точно так же, в соответствии с установленным порядком, каждый работал на отведенном ему участке. Все работали для своей общей семьи.

В области духовной жизни мы сталкиваемся здесь уже с известным развитием религиозных представлений, как обычно, не совсем правильно, называют представления, помогавшие превзойти человеку решать особенно волновавшие его вопросы жизни и смерти. Смерть близкого родственника всегда была для человека великой и неразрешимой загадкой. Жил человек и вдруг перестал жить — умер. Отсюда и грубо материальное понятие о душе, возникшее на заре человечества и до сих пор еще сохранившееся в народе, как, впрочем, и в некоторых религиях. Представление о том, что душа есть нечто обособленное, что может жить в теле, но может и оставить тело, — это представление грубое, примитивное, но именно благодаря своей примитивности оно просто объясняет загадку смерти. Поэтому люди старались оказать помощь душе. В урнах, принадлежащих народу полей погребений и населению, жившему в других областях Чехии, сделаны особые отверстия, чтобы душа могла свободно улетать и вновь возвращаться. Мертвых хоронили, соблюдая ритуал, по которому сохранялись все знаки общественного различия, которыми при жизни обладал человек; в могилу клали все необходимые для загробной жизни предметы. В век железа обычай этот получил особенное распространение. Так, в могилу воина клали оружие, а земледельцу (в могиле у Страшкова близ Рoudнице) положили целую двухколесную повозку с прекрасно отделанным ярмом. Умершему клали также в могилу пищу и другие предметы, которые могли бы ему понадобиться.

Одновременно с этим, однако, растет и страх перед духами. Души не отходили в неизвестность — такое представление человеку было чуждо, — они оставались здесь и напоминали о себе. Но воспоминания о мертвых появлялись не в минуты радости. В такие минуты живой человек не вспоминает о мертвых. Тем более, впрочем, он

склонен объяснять появлением духов то, что ему неприятно и непонятно и что его поэтому пугает. Отсюда и страх перед душами мертвых и желание хотя бы обезвредить их или задобрить, или по крайней мере расположить их к себе. Если же этого нельзя сделать, то надо устрашить их и тем отогнать от себя. Поэтому, как мы уже видели, скорченные мертвецы связаны по рукам и ногам, чтобы они не могли вредить человеку. Народ полей погребений клал в могилы и особые сосудики в форме яйца или птицы, внутри которых были камешки или особые глиняные шарики. Это были своеобразные трещотки. Делалось это с определенной целью — с помощью трещотки надо было отгонять злых духов. Живые также носили амулеты для защиты от злых духов. В век железа все эти представления о духах еще более распространились. Амулеты носили не только живые, но их клали и в могилы, чтобы и мертвые находили в них поддержку, так же как находили ее живые. Злых духов отгоняли теперь не только с помощью трещоток, но и с помощью амулетов, имеющих форму солнца, наподобие военного щита, служившего для защиты воина.

Отсюда, разумеется, был один шаг к собственно религиозным представлениям. Если уже у палеолитического человека, жившего на территории Чехии, были найдены фигурки мамонта и женщины, которые мы рассматриваем как предметы первоначального культа женщины-родоначальницы и мамонта — кормильца рода (позднее, в соответствии с экономическим развитием, культ мамонта был заменен культом быка), то и теперь мы имеем дело с подобными же явлениями. Появились пластические изделия, очевидно имеющие то же назначение. Только теперь, в эпоху окончательного торжества патриархата, фигурки женщины исчезают. Культ быка сохраняется и далее. Но в Обржанском городище при раскопке был найден бронзовый конь; эта находка указывает на то значение, какое придавалось лошади на этой стадии хозяйственного развития. У Свяян в Турновско, впрочем, найдены и фигурки, изображающие водоплавающих птиц — лебедя, утку, которых тоже, повидимому, почитали. Культ животных, кормящих род или служащих роду, удерживается и еще более расширяется. Вместе с тем появляются идолы, без какого бы то ни было их конкретного отношения к хозяйству. Это были идолы, которым придавалось отвлеченное, религиозное значение. Чтобы идолы стояли прочно, их укрепляли на особом глиняном круге. Следовательно, это были уже не только символы, а настоящие идолы — некие домашние божки. Их находят не только в могилах, но и в ямах от жилищ. Очевидно, их ставили прямо в хатах и на самом видном месте.

Дальнейшее развитие этого обычая предполагало введение определенного обряда поклонения этим божкам. В описываемое время мы действительно находим черты уже совершенно развитого ритуала. Некоторые из идолов найдены стоящими на возке, едва ли означавшем обыкновенный воз. Это дроги, назначение которых явно связано с религиозной процессией. Далее, установлено, что

практиковались человеческие жертвоприношения в размерах, которые далеко оставляют за собой все случаи людоедства, следы которого мы порой находим в предшествующих периодах. В истории Чехии описываемого периода сохранился пример просто чудовищного исполнения этого варварского обряда, какой едва ли мы нашли бы где-нибудь в другом месте: мы имеем в виду открытие, сделанное уже в известной нам Бычьей скале в Брненско. Еще со времен палеолита там оседал и устраивался на жилье первобытный человек. Однако все, что было ранее известно о Бычьей скале, не идет ни в какое сравнение с открытием, сделанным в 1872 г. известным моравским археологом Индржихом Ванклем. Им было открыто не только большое кладбище, относящееся к гальштаттской культуре, но и место, где совершались жертвоприношения.

Уже у входа в пещеру, возле сосудов, наполненных зерном или полуобгоревшими остатками животных, был найден также человеческий череп, тоже наполненный зерном. Череп был превращен в чашу (его нижняя часть была отсечена). Внутри пещеры было обнаружено большое пепелище; здесь лежали кости животных, металлические части повозки и черепки сосудов. Под всем этим лежали обизвествленные человеческие кости. По краям пепелища лежали обуглившиеся зерна (проса, ячменя, ржи, пшеницы), браслеты, пряжки, янтарные и стеклянные бусы, бронзовые браслеты для рук и ног, большие железные круги, остатки полусожженных шерстяных и льняных материй и тростниковой рогожи. На противоположной стороне пещеры, прямо против костра, было обнаружено место, выложенное камнем (как бы для костра). На нем найдены полусгоревшие кости, а между ними — целый мужской скелет и скелет молодого вепря. Однако самая страшная находка была обнаружена посредине пещеры, где стоял жертвенник: плоская каменная плита лежала здесь на двух небольших камнях, а на плите находились две отрубленные женские руки с бронзовыми браслетами и золотыми перстнями (они были покрыты обугленными зернами) и правая половина рассеченного человеческого черепа. От жертвенника по направлению к костру было в беспорядке разбросано свыше 40 человеческих скелетов. У многих из них не хватало головы, рук или ног. Большая часть их принадлежала женщинам, мужских скелетов было немного. На некоторых скелетах были украшения, на других их не было. Здесь также были найдены бронзовые браслеты и круги для ног, янтарные и стеклянные бусы, даже золотые диадемы. Из костей животных здесь найдены скелеты двух лошадей, тоже, однако, без головы и без ног. Между скелетами лежали кучки обугленных зерен.

Человеческие жертвоприношения, как видно из этого описания, совершались с изощренной жестокостью, на какую не только не был способен, но о которой не мог бы иметь даже представления первобытный человек. Это — хотя и отвратительное свидетельство,

однако оно тоже говорит о том, насколько далеко уже тогда продвинулось развитие религиозных представлений.

Что же касается общественной жизни, то открытие это обнаружило совершенно новый факт — появление первых жрецов в чешских землях. Нельзя допустить, чтобы такие жертвоприношения могли совершаться без авторитарного начала. Ведь тогда дело дошло бы до взаимной резни, чему противоречит церемониал, при котором совершались жертвоприношения. Стало быть, здесь был некто, кто руководил выполнением обряда, — им мог быть только жрец. Только он один мог вполне распоряжаться жизнью человека, разумеется на основе верований и обычаев, очевидно давно уже сложившихся в определенной среде. Некоторые из них, еще не имевшие столь сложной и строгой ритуальной формы, были уже известны нам и раньше. Жрецы, которые приобретали столь большую власть при исполнении ритуала, устанавливали свою гегемонию и в общественной жизни — едва ли в данном случае дело обстоит иначе. Поэтому, даже если эта гегемония проявлялась здесь только в области ритуала, в религиозных вопросах, все-таки это была уже власть значительно большая, чем власть старейшины. Старейшина был главой рода и поэтому был тесно связан с ним, в то время как жрец стоял над родом и занимал, таким образом, совершенно особое, исключительно высокое положение. Его власть ничем не была ограничена, в то время как старейшина был связан волей всего рода. Таким образом, здесь речь идет уже о появлении власти отдельных лиц по отношению к другим, хотя эта власть и носила пока еще только религиозный характер. Однако это не только не ослабляло, но еще более усиливало власть жреца, придавало ей еще большее значение.

Остается решить еще один вопрос: кто воздвиг в Бычьей скале жертвенник? Что это за народ, который оставил здесь следы столь ужасной жестокости?

Было высказано мнение, что это не был ни один из известных нам трех народов, живших на чешских землях, что это был чужой народ, проникший сюда прямо из гальштаттской области, из придунайских земель. При этом делали предположение, что это были рудокопы — добытчики железа, потому что недалеко от Бычьей скалы находились рудники, тянувшиеся почти до Иглавы, ставшей знаменитой в эпоху средневековья. В таком случае можно было бы рассматривать этот народ как искателей новых месторождений руды, необходимой для развития гальштаттской железной промышленности. Такое предположение носило правдоподобный характер, так как искатели железной руды, действительно, вели более роскошный и поэтому более необузданный образ жизни, чем современное им местное земледельческое население. Поэтому они могли и в ритуальных обычаях дойти до таких оргий жестокости, какие были обнаружены при раскопках в Бычьей скале. Имеются, однако, факты, свидетельствующие против этого предположения. Чисто гальштаттская культура была обнаружена не только здесь, но и близ деревни Подоли у Брно

(отсюда и принятое в археологии название «подольская культура»), где, несмотря на гальштаттский характер этой культуры, отмечаются некоторые черты, присущие культуре местного населения. Да и сама жестокость обряда в Бычьей скале имеет аналогии на территории Чехии. Убийство, расчленение и, очевидно, съедение человека не для утоления голода, а как следствие религиозного фанатизма мы встречали уже и прежде у обитателей чешских земель, и в последний раз — у народа зрелой и утонченной культуры. Речь идет о могиле у Бубенеч, где найдены два скелета с отрубленными до бедер ногами, причем у одного из них не было и головы. Можно поэтому предположить, что вместе с железом и распространением гальштаттской культуры вообще, в чешских землях распространялся и этот религиозный ритуал, даже если и не везде он приводил к таким ужасам, какие предстали перед нами в Бычьей скале. У нас нет поэтому оснований думать, что этот ритуал был установлен обязательно пришлым народом. Это мог быть и местный, прежде живший здесь народ.

Поэтому в решении этого вопроса нам может помочь, более чем все предыдущее изложение, другое наблюдение: многое из того, что найдено было в Бычьей скале, стало впоследствии характерной чертой религиозного ритуала уже этнически определившихся кельтов. Это прежде всего сама жестокость ритуала, какую потом повсюду прославились кельты. Кроме того, культ вепря, скелет которого также найден непосредственно возле человеческих скелетов, также указывает на кельтов. Общеизвестно также, какую роль у кельтов, уже на заре их истории, играли жрецы — друиды. Вспомним также, что Бычья скала находится на территории, принадлежавшей тогда к области народа курганов, от которого впоследствии образовались уже исторические племена кельтов. Кельтами были также и рудокопы — добытчики железа, которые и в историческую эпоху играли в Чехии значительную роль. Едва ли поэтому мы ошибемся, если и в подольском народе и в народе, приносившем жертвы в Бычьей скале, будем видеть представителей южночешского и южноморавского народа курганов и народа, жившего на территории южной Германии, которые вскоре совместно выступили на историческую арену уже как всем известное племя кельтов.

Общую картину чешских земель в эпоху развития гальштаттской культуры, то есть в VI в. до н. э., можно представить себе в таком виде.

Население живет в крупных селениях большими патриархальными семьями. Господствует еще совместный труд. Главным занятием является земледелие, причем уже значительных успехов достигли зерновое хозяйство и скотоводство. Уровень жизни населения становится поэтому гораздо более высоким, чем прежде, хотя не все живут одинаково. Увеличивается также собственность отдельных лиц, наличие которой еще более подчеркивает деление людей на богатых и бедных. На этом материальном базисе возникают

и соответствующие культурные надстройки. Жизнь людей становится более обеспеченной: благоустраиваются жилища, люди стали лучше одеваться, приобретать красивые вещи, украшения, устраиваются даже пиршества. Общественная жизнь становится более оживленной. Наконец, развитие религиозных представлений приводит к религиозным празднествам, проходившим под руководством избранных для этого лиц. Развитие событий приводит к тому, что высший слой населения постепенно оказывается охваченным религиозным фанатизмом.

Все эти явления, порожденные появлением железа и новой, созданной им культуры, имели место во всех чешских областях — у народа курганов в южной Чехии и южной Моравии, у народа полей погребений в северных областях Чехии и Моравии и у коренного унетичского народа. На чешской земле устанавливается гораздо большее, чем прежде, культурное единство, несмотря на то, что первоначальная обособленность трех народов продолжает сохраняться, хотя и в меньшей мере.

Наконец, значительно укрепляются непосредственные связи с другими странами — и не только в результате расширяющихся экономических отношений.

Итак, мы можем сделать вывод, что население чешских земель достигло такой ступени развития, когда Чехия была уже в состоянии вступить в собственно исторический период; в это время она уже играла не последнюю роль в истории Европы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, на этом заканчивается первый, а с точки зрения хронологической — самый большой период чешской истории, он завершает древнейшую историю чешских земель. Эту грань мы проводим не потому только, что, продолжая дальнейшее изучение, мы имеем дело уже с письменными источниками — сочинениями античных авторов, в которых имеются сведения о чешских землях. Известия эти довольно путаны, неясны и очень часто совершенно неверны. Поэтому мы и при дальнейшем изучении истории должны будем обращаться к археологическому материалу, как свидетелю более надежному, чем письменные источники. С другой стороны, однако, из этих источников мы узнаем не только об именах, но и о конкретных исторических фактах и событиях, о которых археология ничего нам сообщить не может.

Поэтому существенно изменяется и самая методика исторического исследования и содержание фактического материала, почерпнутого из новых источников.

Впрочем, речь идет не только об этом. В конце описанного выше периода завершилось формирование чешских земель и ее обитатели приобрели уже столь определенные черты, что в дальнейшем могли уже значительно конкретнее и активнее действовать. Не случаен поэтому тот факт, что о следующем периоде истории чешских земель дают нам сведения иностранные авторы. Именно тогда Чехия и начала играть большую роль в истории Европы.

Итак, после длившегося веками процесса создания самых предпосылок для дальнейшего существования, сближения и развития человека и целых общественных групп в условиях продолжавшегося с прежней интенсивностью общественного развития, начинается уже и собственно историческая деятельность человеческого общества на чешской территории. Поэтому именно здесь мы проводим указанную выше грань и заканчиваем изложение первого периода чешской истории — древнейшей истории Чехии.

В заключение мы не можем, однако, не остановиться на выяснении того значения, какое имела эта эпоха, тем более что чешская историография до сих пор не только недооценивала, но и вообще не выяснила значения изложенного нами выше периода древнейшей

истории для дальнейшей истории чешских земель и чешского народа. Передав изучение истории древнейших времен исключительно археологам, историки начинали историю Чехии с последующего периода — периода, характеризующегося появлением письменных источников. Чешская археология в большой мере также изолировалась и отгородилась от истории, превратив древнейшую историю в свою специальную сферу исследования, решительно отвергнув «вмешательство» истории в археологию. Нет сомнения в том, что ошибочно было и то и другое. При таком положении историки начинали изучение истории Чехии с эпохи боев и маркоманов, появившихся словно на пустом месте, и так привыкли к этому, что после боев и маркоманов начинали излагать и славянскую историю чешских земель таким образом, словно до этого времени здесь никто и не жил. Так древнейшая история чешских земель распадалась на части, между собой совершенно не связанные, что уже являлось грехом против самого смысла и задач исторической науки, которая должна показывать развитие фактов и событий в их взаимосвязи. Археология также отказалась от выполнения своей исторической задачи — изложить первобытную эпоху как древнейший период истории Чехии. Она не только впала в бесплодный формализм, но в своих экскурсах, касающихся характера доисторических памятников той или иной эпохи, совершенно разменялась на мелочи.

Большой заслугой нынешних молодых чешских археологов является то, что они оставили этот ложный путь и вступили на единственно правильный путь: они вновь сделали археологию, в буквальном смысле слова, исторической наукой, освещающей истоки истории чешских земель, одновременно продолжая и свои специальные исследования. К сожалению, этого еще нельзя сказать об историках.

Изложенная выше древнейшая история чешских земель как будто достаточно показала нам, как связана была она не только с историей человека, но и с историей самой природы — с момента возникновения чешских земель и до того времени, когда они достигли сравнительно высокого уровня культуры в век железа. Как же можно было думать, что все это не находилось в процессе развития, что дальнейшие периоды истории, даже если в каждом из них и происходили крупнейшие изменения, можно было рассматривать независимо от того, что здесь в эпоху древнейшей истории не годами и столетиями, а в течение тысячелетий создавались и подготавливались условия для дальнейшей истории чешских земель? С течением времени ведь преобразилась и природа. В новых, более благоприятных климатических условиях человек упорным трудом уже мог добывать себе пропитание. К прежнему состоянию природа уже больше никогда не возвращалась и не могла возвратиться. Мог ли живший здесь человек, если бы даже он исчез впоследствии, не оставить после себя неизгладимых следов? Конечно, нет. Чужой народ мог

занять землю. Он мог ее разграбить или привить местному населению свои обычаи и порядки. Но ни в коем случае он не мог бы уничтожить стотысячелетнее творение природы и человека так, чтобы все исчезло и ничего не осталось.

Это положение имеет, впрочем, тем большее значение, что в древнейший период своей истории, как мы уже видели, Чехия, в отличие от некоторых других стран, достигла в своем культурном развитии таких успехов, которые превратили ее в одну из самых развитых стран Средней Европы, расположенных к северу от Альп. Это, разумеется, не могло не оказать влияния на уровень дальнейшего развития культуры в чешских землях, как мы это видим повсюду и в других странах, однажды уже озаренных светом культуры. Грецию можно было лишить независимости, можно было разрушить Римскую империю, можно было наводнить кельтско-римскую Галлию германскими ордами, но нельзя было воспрепятствовать тому, чтобы на той же почве и от тех же корней продолжала расти и расцветать новая культура средневековья. Так же было и в Чехии. И здесь уже древнейшая история оставила слишком значительное культурное наследство, чтобы чешские земли снова могли впасть в первобытное состояние, чтобы снова нужно было начинать строить их культуру. Было здесь пришлое или местное население, все равно оно должно было, независимо от своего желания, считаться с тем, что здесь было уже создано.

Таким образом, древнейший период чешской истории озарил своим светом не только дальнейший, так называемый период боев и маркоманов, но и начальные, славянские времена, о чем мы уже говорили выше. Именно эти глубокие корни древнейшей культуры лучше всего объясняют нам необычайно быстрый расцвет культуры чешского народа уже в раннем средневековье, когда еще сказывалось благотворное влияние культурного наследства, накопленного в Чехии усилиями народа в течение многих десятилетий древнейшего периода истории.

Наконец и главное направление в развитии народа и его культуры в Чехии было уже тогда столь естественным и глубоким, что оно не только не исчезло с концом периода древнейшей истории, но сказывалось и в славянскую и чешскую эпохи. Не случайно первый человек пришел в Чехию с востока, через Моравию. На протяжении всего древнейшего периода сильнейшие культурные влияния проникали в Чехию через южноморавские равнины, являвшиеся как бы продолжением широких венгерских равнин, которые, в свою очередь, брали начало в еще более южных частях европейского юго-востока, откуда в те времена далеко распространялась культура.

Не случайно также и то, что именно Моравия, в эпоху Великоморавской державы, снова становится центром и источником новой, теперь уже вполне славянской эпохи чешских земель. Не случайно и то обстоятельство, что христианство, имевшее весьма серьезное

значение для всей будущей культуры чешского народа, пришло в Чехию оттуда же, с юго-востока.

Таким образом, история древнейшего периода Чехии проливает новый свет и на чешскую историю эпохи первых Пржемысловичей. В эту эпоху продолжается та культурная связь чешских земель с востоком и юго-востоком, которая впоследствии явилась главным залогом того, что чешский народ, даже будучи политически отделенным от своей первоосновы, сохранил черты своего славянского происхождения.

Таковы мотивы, которые побудили нас уделить древнейшей истории чешских земель больше внимания, чем это, может быть, в другом случае было бы необходимо. На событиях древнейшей истории мы учимся, во-первых, понимать самые элементарные условия и законы экономического и социального развития человечества: отношение человека к природе, первые формы организации людей и значение труда для дальнейшего развития общества и, наконец, возникновение на этих материальных основах различных надстроек. Во-вторых, мы познаем силы, которые определяли и не могли не определить дальнейшее развитие чешской истории.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧЕШСКИЕ ЗЕМЛИ
И АНТИЧНЫЙ МИР

ВВЕДЕНИЕ

Греко-римская культура, несомненно, положила начало всей последующей европейской цивилизации; поэтому роль так называемых «варварских племен» по праву расценивается в зависимости от того, как каждый из народов воспринял и развивал далее все заимствованное им из греко-римской культуры. Слишком долгое время, вплоть до наших дней, не только иностранные, но и отечественные ученые отрицали связь славянских стран с античным миром и умаляли роль славянских народов в дальнейшем развитии античной культуры. Так называемую «отсталость» славянских народов по сравнению с романскими и германскими народами они объясняли отсутствием связей между славянами и античным миром. Насколько неправильным было такое мнение о славянах (различия между славянами и другими народами еще не свидетельствуют об их отсталости), лучше всего можно судить по той роли, которую играют славяне в настоящее время. П. И. Шафарик в своих «Славянских древностях» поставил своей целью опровергнуть это искусственно распространяемое мнение и показать, что славяне также восприняли наследие старой культуры, в том числе и античной, и что они сыграли не меньшую роль, чем другие народы, в создании европейской культуры первого тысячелетия н. э.

К сожалению, даже славяноведение не всегда развивало далее этот тезис Шафарика. Ныне, в связи с возрастающим значением роли славян, одной из главных задач возрожденного славяноведения является показ этой исторической заслуги славянских народов и их участия в создании европейской культуры и культуры всего мира.

В Чехословакии в этом ощущается особая необходимость. Нельзя сказать, что в Чехословакии мало занимались изучением влияния античной и, в особенности, римской культуры на чешские земли. В этом вопросе, в особенности за последнее время, достигнуты большие успехи. Так, например, мы теперь хорошо осведомлены о пребывании римских легионов на территории чешских земель; всесторонне изучены и проанализированы также имеющиеся сведения о происходивших в то время исторических событиях и о роли Римской империи в истории чешских земель. Однако наша наука,

основываясь на античной истории, а не на истории чешских земель, освещала все события прежде всего с точки зрения интересов античного мира и в особенности Рима. Самый важный вопрос — вопрос о значении культурного, а впоследствии и политического влияния античного мира на историю чешских земель — оставался неразрешенным.

Поэтому предлагаемое вниманию читателя изложение истории чешских земель этого периода будет заметно отличаться от прежних исследований. Влияние античности здесь будет рассматриваться с точки зрения отечественной истории, причем главное внимание будет обращено на выяснение вопроса о том, что восприняло население чешских земель из наследия античной культуры и как это отразилось на дальнейшем ходе исторического развития Чехии.

Глава I

ПЕРВЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

В чешской историографии придавалось слишком большое, даже решающее значение сведениям, содержащимся в сочинениях античных историков и географов. Эти сведения буржуазные чешские историки расценивали не только как первое свидетельство интереса, проявленного античным миром по отношению к чешским землям, но вообще они рассматривали их как первые так называемые исторические данные, в то время как археологическим памятникам, в отличие от письменных источников, при неправильной точке зрения на археологию, как не историческую науку, не придавалось значения настоящих исторических источников. Поэтому с изучения этих первых письменных источников — сочинений античных авторов — и начинали собственно историю чешских земель.

Однако, вопреки надеждам и чаяниям представителей старой чешской историографии, изучение письменных источников довольно долго не вносило ничего нового в науку, не устанавливало истинного взгляда на события. Имеющиеся сведения, особенно о древнейшем периоде истории — до конца I в. до н. э., просто вводили в заблуждение историков. Они не только не помогали воссоздать истину, которую можно было установить с помощью археологии, а, наоборот, затемняли ее. Даже те источники, которые касаются уже событий начала нашей эры и в которых дано описание деятельности римлян на чешской территории и вообще за Альпами, не являются достоверными, и на них можно положиться лишь в части, касающейся действий самих римлян. Что же касается внутренних отношений в чешских землях, то тут ценность античных сведений более чем сомнительна... Для античного мира все, что находилось на север от Дуная, долгое время было, да и осталось во многом загадкой. Классическим примером этого могут служить сообщения античных авторов о так называемом Геркинском лесе. Все люди, от которых античные авторы узнавали о землях за Дунаем — будь то пленные или какие-либо другие представители живущих на севере племен, или их соотечественники, побывавшие там, — естественно, рассказывали об огромных дремучих лесах, столь типичных для Средней Европы в отличие от Италии и Греции. Поэтому земли за Дунаем

представлялись античному миру сплошь покрытыми дремучими девственными лесами. Они не только называли всю эту часть Европы «лесом» — слово «Геркинский» происходит от кельтского названия местных гор: «Перкиния» (Perkynia) без начального звука «п», — но и старались превзойти друг друга в описании ужасов, царящих в этих непроходимых загадочных лесах.

Гай Юлий Цезарь еще в половине I в. до н. э., то есть спустя несколько столетий после описанного нами выше расцвета чешских земель, несмотря на то, что он во время своих походов к Рейну столкнулся с сильными племенами, жившими в центральноевропейских областях, и познакомился с их культурой, в своих «Записках о Галльской войне», описывая Геркинский лес, нагромождает всякие ужасы: ширина его (с юга на север) такова, что требуется девять дней пути для хорошего пешехода, длина (с запада на восток) такова, что «нет человека, который бы мог сказать, что доходил до конца этого леса (хотя бы он пробыл шестьдесят дней в пути) или даже слышал бы, где этот конец находится». Далее Цезарь рассказывает, что в лесу «водится бык с видом оленя, у которого на лбу между ушами выдается один рог, имеются зубры, почти такие же огромные, как слоны, лоси, похожие на козлов, но только крупнее их. Лоси эти якобы отличаются тем, что если они почему-либо упадут, то не могут уже больше подняться, и поэтому охотники, чтобы поймать лося, подпиливают деревья, о которые они обычно опираются во время отдыха!»

В таком же духе писали о Геркинском лесу и другие античные авторы, которые чем меньше знали, тем больше фантазировали. Плиний (I в. н. э.) гордился тем, что для знакомства с географией мира он изучил более двух тысяч сочинений и познакомился с пятьюстами авторами, и, кроме того, сам служил в легионах, размещенных за Альпами. Несмотря на это в своей «Естественной истории» («Naturalis historia»), описывая Геркинский лес, он не мог сказать ничего лучшего, чем то, что там «сплетающиеся корни возвышаются подобно холмам; а где земля настолько тверда, что корни не могут углубиться, там они поднимаются аркой до самых ветвей, сплетаются с ними и создают нечто похожее на открытые ворота, через которые может проехать эскадрон римской конницы». При этом Плиний еще оговаривается, что «он оставляет в стороне многое, что могло бы показаться совсем невероятным». Наконец, Тацит, автор «Анналов», в которых он дал блестящее описание дворов королей за Дунаем, полностью усвоивших римскую культуру, в сочинении «Германия», характеризуя Геркинский лес, по традиции пишет о нем, как о чем-то ужасном. Но он допускает все же, что не везде эти земли «представляют собой дремучий лес или страшные болота». Естественно, что люди туда не стремятся, так как «кто же покинет Азию, Африку или Италию, чтобы обосноваться в Германии (так называл Тацит всю Центральную Европу за Дунаем) с ее непривлекательными видами, суровым климатом, необработанными

землями, при виде которых сжимается сердце. В ней может жить только тот, кто родился здесь».

Так античные авторы буквально за деревьями не видели леса — за диким, дремучим лесом не видели того, что там создала рука человека. Только греческий географ Страбон — автор классического сочинения «География» (относящегося к началу нашей эры) — был знаком с более многочисленными источниками и дал более точные сведения. Его описание представляет особенный интерес, так как оно касается именно чешских земель. Он знал об «огромном лесе Габрета» (это чешская Шумава) и о том, что только за ним, следовательно — за современными северочешскими горами, тянется собственно Геркинский лес. Далее он указывает, что в центре Геркинского леса — это явно упоминание о Чехии — находится область, «вполне пригодная для поселения». Даже в такой форме это упоминание является убедительным подтверждением того, что нам известно уже из других источников.

Только тогда, когда дело дошло до непосредственного столкновения, с одной стороны, жителей этих загадочных краев с населением античного мира и, с другой стороны, античного мира с неизвестными до того времени, но все более угрожающими его границам племенами, только тогда сведения античных писателей становятся полнее и правильной. Но и в этих сведениях сообщалось только о том, что касалось античного мира. О жизни народа, живущего в таинственном Геркинском лесу, даже из этих источников ничего не удавалось узнать, а краткие упоминания о нем скорее затемняли, чем воссоздавали истинную картину этих земель. Так обстоит дело и с сообщением популярного римского историка Тита Ливия, сочинения которого считаются вообще самым древним письменным источником, в котором имеется упоминание о чешских землях. Ливий сообщает о кельтском короле Амбиготе, правившем в Галлии (северной Франции), который, когда его племя увеличилось настолько, что ему не стало хватать места, послал своих двух племянников, Белловеса и Сеговеса, с многочисленными дружинами на поиски новых земель. По народному обычаю, они сначала обратились к богам, чтобы те указали, куда им следует двигаться. Определив нужное направление по полету птиц, Белловес направился на юг, а Сеговес — на восток. Белловес, пройдя через Альпы, дошел до Италии, а Сеговес, переправившись через Рейн, достиг Геркинского леса, где и основал новую державу. Так как в 388 г. до н. э. кельты действительно появились в Италии, то в этом сообщении Ливия историки усматривали подтверждение легенды о походах не только Белловеса, но и Сеговеса. Сообщение Ливия считалось первым достоверным сообщением о кельтском народе боев, впоследствии хорошо известном в чешских землях. Считалось, что бои пришли в чешские земли из Галлии также около 388 г. до н. э. Палацкий, основываясь на этом же сообщении Ливия, именно так и объясняет появление боев в Чехии.

После критического рассмотрения сообщение Ливия оказалось не более чем легендой, появившейся уже позднее, так как народ, рассказывая о прошлом, обычно охотно ищет объяснений в настоящем, а не наоборот. Сообщение Ливия относится к событиям, которые хронологически отстояли от времени, когда он записал их, на четыре столетия. Были обнаружены некоторые явные противоречия в этом сообщении. Было доказано, что имена кельтских вождей вымышлены, как это обычно случалось с именами всех тех, кто, согласно легендам, возглавлял переселение племен в новые земли. Доказано также, что кельты в 388 г. вторглись в Италию не из Галлии, а с севера. Сообщение Ливия о походе Сеговеса в чешские земли находилось в полном противоречии с правильным утверждением о том, что кельты вообще ниоткуда не приходили в Центральную Европу, а ведут свое происхождение от местного народа курганов, обитавшего как в заальпийских равнинах южной Германии, так и в южной Чехии и южной Моравии.

Таким образом, вообще отпадает вопрос о каком-либо переселении кельтов в чешские земли; чешские бои, как это более чем очевидно из нашего изложения истории древнейшего периода чешских земель и дальнейшего исследования этого вопроса на страницах этой книги, являются давно осевшими здесь протокельтами, народом курганов, который окреп, развился и стал известен в истории как племя кельтов. Мы ставим перед собой совершенно иную задачу, чем разрешение только бойской проблемы, над чем работала до сих пор буржуазная историография. Мы не ставим своей задачей найти прародину боев, а хотим показать, как народ курганов в Чехии сформировался в исторических боев. И прежде чем перейти к дальнейшему изложению событий, мы и рассмотрим этот вопрос.

Глава II

КЕЛЬТИЗАЦИЯ ЧЕШСКИХ ЗЕМЕЛЬ

В середине первого тысячелетия до нашей эры (дата, которой мы закончили рассмотрение древнейшего периода нашей истории) во всей Средней Европе, в том числе и в чешских землях, произошли глубокие перемены, вызванные непосредственным воздействием на них античного мира. Известно, что и прежде в результате обмена в чешские земли попадали древнегреческие и другие южные, а также некоторые древнеиталийские изделия. Греческая культура, занимавшая первое место среди других культур античной эпохи, распространялась все дальше и дальше, оказывая на окружающий мир все более глубокое воздействие. Влияние греческой культуры можно проследить и на развитии этрусской культуры, которая являлась ее преемницей и, в свою очередь, распространяла свое влияние на все окрестные земли до Альп и даже далее. В Центральной Европе эта культура оказала влияние в первую очередь на народ курганов, населявший земли, находившиеся непосредственно за Альпами. При этом культура этого народа, как мы уже знаем, сама по себе чрезвычайно высокая и самобытная, в силу этого не могла быть просто отброшена и заменена другой, древнегреческой. Лишь в результате взаимодействия этих культур образовалась новая культура или, вернее, новая, следующая ступень средневропейской культуры железного века; после гальштаттской культуры эта новая культура была названа латенской (по археологическим находкам в местности La Tène в Швейцарии). Возникшая таким образом культура народа курганов, обогащенная древнегреческой культурой — самой высокой культурой того времени, быстро распространилась по всей области, заселенной народом курганов. Так латенская культура распространилась на территорию народа курганов в Чехии и Моравии.

Но вначале влияние этой культуры было исключительно формальным. Внутренняя жизнь народа оставалась без изменений, так как условия жизни в Центральной Европе слишком отличались от условий, в которых развивалась культура древней Греции или Этрурии, причем эти различия были не только в климате, но и во всем предшествующем историческом развитии этих стран. Поэтому народ курганов не мог перенять общественные порядки, характерные

для древней Греции или Этрурии. Но что особенно его привлекало и что он быстро освоил — это производство греческих и этрусских изделий, которые отличались не только своей красотой, но и большей практичностью.

В основном же народ продолжал жить попрежнему; его образ жизни был описан нами при характеристике последней фазы древнейшего периода истории. Люди жили в больших поселениях, патриархально, хозяйство велось по-старому; своих мертвых они хоронили в могилах с насыпными курганами. Влияние древнегреческой культуры сказало прежде всего в выделке и отделке украшений. Однако и здесь чувствуются еще прежние привычки и вкусы населения. Иногда возникали очень интересные сочетания, отличавшиеся особой привлекательностью, так как, с одной стороны, имелись налицо черты новой, более высокой культуры, с другой стороны — остатки не преодоленного еще варварства. Например, на застежках изображалась маска усатого мужчины, известная нам по греческим театральным представлениям, иногда изображались рога, явно указывавшие на то, что этот образ взят из греческого искусства, где сатир изображается с рогами. Встречались изображения голов неведомых в Чехии птиц, опять-таки характерные для греческих образцов (например, голова грифа). Бросается в глаза то обстоятельство, что под влиянием совершенных греческих образцов в изделиях главное внимание стало уделяться не богатству орнамента, а выбору наиболее драгоценного материала, из которого выработывались те или иные предметы. Изделия становились более однотипными. Делались они частью из золота, частью из лигнита, встречавшегося в южночешском тржебонском бассейне.

То же самое наблюдалось и в *керамике*. Сосуды украшались заимствованными у греков мотивами в виде пальметок и меандров. На бронзовых сосудах встречается изображение древнегреческой сирены с крыльями. Но греческое влияние сказывается не только в этом. Глиняная посуда делалась уже на *гончарном круге*, что не только придавало ей более совершенный вид, но вообще означало новую эпоху в гончарном производстве. Да и не только в гончарном, так как это был вообще как бы первый своеобразный станок, появившийся в чешских землях. Поэтому понятно, какое это имело значение в Чехии для дальнейшего подъема производства. Оно совершенствовалось, следуя греческим образцам; так, по примеру греческих кратеров, стали делать бронзовые сосуды с носиком, для того чтобы было удобнее наливать вино. Появились первые подносы — большие бронзовые мелкие блюда с ручками — для разноски еды, железные треножки, на которых жарилось мясо на вертеле, большие секачи с отделанными бронзой ручками, которые употреблялись за столом для рассечения жареных туш. Судя по богатству посуды, новые влияния сказались даже на пиршествах, которые, по видимому, стали богаче и изысканней.

Влияние новой культуры сказало и на военном снаряжении народа курганов, которое и прежде, как известно, было разнообразным и совершенным. Упряжь лошадей делалась теперь целиком по древнегреческому образцу: на удила подвешивали особые украшения с пальметками или другими подобными узорами, на лошадь надевали в качестве украшений бронзовые бляхи, число которых доходило до двенадцати штук; эти бляхи не были, как прежде, гладкими, с утолщениями в середине, но с чеканными изображениями греческих масок. Воины также по-новому разукрашивали свое оружие, рукояти мечей и наконечники копий. Но самое главное заключалось в том, что было усовершенствовано самое оружие, которое стало в большей мере отвечать своему прямому назначению — бою. Латенские мечи и ножны были исключительно железными (бронзовые совершенно не употреблялись), только украшения на них были из бронзы. Особенно старательно ковался железный клинок, причем часто рукоять выковывалась вместе с мечом, а короткие мечи вместе с рукоятью делались для большей прочности вообще из одного куска железа. Копья из железа тоже стали делать более массивными.

Вместе с тем происходили и значительные, очень важные социальные перемены; из воинов народа курганов образовались уже собственно военные дружины. Уже само наличие нового, более совершенного вооружения толкало на путь создания и совершенствования военной организации. К тому же, существовала еще и другая причина: необходимо было охранять накопленные и все увеличивавшиеся богатства в чешских землях. Вся латенская культура, особенно в первый период, являлась культурой богачей. Это было определено уже ее характером и происхождением. Влияние древнегреческой культуры могло проникнуть, по крайней мере вначале, лишь в те области, где общественная и экономическая жизнь была на более высоком уровне. Только там могли войти в быт прекрасные образцы греческого искусства — драгоценные украшения, утварь и оружие. Накопленные богатства начали вызывать зависть у тех, кто не пользовался этими материальными благами. Поэтому появились дружины для охраны не только личного богатства, но и богатства народа в целом. Однако дружины не долго довольствовались этой пассивной ролью. Они стали совершать набеги. В течение нескольких столетий история народа курганов пестрит набегами этих дружин на юг, запад и восток.

Все это способствовало развитию племенного самосознания, которое всегда было характерной чертой народа курганов. Об этом свидетельствует и необычайная забота об устройстве могил, которую следует рассматривать не только как соблюдение определенного ритуала, но и как обозначение принадлежности к единому племени. Теперь же это чувство принадлежности к своему племени еще более усиливалось. Это происходило прежде всего под влиянием дружин, так как они были особенно заинтересованы в том, чтобы объединить

людей своего племени и воспитать у них качества, необходимые для обороны и нападения. По своему материальному и культурному развитию народ курганов теперь еще больше стал отличаться от соседних народов, что также способствовало сплочению людей, воспитанию у них чувства принадлежности к одному племени.

Это не было лишь сознанием своей принадлежности к определенному роду. Весь этот народ, где бы ни находились его поселения, объединяло нечто более высокое — сознание своей экономической и культурной общности. Таким образом, у народа курганов, территория которого простиралась от Дуная и Альп на север и на запад, вплоть до Рейна, появилось совершенно новое качество — он стал народностью. Из протокельтских элементов стали формироваться кельтские племена как первое образование уже определенной народности, живущей к северу от Альп, подобно тому как в Средиземноморье образовались из местных племен первые античные народы — греки и этруски.

Племенем, которое образовалось из народа курганов, населявшего Чехию, и народов, живших неподалеку от него, были бои. Это племя, возникшее в результате исторического развития народа курганов, как мы увидим в дальнейшем, оказало сильное влияние на народы, живущие за пределами южночешской области. Таким образом, латенская культура стала распространяться и на другие территории, являвшиеся областями распространения унетицко-кновизской культуры и культуры народа полей погребений.

Кельтизация Чехии проходила так интенсивно, что под пластом латенской культуры на долгое время была погребена культура других народов; иноземные же пришельцы видели в Чехии только боев, по имени которых страна получила название «*Boiohaemum*» — земля боев. Этим именем была названа вся Чехия, а не только ее южная часть, населенная народом курганов.

В Моравии протекал аналогичный процесс. Здесь из местного народа курганов образовались котины, как их называет Тацит. Это тоже кельтское племя, которое не только своим происхождением было связано с боями. Котины, подобно моравскому народу курганов, который являлся частью южночешского народа курганов, не были вполне самостоятельным и независимым племенем. В течение довольно продолжительного времени котины выступали не самостоятельно, а только совместно с боями. Но характерной особенностью племени котинов, отличавшей их от боев, было то, что они занимались горным промыслом, добывали и выплавляли железо. Они и селились там, где имелась железная руда. Здесь следует вспомнить то, что говорилось выше о так называемом «подольском» народе и о рудокопах из Бычьей скалы. Безусловно, не лишена известных оснований мысль, что именно из этого народа сформировались котины.

В связи с чешскими землями упоминают и вольков-тектосагов, которые, по сведениям Цезаря, «самые плодородные местности в Гер-

мании около Геркинского леса захватили...» и «там поселились. Народ этот до сих пор там живет...» Таким образом, Цезарь не говорит, что вольки-тектосаги занимали территорию внутри Геркинского леса, где, по мнению античных авторов, находилась Чехия, а только «около», неподалеку от Геркинского леса. Необходимо отметить, однако, что вообще нет данных, которые указывали бы на то, что вольки-тектосаги здесь находились. И если чешская археология, главным образом, в последние годы утверждает, что эти племена здесь находились, то это представляет собой попытку найти выход из затруднительного положения: различие племен объясняются некоторыми отличительными чертами разных культур. Бойская кельтизация преодолела и сгладила самые большие и глубокие культурные различия, существовавшие в чешских землях, и поэтому из-за второстепенных различий нельзя разрушать единство великого процесса кельтизации чешских земель.

Нам остается только определить время, когда происходила эта кельтизация. Для этого нам нужно обратиться к уже исследованным нами памятникам греческого влияния — греческим орнаментам, встречающимся в памятниках латенской культуры в Чехии; в частности, упомянем маски на застежках и других предметах, а также птичьи головы и бронзовые сосуды. На основании их изучения можно хронологически отнести древнелатенскую культуру в Чехии к V веку до н. э., то есть ко времени, когда кельты после тысячелетнего внутреннего развития выступили уже на историческую арену как исторически сложившийся народ и на несколько столетий заняли ведущее место в группе племен Центральной Европы.

Глава III

БОИ

Представления о происхождении и значении боев в большинстве своем не только не точны, но просто противоречивы. Дело не в том, что о них сохранилось мало сведений. Античные авторы оставили нам о них сравнительно много данных. Но прежде всего это сведения более позднего времени, когда имя боев уже исчезает из чешских земель. Кроме того, античные авторы характеризуют боев очень односторонне, представляя их такими, какими они были известны античному миру. Между тем античный мир знакомился с боями лишь в периоды военных столкновений, во время неоднократных нападений боев на Рим.

О первом походе кельтов нам известно следующее. Это было предсловутое нападение кельтов на Италию в начале IV в. до н. э., повидимому в 388 г., когда боевые отряды нескольких кельтских племен перешли через Альпы, покорили северную Италию и, подойдя к Риму, заняли и опустошили его, осадив даже Капитолий, который был — как повествует известное предание — спасен капитолийскими гусями.

Среди этих племен бои упоминаются как самые храбрые, но и самые свирепые воины. Они принимали участие и в решающей битве на реке Алии (приток Тибра), где римляне были разбиты, а также в захвате и опустошении Рима. Поскольку это было первое нашествие «варваров» на Рим и первое выступление кельтов на мировой арене — это событие потрясло весь античный мир. Бои с той поры надолго остались в его памяти. Бои запомнились Риму тем более, что два столетия спустя они снова вошли в историю Рима, но на этот раз едва ли не как его спасители. В 113 г. до н. э. на Рим надвигались новые, теперь уже германские отряды кимбров, которые свой первый удар нанесли боям, преграждавшим им путь на юг. Но бои отразили натиск как кимбров, так и союзных с ними кельтских тевтонов и не пропустили их через свою территорию. Отряды кимбров и тевтонов двинулись другим путем, через земли, занятые кельтским племенем скордисков, и таким образом проникли на юг. Здесь они не только победили, но просто уничтожили римские войска в битве у Нореи. Слава о воинских подвигах боев не только не уменьшилась, а, наоборот, возросла, так как им удалось задержать ким-

бров, чего не сумел сделать могущественный Рим. Поэтому в дальнейшем боев рассматривали как надежный барьер от диких народов севера и северо-востока.

Но военную силу боев узнал не только Рим. В начале III в. до н. э. бои вместе с другими кельтскими племенами отправились в Грецию. И как прежде они перешли Альпы, так теперь они переправились через Дунай и дошли до Савы, затем захватили в 279 г. Македонию, откуда и напали на Грецию. Точно так же как все делал в свое время Рим, они теперь ограбили и покорили Дельфы. После этого через Фракию и Геллеспонт бои проникли в Малую Азию. В том же III в. они организовали поход на север. Это вообще был период наибольшей славы кельтов. Они владели почти всей Центральной Европой, от Рейна до Одера и далее до Вислы и истоков Днестра. Бои же считались не рядовыми участниками походов, но самыми храбрыми воинами.

Бойские дружины продолжали участвовать в набегах и в I в. до н. э. Так, в начале I в. бои предприняли большой поход в Паннонию (в Венгерской низменности) и захватили всю территорию вплоть до Тиссы. В середине этого же века они дошли до Норика (в современной Австрии). Когда же в 58 г. до н. э. началась борьба кельтских гельветов, живших на территории современной Швейцарии, с римлянами, то гельветы призвали на помощь боев, которые сформировали вместе с воинами другого кельтского племени — тулингов огромное войско, состоявшее, по данным Юлия Цезаря, из 15 тыс. человек; по этим же данным, число боев с женами и детьми доходило до 32 тыс. человек.

Неудивительно, что бои, как это следует из всего вышесказанного, считались исключительно воинственным народом. Блеск их воинской славы затмевал все остальное. Поэтому их и описывали как людей, находившихся все время в походах, в погоне за новой землей и новой добычей. Но это неверно. Этим искажалось истинное историческое значение деятельности боев, в особенности для истории чешских земель. Конечно, бои были прекрасными, даже выдающимися воинами. Это только подтверждает их близость к народу курганов, у которого, как нам известно, был также сильный военный слой. Все дошедшие до нас сведения характеризуют их только как воинов, не касаясь других сторон жизни этого народа. То, что обычно считали походами всего воинственного народа или племени, в действительности являлось лишь действиями дружин, формировавшихся из того же военного слоя. Хорошо вооруженные, закаленные в боях, они не довольствовались только охотой или столкновениями с местными племенами, а пускались в далекие военные походы с целью грабежа чужих земель, особенно в тех случаях, когда племя настолько увеличивалось, что собственные земли не могли удовлетворить его потребностей. Впрочем, Ливий именно так и описывает кельтский набег, осуществленный под руководством племянников Амбигота. У него ясно можно проследить мысль, что не целые

племена, а только лишь отдельные военные дружины отправлялись на поиски новых земель, в то время как народ вместе с королем оставался на своей земле.

Так обстояло дело с исторически засвидетельствованными походами боев.

У нас нет никаких доказательств того, что племя боев было ослаблено этими набегами. Наоборот, несмотря на все эти походы, племя боев росло и крепло, о чем свидетельствовало увеличение количества их поселений. Таким образом, уходили на чужбину те, кто не находил себе занятий на родине, и в первую очередь сильно возросшие военные дружины.

Только так и можно объяснить тот факт, что бои — участники походов часто вообще не возвращались на родину. Так было и во время италийского похода в 388 г. до н. э., и во время греческого, а также и других походов. Когда кельты были вынуждены покинуть Рим, многие участники похода, в том числе и бойская дружина, остались в Италии. Несколько столетий бои воевали с Римом (они были и союзниками Ганнибала). Даже после изгнания их из Италии Корнелием Сципионом в 191 г. до н. э. они не вернулись в Чехию и, не покорившись римлянам, ушли к кельтским племенам на Дунай и там продолжали борьбу. Это находится в соответствии с сообщением Ливия об отходе кельтских дружин из Галлии, в котором совершенно ясно выражена мысль, что ни Белловес, ни Сеговес не вернулись на родину, а остались на новой земле. Поэтому дружинники брали с собой жен, детей, ремесленников, в которых испытывали необходимость, и на новой территории устраивались на постоянное житье.

Нас, однако, должна больше интересовать не эмиграция, а жизнь и дела боев в их *отечестве*, на чешских землях. Тут вырисовывается совершенно иная картина. У себя на родине бои, ведшие оседлый образ жизни, напряженно трудились, создавали ценности, развивали культуру, продолжая то, к чему население чешских земель было подготовлено тысячелетним развитием. Они были заняты *созидательным трудом*. О том, что это было главным, а не второстепенным в их жизни, свидетельствует тот факт, что бои и на чужбине, едва захватив территорию, сразу же приступали к созидательному труду. Вместе с другими кельтскими племенами они основали в Италии город Милан; совершенно самостоятельно они основали город, названный их именем «Бойония» (современная Болонья). В Малой Азии, во время греческого похода, они совместно с другими кельтскими племенами основали новое государство Галлацию, также названную их именем (галлы — римское название кельтов). Как же в таком случае трудились бои на родине, на земле, возделываемой ими тысячами лет! Картину дальнейшего развития и культурного расцвета чешских земель в бойскую эпоху можно назвать поистине прекрасной. Это время по праву можно считать золотым веком древней истории Чехии.

И в дальнейшем у боев на родине сохранялся особый слой воинов, как это было прежде у народа курганов. Под влиянием античности вооружение боев, как и все изделия, относящиеся к материальной культуре, стали более совершенными, что, конечно, только усилило их мощь. Железные мечи были значительно удлинены, клинок стал шире. Они применялись уже не как колющее, а как рубящее оружие, которым можно было наносить тяжелые повреждения. У боев имелись копья и пики. Копья метали во врагов издали. На конце копья находилось острие; копье, вонзаясь в щит, оттягивало его своей тяжестью вниз, и враг становился уязвимым для удара мечом и пикой. Поэтому воины должны были иметь возможность быстро сменить оружие. Для этой цели к ножнам меча приделывалось кольцо, которым они пристегивались к поясу, а у пик и копий заострялась противоположная острию сторона, чтобы их можно было воткнуть в землю. Большую роль играли щиты, овальной и прямоугольной формы, из дерева, окованные по краям железом, в центре которых выдавалась широкая выпуклая железная полоса, оберегавшая руку. К обратной стороне щита прикреплялась деревянная или металлическая ручка. Действительно, вид вооруженного бойского воина внушал страх, и их везде боялись не без основания.

Хорошо вооруженные, они отправлялись в походы далеко за пределы своего племени, в чужие земли. Благодаря этим походам в отечестве создавались еще более благоприятные условия для мирного созидательного труда. В условиях непосредственного соприкосновения бойских дружин с античным миром усилилось и возросло культурное влияние античности на боев. И если раньше было заметно влияние древнегреческой культуры, то со временем все более сильное влияние стала оказывать римская культура, которая в связи с ростом мирового владычества Рима обогатилась, впитав в себя наследие греческой и других средиземноморских культур. Поэтому бойская культура, находившаяся под влиянием римской культуры, означала для чешских земель дальнейший значительный шаг вперед.

На это указывает колоссальный рост поселений боев и заметный прогресс строительной техники. Прежде всего, постройки стали возводить более крупные, чем прежде. Площадь их обычно достигала уже 14 × 8 метров, и они строились уже не из ветвей, вплетенных между кольями, а из плотно пригнанных друг к другу столбов, хорошо вытесанных из дерева. Внутри домов пол, правда, был еще земляной, но стены были уже оштукатуренные. Появляются уже дома из трех комнат, причем одна из них предназначалась для кухни с очагом, а к ней пристраивалась специальная кладовая. Улучшалось, конечно, и убранство комнат. Бойская керамика, изготовленная на гончарном круге из особо мягкой глины, напоминала лучшие образцы латенской керамики, она была с незатейливым рисунком, зато с лощеной коричневой или черной поверхностью. Одежда и украшения,

особенно у женщин, стали гораздо богаче. Это подтверждается раскопками могил, в которых были обнаружены мужчины в полном вооружении и женщины со всеми своими украшениями. У нас имеет ся довольно точное представление о наряде богатой бойской женщины: на шее женщины носили золотую или бронзовую гривну, на галии — богато украшенный бронзовый пояс, на руках — тяжелые браслеты и на ногах — массивные бронзовые круги в виде браслетов. Степень богатства украшений определялась не только их отделкой, но и массивностью, что всегда является характерным признаком богатства у варваров, так как сама ценность материала, из которого сделано украшение, должна была указывать на привилегированное положение в обществе его владельца. Поэтому наряду с бронзой в значительной мере стало употребляться и золото. Но не пренебрегали и железом. Из него большей частью делались мужские пряжки, да и для женщин это был еще достаточно новый металл, употреблявшийся для украшений. Из стекла и лигнита выделывались бусы, тоже крупные и массивные.

Все это стало возможным только в условиях повышения и улучшения техники производства. Сельское хозяйство, которое прежде было одним из основных занятий, шагнуло вперед как в области полеводства, так и животноводства, в котором наряду с разведением рогатого скота особенно процветало свиноводство. Кельты вообще с особой любовью относились к свиньям, так что эти животные стали предметом их религиозного культа. Полный переворот произошел и в ремесле.

Однако отделение ремесла от земледелия, всегда игравшее важную роль в последующем общественном развитии, было здесь неполным, так как для этого не было еще материальных предпосылок. Но и в этом направлении произошли уже значительные сдвиги. Появились настоящие профессионалы-ремесленники, специализировавшиеся на определенном виде изделий. При этом сливались воедино промышленное производство с ремесленным, так как ремесленники изготовляли свои изделия не только единолично, ручным способом, но и отливали их в формах при серийном производстве. Насколько широко распространение получил этот серийный способ производства — лучше всего свидетельствует бронзовый клад, найденный в 1882 г. в Духцове. Там было найдено свыше 1200 застёжек, ожерелий и колец, мало отличавшихся друг от друга.

Но самым главным признаком новой бойской культуры являлось основание городов. Наличие городов подтверждают, как мы увидим дальше, археологические находки.

Города, которые Птолемей во II в. н. э. относит к чешским землям, были явно бойскими, на что указывают их названия, в большинстве своем кельтские: Эбуродунон, Мелиодунон, Рединтуинон, Касургис, Будоргис, Фургисатис, Коридоргис. Чешские и другие ученые уже в XVI в. пытались определить, где находились эти го-

рода, но делали это очень произвольно, сопоставляя названия старых городов по сходному звучанию с современными городами и местностями. Так, за город Касургис принимали — Коширже, за Мелиодунон — Милетин, за Коридоргис — Коуржим, за Сетуакатон — Сушице и т. д. Такой метод был явно неправильным. Далее были использованы и указания Птолемея о местонахождении некоторых городов по определенным координатам, но и тут результаты были глубоко ошибочны. Так, например, при таком способе определения одни видели в Рединтуиноне Прагу, а другие — Горжице, в Фургисатисе одни предполагали Початки на востоке, другие — Крживоклат на западе и т. д.

Определить точное местонахождение некоторых из этих городов можно, лишь уточнив направление известных нам торговых путей. Но и об этих путях нам известно лишь из сообщений Птолемея, то есть только с конца II в. н. э., о чем в дальнейшем будет рассказано подробнее.

Для нас важно выяснить главным образом значение и роль бойских городов, находившихся в чешских землях. Первоначально эти города, так же как города других племен, являлись убежищем на случай военной опасности. Но у кельтов, как и у боев, города играли не только эту роль. Они были важными центрами и в мирное время. В них сосредоточивались профессионалы-ремесленники, в особенности кузнецы и литейщики — словом, металлисты. Торговля, тесно связанная с развитием производства, играла большую роль. Вероятно, ремесло и торговля позднее стали главными характерными чертами бойских городов. Вследствие того, что эти города лежали на торговых путях, они были известны античному миру. Римские торговцы интересовались ими и сообщали о них тем исследователям, которые писали о чешских землях. Эти города были также центрами религиозного культа. Устройство городов было несколько иным, отличавшимся от сельских поселений, поэтому античные авторы недаром называли эти поселения — «oppida» (города). В отличие от деревень, здесь имелись уже характерные для городов черты. Однако население городов не являлось особым, социально обособленным слоем населения. Эти города были только центрами, где сосредоточивалось определенное производство и где находилась администрация племени. Социального расслоения населения на горожан и сельских жителей еще не наблюдалось.

Античный мир оказал влияние не только на повышение материального уровня жизни населения, но и на духовную культуру боев. К сожалению, у нас имеется об этом слишком мало сведений. Особенно хотелось бы знать больше о языке боев. У нас, к сожалению, имеются лишь чрезвычайно скудные данные. Мы знаем только то, о чем можно судить по сохранившимся местным названиям. Характерно, что Птолемей еще в конце II в. н. э., когда бойский период в чешских землях давно уже закончился, называет города в чешских землях их первоначальными кельтскими, бойскими именами. Очевидно, в то

время они еще назывались так и об этом ему сообщили побывавшие там торговцы или путешественники. Лишь с исчезновением городов исчезли их кельтские названия. Сохранившиеся до сего времени итальянские города Милан (Mediolanum) и Болонья (Boīonia) носят прежние кельтские, бойские названия. В чешских землях также не исчезли бойские наименования рек и гор, как не исчезли сами реки и горы. Так, название горы Ржип и реки Изеры, в отличие от других, не столь явно кельтских названий, безусловно кельтского, то есть бойского происхождения.

В источниках сообщается о том, что кельты занимались разными науками и знали уже письмо. Это были, вероятно, только «тайные» науки, то есть магия и магическая медицина — скорее суеверия, чем науки, хотя не исключено, что вместе с другими влияниями античности к боям проникли и знания из области некоторых подлинных наук. О письменности нам известно, что бои узнали ее лишь позднее, в результате влияния римской культуры. В области религии, под влиянием более прогрессивных народов юга, они перешли от поклонения силам природы к поклонению богам и божествам. Но бои все еще почитали вепря как кормильца рода. Как и прежде, еще в протокельтский период развития народа курганов, так и в римскую эпоху в бойские могилы по религиозным соображениям клали части вепря. Сохранился также культ женщины в его животном, сексуальном значении. Но постепенно из него развился и высший культ — культ женского божества. Вместе с тем получил развитие и религиозный ритуал, который достиг большей утонченности. В сообщениях о кельтских богослужениях имеются сведения о страшных жестокостях. Большие группы людей приносились в жертву богам с какой-то особой, просто дикой жестокостью. Многие из этого культа нам известно еще по гальштаттскому периоду развития народа курганов. Так, в Бычьей скале были обнаружены следы непередаваемых зверств и истязаний при жертвоприношениях. В первую очередь убивали женщин, что, впрочем, теперь из сексуального фанатизма превратилось уже в обряд жертвоприношения женским божествам.

Не менее важным фактом было и то, что бои (по дошедшим до нас сведениям) сохранили первоначальную чистоту нравов. Этим они выгодно отличались от других западных кельтов, которые вместе с усвоением передовой культуры стали предаваться роскоши, слятолюбью, переняли пороки, словом — все то, что часто отличает выскочек, воспринимающих чужую культуру лишь чисто внешне. Уже у народа курганов в Чехии мы находим некоторые признаки, свидетельствующие о роскоши в одежде, в еде и питье. Конечно, это до некоторой степени сохранилось и у боев. Особенно большое внимание они уделяли пиршествам, на что указывает большое количество разной посуды. Но несмотря на это, они не придавали такого большого значения пирам, вообще роскоши, как другие народы. Они оставались настоящими воинами, о чем свидетельствует то, что

они хоронили покойников в полном боевом вооружении, без каких-либо драгоценных украшений и предметов роскоши. Об этом имеются достоверные свидетельства античных авторов, которые отмечали эти особенности бойских воинов. Они были строги к себе, берегли свою честь, всей душой были преданы своему племени. Это был тот слой населения, который при своем богатстве и могуществе особенно легко мог поддаться пагубному влиянию античной роскоши. Но они убереглись от этого влияния, оставаясь здоровым, сильным слоем воинов; вместе с ними и весь народ боев вообще остался здоровым и сильным племенем.

Глава IV

СТРАДОНИЦЕ

В настоящее время так называется чешская деревня на реке Бероунке, недалеко от Нижбора. Но в мировой научной литературе так именуется исключительный по богатству найденных предметов археологический памятник, который был обнаружен в 1877 г. у Страдонице. Это был бойский город периода наибольшего расцвета латенской, бойской культуры, относящейся к I в. до н. э. Вслед за раскопками у Страдонице были обнаружены города подобного типа в восточной Чехии — в Льготице у Насаврк, в Моравии — Старе Градиско около Оклук, в районе Босковице. Более мелкие поселения страдоницкого типа найдены около Бранова у Крживоклата на западе, около Страконице и Чимелице на юге, около Ужетице у Хрудима на востоке Чехии. Таким образом, Страдонице не являлся исключением. Бойские поселения городского типа с высоко развитой культурой были разбросаны по всей территории, населенной боями. Страдонице, однако, является наиболее ярким образцом не только по богатству предметов — первые находки вызвали просто изумление, — но и по сохранности их. Большую роль сыграло и то обстоятельство, что они лучше других археологических материалов описаны Пичем в его ставших классическими «Древностях чешской земли». По материалам раскопок в Страдонице можно совершенно конкретно представить себе жизнь бойского города. Поскольку Страдонице процветало до самого конца бойского периода в Чехии, он может служить лучшей иллюстрацией того, чего достигла бойская культура в течение четырех-пяти столетий.

Сразу же бросается в глаза тот факт, что в Страдонице найдено мало материальных памятников, которые характеризовали бы военное сословие боев. Здесь не обнаружено никакого оружия, нет могил, которые можно было бы рассматривать как погребения воинов. А ведь Страдонице был городищем, то есть укрепленным, и хорошо укрепленным, городом. Стены его были выложены из камней, положенных просто друг на друга. Оружие и могилы воинов были найдены в других местах, в частности в Старе Градиско, но это были лишь единичные могилы, в которых воины были похоронены без обычной пышности, свойственной погребениям бойских воинов. Их хоронили не в гробу, с полным вооружением, а сжигали

так же, как и всех жителей. В небольшие могилы вместе с прахом клались лишь кривые мечи, что тоже свидетельствует не столько о большом упадке боевых качеств бойских воинов, сколько, по видимому, о падении их общественного значения среди населения городов.

Это объясняется тем, что в этот период (I в. до н. э.) бои принимали наибольшее участие в походах. Малое количество могил воинов свидетельствует о том, что почти все воины уходили с дружинами, дома же оставались только отдельные бойцы, уже неспособные к походам или вследствие старости, или по каким-либо другим причинам. Авторитет этих воинов на родине сильно упал. К ним не было прежнего уважения, потому что они не являлись настоящими представителями бойских дружин. Только таким образом и можно объяснить небольшое количество воинов в городах и отсутствие почтения к ним. Тем значительнее выступает здесь на первый план другая и исторически более значительная сторона бойской культуры: передовое, развитое производство. Вместе с тем выдвигается и слой производителей как ведущий общественный слой в этих бойских городах. Страдонице может служить прекрасным доказательством этого положения. Хотя Страдонице представляет собой городище, однако в первую очередь его должно рассматривать как процветающий промышленный и торговый центр.

В промышленности основное место занимала обработка металлов. В большом количестве производились здесь сельскохозяйственные орудия: лопаты, косы, вилы, кирки, а также принадлежности для рыбной ловли. Ручные мельницы, состоящие из двух жерновов, снабжались железной осью, а в верхнем камне для удобства вращения делалось отверстие для деревянной ручки. Изготавливались также ножницы для стрижки овец, вначале с простой пружиной, а впоследствии с более упругой спиральной пружиной; вырабатывались наконечники нового типа для земледельческих орудий, что свидетельствовало о переходе от мотыжного к плужному земледелию. В больших количествах производились инструменты для домашних работ, а также для мастерских: наковальни, долота, клещи, напильники, рашпили, различные клинья, коловороты, шилья, гвозди, скобы, крюки, цепи, ножи разных форм, мотыги простые и полукруглые, разнообразные секачи и пилы. Для домашнего шитья делались литые бронзовые иглы с бронзовыми игольниками. Кроме того, производились и туалетные принадлежности — бронзовые и костяные гребни, зеркала из белой бронзы с рукояткой, а также пинцеты для выщипывания волос, скребочки, ложечки для чистки ушей, которые находят применение и в настоящее время; из медицинских инструментов изготавливались тонкие бронзовые зонды.

В Страдонице процветало и производство керамических изделий. Оно находилось на очень высоком уровне как по разнообразию используемого материала, так и по способу его обработки. При раскопках были найдены костяные лопатки с зубьями — инструменты,

при помощи которых на сосуды наносился орнамент. Производились и совершенно новые изделия: крышки для посуды с петелькой посредине и цедильники. Многие вещи делались из *стекла*: например, бусы изготовляли уже из прозрачного зеленоватого стекла, а также из непрозрачного стекла синего, фиолетового или темнокоричневого цвета. В середине почти каждой бусинки имелись точки или полоски другой, чаще всего желтой окраски.

В Старе Градиско были найдены и другие предметы из дугото прозрачного зеленоватого стекла, а в Страдонице — флакончики из фиолетового стекла с разноцветными полосками.

В производстве употреблялись и другие материалы: чаще всего встречается *дерево* — при раскопках были найдены деревянные предметы в металлической оправе; из *кости* делались особенно мелкие инструменты или, вернее, детали других инструментов, как, например, рукоятки к небольшим инструментам, которые были легче металлических, или лопатки для нанесения орнамента на посуду. Из кости делались также специальные игральные кубики с кружочками на гранях, употреблявшиеся для неизвестной нам игры. Подвергался обработке и *янтарь*. Об этом свидетельствует найденный в Страдонице и в Старе Градиско янтарь в виде необработанного сырья, полуобработанных изделий и янтарных ожерелий. Страдоницкие ремесленники умели уже использовать янтарь для инкрустаций. Они вырабатывали также и *эмаль* не только одноцветную, но и бело-синюю, двухцветную.

Эти подробности приведены здесь для того, чтобы полнее охарактеризовать уровень производства в чешских землях, а вместе с тем дать более яркое представление об образе жизни людей того времени. Разобравшись в том, для чего предназначался каждый инструмент или предмет, какие потребности он удовлетворял, можно прийти к выводу, что для жизни бойского города был характерен удивительно высокий для того времени уровень культуры. То же самое можно сказать и о других сторонах жизни бойских городов.

В городах процветала также *торговля*. Внешняя торговля развивалась благодаря частым и непосредственным связям боев с населением других племен и своими соплеменниками, живущими в иных землях (оставшимися там после бойских походов), а внутренняя — вследствие роста производства и спроса на эти изделия на местном рынке. Бойские города, являвшиеся центрами производства, становились и центрами торговли, и земледельцы, ремесленники, любители тонких, изящных вещей могли найти здесь любую вещь. Но совершенно новым достойным внимания фактом являлось то, что бой впервые в чешских землях ввели в употребление при торговых операциях *монету* и сами чеканили ее.

Уже в 1771 г. недалеко от Страдонице, у Подмоколь, было найдено в бронзовом котле несколько сотен золотых дуговок (местных монет), а в 1877 г. при дальнейших раскопках — еще 200 монет. В других местах были также обнаружены монеты, являющиеся

подделками местного производства, а также чужеземные — римские монеты и монеты других кельтских племен. Среди них было много монет (серебряных, бронзовых, платиновых) швейцарских гельветов — результат известного союза боев с гельветами — и монет паннонско-дакийских, чеканенных по образцу тетрадрахм Филиппа II Македонского, — что указывает на связи чешских боев с паннонскими боями.

Но «дуговки» чеканились и в Чехии. Этим, в частности, занимались котины, которые пришли из Моравии в Словакию и, обнаружив там месторождения драгоценных металлов, стали чеканить монеты в огромном количестве (богатейший клад их был обнаружен в 1930 г. в Левице, в Словакии). Они их чеканили по образцу греко-римских монет — самые древние котинские золотые монеты были подражанием золотому статеру Александра Великого; чеканились они и по образцу монет пеонского короля Аудолеонта; при этом на монетах сохранялось и его имя (в Левице нашли пятьдесят одну «аудолеонтскую» монету).

В торговле монеты использовались двояко. Золотые монеты принимали на вес, как золото, на что указывают маленькие найденные в Страдонице весы (с двумя чашечками на цепочках), какими тогда пользовались для взвешивания золотых монет. Так как не все монеты были одинаковы, то торговец определял их цену по весу. И как это ни странно, золотые монеты уже тогда умели подделывать, покрывая бронзовую монету тонким слоем золота. Но всегда, конечно, ценился и сам металл, поэтому торговля была основана на обмене: товар обменивали на золото. Потом продавцы стали использовать монеты как деньги. Это было более постоянное, следовательно более ценное, платежное средство, чем вещь, обмениваемая на другую вещь. Поэтому делались уже и мелкие бронзовые деньги по образцу римских монет, которые для целей обмена, то есть в смысле стоимости металла, не имели особой цены. Но их все же принимали как деньги, так как их малая материальная ценность вознаграждалась удобством обращения. Оба примера говорят уже о первом применении монет в качестве платежного, а не обменного средства.

В связи с огромными и всесторонними переменами поднялся и общий *уровень жизни* населения бойских городов. Постройки приобрели более городской вид, чем прежде. Так, фундаменты домов стали делать каменными, стены оштукатуривать, пол умели уже искусно выстругивать. Население и одевалось уже богаче. Об этом свидетельствует наличие упомянутых выше туалетных принадлежностей (гребни, зеркала, застежки). Сохранились остатки очень изящных поясов и застежек, которые служили для застегивания одежды, также богато украшенной. Любопытно, что застежки делались не только из золота и бронзы, как украшение, но и отливались уже промышленным способом из железа. Следовательно, застежки носили уже широкие слои простого народа. Им также стали

доступны украшения, бусы и браслеты, которые в большинстве своем делались из стекла. Они считались тогда драгоценностью, так как стекло еще не получило большого распространения. Однако по мере того как производство стекла становилось массовым, эти украшения стали более доступными широким слоям населения, чем это было прежде. В массовом количестве начали отливать из бронзы перстни, украшавшиеся стеклом и эмалью.

Материальная культура не только возросла, но и получила значительное распространение. Возросли потребности населения городов. Бойских женщин уже не удовлетворяли простые ожерелья. К ним стали подвешивать украшения в виде маленьких бронзовых зеркала, филигранных фигурок и различных замысловатых вещей. В жизни боев появляется роскошь и изысканность. Накапливается уже богатство. Но богатство это было только личным, оно не принесло еще ущерба коллективу. Люди имели все для удовлетворения своих запросов, прихотей и желаний, и это личное богатство достигало уже огромных размеров. Развивались и собственнические инстинкты. В Страдонице были найдены многочисленные железные ключи, которыми запирались жилища. Ключи были разных типов, следовательно, и замки были различны и отпереть жилище можно было только определенным ключом. На то, что владельцы этого богатства не напрасно запирали свое имущество, указывают такие факты, как ограбление могил. Известно, конечно, когда их разграбили, но, вероятнее всего, вскоре после погребения, пока еще живо было в памяти — кто, где и как, с какими ценными вещами похоронен. Понятно, что живые люди имели уже основание беспокоиться о сохранности своего богатства. Да и жадность людей тоже стала уже сказываться.

С ростом материальной культуры соответственно развивалась и духовная культура. Для характеристики *религиозных* верований боев раскопки в Страдонице дали мало материала. Но все же можно сделать вывод, что потомки народа курганов сохранили, что было совершенно естественно, свои былые традиции. По древнему кельтскому обычаю, особо почитался вепрь. К числу почитаемых прежде животных боев прибавили еще козла и собаку. Очевидно, маленькие бронзовые птички и человеческие головки, носившиеся на шее вместе с ожерельями, являлись не только украшением. Если прежде мужчины-кельты удовлетворяли свои сексуальные инстинкты во время совершения своих страшных обрядов, убивая главным образом женщин, которым отрубали руки, нанесли всяческие увечья, причем все это совершалось во время религиозных церемоний, то и женщины теперь стали носить ожерелья, амулеты с привеском в виде фаллуса, что, повидимому, тоже было связано с религиозно-мистическими представлениями. В Страдонице была найдена фигурка мужчины с подчеркнуто выраженным половым признаком. Амулеты различных видов, предназначенные для ношения с ожерельями на шее, производились в очень большом количестве, так

как считалось, что они охраняют от бед и напастей. Современный обычай носить на шее крестик является пережитком этих верований.

Имеются, впрочем, более веские доказательства дальнейшего роста духовной культуры, что прежде всего отражено в *искусстве*. Многие дошедшие до нас предметы, сделанные из бронзы и других материалов, свидетельствуют о связи искусства с религиозными представлениями. Таков бронзовый вепрь, найденный в поселении около Пржимотице в Моравии, а также другие фигурки вепря, козла и собаки. Наряду с этим стали появляться признаки другого искусства — искусства, доставлявшего радость как мастеру, так и владельцу этих художественных изделий. Примером этого вида искусства может служить бронзовая маленькая лань из Старе Градиско, человеческая фигурка с поднятыми руками, найденная в Птени, в Моравии, и другие человеческие фигурки, а кроме того, многочисленные украшения в виде птичьих и человеческих головок, которыми украшались рукоятки и другие предметы (повторяются изображения и известных уже нам греческих масок). Замечательно, что большая часть этих произведений искусства была найдена в Моравии. Если Страдонице был прежде всего промышленным центром, то Старе Градиско в Моравии был главным образом местом производства художественных изделий. Моравские котины были не только главными чеканщиками монет у боев, но и мастерами художественных изделий.

Вершиной этой высокоразвитой культуры боев был факт несомненного знакомства их с письменностью. Но вряд ли это была письменность на их собственном языке (подобная письменность, так называемая «огам», известна у кельтов в Галлии в V—VI вв. н.э.). Чешские бои еще в I в. до н.э. заимствовали письменность у римлян, как об этом свидетельствуют принадлежность для письма, найденные в Страдонице, совершенно не отличавшиеся от римских. Это были восковые дощечки в рамочке из слоновой кости; писали на них костяными палочками, одна сторона которых была заострена, а другая сделана в виде лопатки. Если допускалась ошибка или нужно было подготовить дощечку к новому письму, то написанное стиралось, сглаживалось. Писали только на латинском языке, известном только избранным. Но уже самый факт знакомства с письмом означал многое. Самая возможность писать и записывать должна была оказать большое влияние на развитие культуры языка и мышления боев.

Все это, разумеется, не могло не сказаться на социальном устройстве и, если можно так сказать, на политической организации боев в этот период их наивысшего культурного развития.

В связи с уходом военных дружин в другие земли внутри страны создались весьма благоприятные условия для развития промышленности и связанного с этим роста культуры всего населения. Но уход военных дружин привел к тому, что у чешских боев на этой

ступени развития не возникло ни королевской, ни вообще монархической власти, какая по римскому образцу возникла в это время у большинства других племен с развитым общественным строем. Обычно военачальник из вождя дружины становился главой, правителем всего племени. Так было у других племен, так было и у боев, находившихся в чужих землях. Нам известен, например, король, по имени Критарис, у боев Паннонии. Вероятно, так было и в других местах. На родине же боев не было, очевидно, королевской власти, так как если бы она была, то о ней сохранились бы сведения. Такой факт не мог ускользнуть от внимания современников. Это и понятно — без военной дружины не могло быть и короля.

Ведущими социально-политическими слоями были здесь промышленные и торговые слои населения. Для нас нет сомнения в том, что эти слои приняли самое активное участие в создании общего благосостояния, накоплении богатств и способствовали общему прогрессу — раскопки в Страдонице могут служить тому примером. Естественно, что указанные слои заняли господствующее положение и в управлении общими племенными делами. Только друиды — жрецы и маги, постигшие, как они утверждали, тайны природы и судьбы людей, разделяли с ними эту власть или, скорее, выполняли их волю, выдавая ее за волю богов.

Совершая богослужения, они решали вопросы жизни и смерти членов племени; выполняя функции судей, они угрожали нарушителям порядков карой богов. Маги подчиняли людей, делая вид, что им известны многие недоступные рядовому человеку тайны (они и лечили с помощью только им известных «секретов»). Так появились верхи, если не непосредственно правящие, то практически подчинявшие большинство племени, управлявшие им с помощью страха перед непонятными, сверхъестественными силами. Как вообще всякие священнослужители, так и эти жрецы были не столько правителями, сколько служителями у тех, в чьих руках были светская власть и богатство. Они еще более укрепляли власть этих людей.

Широкие слои населения (в современном понимании этого слова) не оставались в стороне от культурного развития племени боев. Это вытекало из самого характера бройского производства, этому способствовало развитие промышленности и торговли. Торговцы и промышленники были заинтересованы в том, чтобы производилось и продавалось как можно больше товаров. Имелись уже и технические предпосылки для массового производства товаров. Показателен тот факт, что в огромном количестве производились (как уже указывалось выше) украшения и другие предметы роскоши, рассчитанные на широкие слои населения, а это, разумеется, не могло не повлиять на подъем материального и культурного уровня, так же как и на общественное положение этих широких слоев населения.

Можно сказать без преувеличения, что чешские бои (о чем свидетельствуют памятники из Страдонице и других городов) были в то время если не самыми прогрессивным, то во всяком случае одним из самых передовых заальпийских народов. На их примере можно судить о том, насколько сильно было проникшее в Чехию влияние высокой средиземноморской культуры; на примере развития боев можно видеть также, как эта культура превратилась в новую, самостоятельную кельтскую культуру. Эта культура оказывала сильное воздействие на культуру других народов, расположенных севернее боев и находившихся на более низком уровне развития, в частности на германские племена. К сожалению, до нас не дошли, по понятным причинам, памятники многих отраслей культуры, которыми так гордился античный мир. Нам неизвестно архитектурное искусство боев ни по вещественным памятникам, ни по описаниям, если не считать некоторых остатков городских стен и остатков других искусно выстроенных зданий. Нет следов и эпоса гомеровского типа. Мы не знаем даже, было ли что-нибудь в этой области, и если было, то что утрачено со временем. Что касается религии, то нам известно лишь, что у боев существовал довольно развитый религиозный ритуал. Мы не знаем, однако, была ли у них, как у греков, поэтически обработана и приведена в систему мифология. Зато нам хорошо известен высокий уровень производства у чешских боев на этой ступени развития. Известно, что они употребляли в процессе труда сложные железные орудия, кузнечный мех, гончарный круг, ручную мельницу, что они довели до степени искусства обработку металлов. Таким образом, мы можем установить, что чешские бои в своем культурном развитии стояли довольно высоко и что богатыми и во всех отношениях передовыми у боев были прежде всего их города. Все вышесказанное дает нам право сделать вывод, что чешские земли во времена боев в хозяйственном и культурном отношении стояли на весьма высокой ступени развития.

Глава V

ПЕРИОД УПАДКА БОЕВ

Как мы видим, культура боев находилась на высоком уровне. Тем более бросается в глаза тот факт, что вслед за наивысшей точкой ее подъема, в течение каких-нибудь нескольких десятилетий, бои сходят с исторической арены. Народ, достигший высокого культурного уровня, как бы вдруг перестал существовать. Буржуазная историография связывала это с падением власти бойских военных дружин в завоеванных ими областях. Их успехи не были уже столь велики, как прежде; теперь стали преобладать неудачи. Это происходило по вполне понятным причинам. Военным искусством овладели уже и другие племена и народы, сформировавшиеся к тому времени. Решающую роль, однако, сыграло то обстоятельство, что в это время римское владычество стало распространяться на области, расположенные севернее прежних границ Римской империи. Бойские дружины во время военных походов сталкивались с сопротивлением, которое они не всегда уже могли преодолеть. Их былая воинская слава стала меркнуть.

В Паннонии им удалось еще основать сильную державу. Но подойдя вплотную к Тиссе, они оказались у границ областей, на которые совершали набеги геты. Держава последних во главе с королем Боеревистом была настолько сильна, что ее боялись даже римляне.

Начались столкновения, которые закончились походом гетов под руководством Боеревиста на боев; в 60 г. до н. э. произошла битва, в которой бои были наголову разбиты и почти полностью уничтожены. Их территория была настолько опустошена, что с тех пор получила название «Бойской пустыни». После этого поражения бои уже не могли оправиться, даже после того, как в 45 г. до н. э., со смертью короля Боеревиста, павшего от рук соплеменников, созданная им держава распалась. Точно так же неудачен был поход боев в 58 г. до н. э. — сначала на Норик, где они неудачно осаждали город Норею, а затем поход к Рейну, куда они направились по зову швейцарских гельветов, которые предложили боям прекратить бессмысленную борьбу в Норике и оказать им помощь в их борьбе с римлянами. Но и на этот раз счастье изменило боям. Они должны были охранять тыл гельветских войск. После того как гельветы были

разбиты, бои попали в плен к римлянам. Их, правда, не сделали рабами, как это обычно бывало с военнопленными. Выручила их былая воинская слава. За свою исключительную храбрость они были лишь отданы под покровительство тоже кельтского племени — эдуев, участвовавших в войне на стороне римлян. Тем не менее это было новым тяжелым ударом для воинской славы боев.

Большинство буржуазных историков не делало различия между бойскими дружинами за пределами Чехии и основной массой бойского племени оставшейся на территории Чехии. Всякое упоминание о боях они считали источником сведений о судьбе всего бойского народа, и на основании известий о боях, разбитых наголову в Паннонии и на Рейне, делали вывод о том, что боев в это время уже не было в Чехии. Этот взгляд подкреплялся созданной ими миграционной теорией переселения варварских племен. Они считали, что бои просто ушли с территории Чехии. При этом они не пожелали считаться с тем фактом, что бои появились в чужих землях значительно раньше, в IV в. — в Италии, в III в. — в Греции, когда еще не могло быть и речи о переселении их из Чехии. Они не задумывались над созданной таким образом бессмыслицей — у них получалось так, что весь бойский народ, о котором они писали как о культурном, богатом и многочисленном народе, вдруг оказался почти одновременно и на востоке — в Паннонии и на западе — в Галлии.

Они извратили совершенно определенное сообщение Тацита, подтвержденное многими другими источниками, о нападении маркоманов в конце I в. до н. э. на боев, находившихся в Чехии. Это сообщение опровергает предположение об уходе боев из Чехии уже в 59 г. до н. э. Для того чтобы объяснить пребывание боев в 58 г. до н. э. на западе и согласовать это с данными Тацита, была вымышлена теория, по которой маркоманы победили боев, находившихся в Чехии, около 60 г. до н. э., но осели там лишь 50 лет спустя. Так одна нелепость нагромождалась на другую в результате того, что буржуазные историки не принимали во внимание существовавшее расслоение боев на класс воинов и класс трудящихся.

Можно только удивляться, с какой проницательностью, проявлявшейся и во многих других случаях, Палацкий угадал истинное положение дел, хотя в то время он не знал и не мог знать еще о данных раскопок в Страдонице и других доказательствах присутствия боев в Чехии. «Несчастье, происшедшее с боями (поражение на Рейне и отдача их под покровительство эдуям), — писал он, — случилось не со всем племенем, а лишь с частью бойского народа, да и то обосновавшейся на чужой земле; с основной же частью населения, с основным ядром племени ничего не произошло». По мнению Палацкого, бои были сломлены лишь в военном отношении. Внутренне они не были ослаблены. «Бои этого периода оставили память о себе не военными делами (они уже не предпринимали походов в чужие земли), а мирным трудом, хозяйственными успехами».

Палацкий в качестве доказательства этого положения указывал на бойские города, хотя о них он знал не более того, что содержалось в сообщении греческого географа Птолемея. «Они [города] хотя и не устояли перед вихрями и бурями последующих столетий, но все же в достаточной мере свидетельствуют о гражданской жизни, о занятиях ремеслами бойского населения». Так это и было в действительности, что блестяще подтвердили дальнейшие исследования. Оказалось, что типичная для боев латенская культура после поражений, постигших их на чужбине, не только не исчезла на родине, но достигла еще большего развития.

В связи с ослаблением воинской мощи боев появилась опасность нападения извне. Эта опасность была тем большей, чем богаче были города и выше культура. В действительности судьба боев сложилась именно так. Имеются два свидетельства о вражеском нападении на боев. Первое свидетельство — литературное сочинение Тацита, в котором говорится о том, что боев из Чехии изгнали маркоманы, другое — вещественные памятники, найденные при раскопках в Страдонице. Последние доказывают, что город в описываемое время не был безлюден, что, напротив, жизнь там была ключом. В Страдонице были найдены и сырье, подлежащее обработке, и полуфабрикаты, и части предметов, и уже готовые изделия. Нападение на город безусловно потрясло жителей. Интересно отметить, что при раскопках в городе не было обнаружено ни следов битвы, ни брошенных тел убитых, ни их могил. Очевидно, жители заблаговременно, без боя ушли из города, так как они были почти совсем безоружны, в другое, более защищенное от неприятеля место. Они быстро покинули город, прервав работу, побросав все, не имея времени даже собраться, так как нападение врага было, повидимому, неожиданным. Город был взят без боя.

Кто же напал на Страдонице, вообще на боев? Уже в конце II в. до н. э. германское племя кимвров пыталось напасть на боев, живущих в Чехии. Это было не первое и не последнее нападение германских племен или их дружин. После кимвров на Чехию обрушились, правда, не так стремительно, орды других германских племен, привлеченные богатством бойской земли. Но благодаря прославленной храбрости боев враги не смогли продвинуться далеко в глубь чешской территории. Самый крайний пункт, где были найдены следы их пребывания, — это верхняя Изера, деревня Кобылка у Турнова. Культура германских племен стояла на более низком уровне, чем у боев. Глиняные изделия изготовлялись ручным способом, а не на гончарном круге, форма их, да и весь общий вид были значительно примитивнее. Не было найдено ни украшений, ни других изделий, свидетельствовавших о высоком уровне жизни и культуры германских племен, кроме единственного бронзового пояса, найденного на германском кладбище у Подмокель. Они не могли оказать никакого влияния на местное бойское население. Наоборот, германцы сами попали под влияние боев, как об этом свидетельствуют памят-

ники материальной культуры, которые, несмотря на все свои отличия, несут явные следы влияния латенской культуры. Германцы до конца оставались чужеземцами в Чехии и старались держаться, по возможности, вместе, о чем, в частности, свидетельствуют их обширные кладбища.

Германцы долго не могли сломить боев. Это удалось, и то не в полной мере, маркоманам, которые в самом конце I в. до н. э. напали на лишенные военной защиты земли внезапно и стремительно, как это можно проследить на примере Страдонице. Естественно, что население города Страдонице, расположенного на рубеже между севером и югом Чехии, между кельтизированной территорией и южночешской кельтской землей, узнав о грозящей опасности, быстро покинуло город и двинулось прежде всего на юг, в земли собственно кельтские, то есть бойские, где еще долгое время продолжало сопротивляться маркоманам.

Остается неразрешенным вопрос, что означали слова Тацита «изгнание» боев из Чехии маркоманами и «исчезновение» их с чешской территории. Для сторонников так называемой миграционной теории в буржуазной историографии это вообще не являлось проблемой: один народ пришел, другой ушел. Так они подошли к трактовке событий и в данном случае: бои ушли добровольно или вынужденно, а на их место явились маркоманы. Однако в исторические времена процесс смены народов проходил иначе. Немцы, захватив территорию полабских славян, не изгнали их, а подчинили себе и онемечили. И в данном случае бойское население, связанное с землей, едва ли могло быть просто «изгнано». Нет никаких сведений о том, куда оно переселилось из Чехии. Поражение боев после нападения на них маркоманов означало поэтому не что иное, как простое «исчезновение» боев из Чехии. Бойский народ не исчез, а продолжал существовать, но уже под чужеземным владычеством. Вместе с тем, как мы увидим в дальнейшем, бои сохранили и свою культуру, которая стала служить другим хозяевам. Это подтверждается сохранившимися названиями рек, гор и поселений, о чем уже сообщалось выше. Этого бы не случилось, конечно, если бы маркоманы в Чехии только настигли убегающих боев. Первые отряды маркоманов вряд ли заботились бы о сохранении чуждых для них названий в завоеванной ими земле. Для этого необходимо было, чтобы бойское население продолжало находиться на прежнем месте, могло попрежнему называть своими именами горы, реки, поселения и, таким образом, передавать эти названия чужеземным захватчикам. Это возможно лишь в том случае, если местное население стоит по развитию выше завоевателей — что и было на самом деле. Местное население как бы заставило маркоманов принять вместе с бойской культурой и бойские названия.

Так не исчезло название земли боев, хотя земля уже принадлежала завоевателям-маркоманам. Чехия и далее именуется *Boiohaemum*, Богемией — землей боев. Это название было известно и

приводится не только в сочинениях Страбона в I в. до н. э. (Voiaimon), но и у Веллея Патеркула (первая половина I в. н. э.) (Voiohaemum) и у Тацита (конец того же века). Тацит сообщает, что это название «сохранилось в честь прежней памяти о стране и тогда, когда состав населения сменился», то есть что название Чехии оставалось прежним, хотя ею владел уже другой народ. Осталось не только прежнее название территории, но и трудолюбивый народ боев. Это было большим счастьем для живущего там населения, а также для последующих поколений. Культура, созданная населением чешских земель, сохранилась и обеспечила возможность дальнейшего развития чешских земель, несмотря на то, что развитие ее впоследствии неоднократно тормозилось вторжениями многих завоевателей.

Г л а в а VI

ДЕРЖАВА МАРОВОДА

Маркоманы, напавшие на мирно трудившихся боев, были, как указывает их название, состоящее из двух слов — «марка» и «манн», — стражами границ («маркой» германцы называли пограничную область). Вначале маркоманы были только частью, боевым отрядом племени свевов, название которого сохранилось до сих пор в чешском языке — чехи называют немцев «швабами». Племя свевов, по свидетельству Юлия Цезаря, было самым большим и наиболее воинственным из всех германских племен. «Говорят, что их страна состоит из ста пагов¹, каждый из которых ежегодно высылает за границу по тысяче вооруженных людей на войну». Но и те, кто оставался на родине, через год отправлялись в поход на смену ушедшим. Про них можно было сказать: что ни свев, то воин. Поэтому и питаются они сравнительно мало хлебом, а главным образом молоком и мясом своего скота. Кроме того, они проводят много времени на охоте. Она развивает их физические силы и сообщает им огромный рост благодаря особой пище, ежедневным упражнениям и полной свободе, так как их с самого детства не приучают к повиновению и дисциплине, а они делают только то, что им нравится. В конце концов они так себя закалили, что даже в самых холодных местностях надевают на себя только короткие шкуры, оставляющие значительную часть тела открытой, и купаются в реках». Свевы были чрезвычайно отважными и закаленными бойцами, так как существовали только войной. Среди них особенно выделялись стражи (хранители) границ — маркоманы.

Таковыми свевы, а с ними и маркоманы, выступают на историческую арену. Живя в северных областях Европы, они долгое время оставались неизвестными античному миру. Но как только началась борьба за Центральную Европу, за земли, населенные кельтами, они приняли в ней деятельное участие. Один из военачальников свевов, Ариовист, собравший свыше 15 тыс. германцев, был нанят кельтским племенем секванов, с тем чтобы он выступил против другого кельтского племени — эдуев. Как пишет Энгельс: «Система военного наемничества — позор и проклятие германцев — была

¹ Паг (лат. «pagus») — область, округ. (Прим. ред.)

уже здесь налицо в своей первой форме»¹. Ариовист достиг больших военных успехов. Переправившись со своими людьми через Рейн, он не только разбил эдуев, но и захватил значительную часть территории секванов — своих союзников. Здесь он и обосновался на возделанной и плодородной земле кельтов. Вскоре потянулись сюда новые и новые отряды германцев; число германцев возросло с 15 тыс. до 120 тыс. человек, и Ариовист стал таким могущественным вождем кельтских племен за Рейном, что Рим в 59 г. до н. э., чтобы привлечь его на свою сторону, провозгласил его «другом римского народа» и королем германцев.

Вскоре, впрочем, в 58 г. до н. э., Юлий Цезарь со своими хорошо оснащенными легионами выступил в поход для завоевания Галлии — территории, расположенной на левом берегу Рейна. Цезарь предложил Ариовисту уйти за Рейн и очистить территорию Галлии. Но Ариовист отверг это предложение, и 14 сентября 58 г. до н. э. произошла битва, в которой войска Ариовиста были уничтожены. В панике бежали его воины к Рейну, ища спасения. Но спастись удалось не многим, только тем, кто случайно находил для переправы какую-либо лодку (среди них был и Ариовист). Все оставшиеся на левом берегу Рейна погибли. Много погибло тут германцев. Среди погибших были и обе жены Ариовиста. С этого времени Рейн на целые столетия стал рубежом между германскими племенами и Римской империей, а впоследствии — границей между Германией и Францией, которая, правда, не раз менялась. Германцы, устрешенные превосходством вооружения римского войска, весть о чем быстро разнеслась среди их племен, отошли от правого берега Рейна в глубь Германии.

Судьба маркоманов была подобна судьбе свевов. Пока свевы жили на Лаббе, маркоманы оберегали границы от нападения с юга, населяя территорию современной Саксонии и Тюрингии. Но когда Ариовист повел отряды свевов к Рейну, то маркоманские отряды, перестав нести охрану границ, вступили в его войско и стали одной из его военных дружин, и в этом смысле наряду со свевами считались самостоятельным «племенем», как об этом сообщает Цезарь. В дальнейшем их судьба была сходной с судьбой остальных отрядов или племен, входивших в состав войска Ариовиста. Хотя многие из них погибли в страшной битве на берегах Рейна, однако часть их отошла в глубь Германии. Но и тут им не удалось избежать опасности. После Цезаря, который дошел до Рейна, пасынок императора Августа, Клавдий Друз, в 12 г. до н. э. предпринял наступление на Германию и дошел до Лаббы. Тут он встретился с маркоманами, отступившими после поражения войска Ариовиста от Рейна в Помоганию, и стал теснить их дальше на восток. Маркоманы, отступая под натиском римских легионов, отошли в глубь Геркинского леса, в Чехию.

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Огиз, 1949, стр. 150.

Почему они отступили именно в Чехию, объяснить нетрудно. По словам Веллея Патеркула, они прежде всего искали места, которое находилось бы подальше от римлян, наступающих с запада, чтобы спокойно переформировать свои потрепанные отряды. Трудно было найти место более пригодное для этого, чем Чехия, которая была защищена со всех сторон горами и, казалось, сама манила в свои заповедники. Тацит также говорит о том, что маркоманы «укрылись» в Чехии. Конечно, их притягивало сюда и богатство бойской земли. Уже во время походов Ариовиста германцы узнали, что рядом с их скудными, плохо обработанными землями есть плодородные, хорошо обработанные земли. Это запало в их памяти надолго. И если во время походов Ариовиста германцы стремились захватить земли на западе, за Рейном, то маркоманов тем более не могли не манить такие же, но еще более плодородные земли, расположенные в центре Геркинского леса, к которым они приближались, отступая под натиском римлян. Таким образом, маркоманы вступили в Чехию, не встречая при этом должного отпора, так как воинская мощь боев была ослаблена. Вместе с маркоманами сюда пришло и другое германское племя — квады, родственное маркоманам. Судьбы этих племен на протяжении столетий были схожими. Квады были также воинственным племенем, о чем свидетельствует уже самое их название («квад» — злой, свирепый). Маркоманы заняли равнину в центре Чехии, а квады — Моравию, а затем распространили свою власть и на Словакию. Это было, примерно, в 9—8 гг. до н. э., вскоре после вторжения Друза в Германию.

Нам известен и вождь, приведший маркоманов в Чехию. Это был *Маробод*, являвшийся во многом продолжателем и последователем Ариовиста. Он был маркоманом и происходил из видной маркоманской семьи. Физически хорошо сложенный, он отличался и военными способностями, а также выделялся своими знаниями и высокой культурой. В детстве в качестве заложника он попал в Рим, ко двору самого императора Августа, и многое воспринял из нравов римлян, так что, по словам Веллея Патеркула, был «варваром только по рождению, а не по образу мышления». Всем этим он приобрел уважение своего племени, и народное собрание маркоманов не только избрало его своим вождем, но и признало его постоянным главой племени, чем-то вроде князя. Став вождем, Маробод и привел маркоманов в Чехию.

Однако это было сделано не только для того, чтобы спастись от опасности, грозящей маркоманам. Отправляясь в Чехию, Маробод имел в виду гораздо более широкие планы. «Отступая перед более сильным неприятелем, он решил отойти в безопасные земли, с тем чтобы собраться с силами, придать наибольшую боеспособность племени». Первоначально его планы заключались в следующем: находясь под защитой чешских гор, реорганизовать ослабленные маркоманские отряды, превратить их в отряды, способные к дальнейшим, еще более крупным завоевательным походам, а

Чехию превратить в основную базу новой державы, более сильной, чем была держава Ариовиста, такой, которая была бы способна противостоять любому неприятелю. Как только маркоманы устроились на новых местах в Чехии, Маробод с большой энергией приступил к осуществлению своих планов.

Он знал, каким образом можно было достичь желаемой цели. Во время своего пребывания в Риме Маробод изучил не только этикет, нравы и культуру Рима, но познал и силу его, проявившуюся в предыдущих боях. Поэтому даже в большей степени, чем Ариовист, он стремился сохранить дружественные взаимоотношения с Римом до той поры, когда его окрепшая держава сможет противопоставить себя Риму. Он хотел повысить боеспособность маркоманов, вооружив их всем необходимым. Опыт предыдущих лет показал, что организация войска, тактика ведения боя и вообще их прежний образ жизни были совершенно неприспособленными, непригодными для борьбы с таким серьезным противником, как римляне. Образцом для них должны были стать римляне, то есть враги, имеющие явные преимущества перед германцами. Маркоманам необходимо было ввести римские порядки и лучше организовать свои войска, с тем чтобы поднять боевые качества своего племени. Маробод начал просто устранять все то, что ослабляло племя, и вводить новые, более совершенные римские порядки.

Одним из нововведений Маробода было принятие им титула государя (в римском понимании этого слова) вместо старого титула вождя племени. Германцы незадолго до этого (так было и у маркоманов) жили еще родовым строем. Поэтому, по словам Юлия Цезаря, «в мирное время у них нет общей для всего племени власти, но старейшины областей и пагов творят суд среди своих и улаживают их споры». Только в период войны племя выбирало вождя. Это происходило следующим образом: «если кто-нибудь из видных людей племени заявлял в народном собрании, что поведет племя на войну, и вызывал желающих за ним последовать, тогда поднимаются все, кто сочувствуют предприятю и личности вождя и при одобрении народной массы обещают свою помощь». Нередко случалось, что и другие считали себя способными в данный момент выступить с подобным призывом. Таким образом, из-за соперничества не раз возникали восстания и распри, которые значительно ослабляли племя и делали положение вождя неустойчивым.

Маробод, учитывая это, провозгласил себя не только вождем, но и постоянным главой племени — государем. Но среди его воинов было еще живо представление о прежней власти вождя, и в дальнейшем это сказалось. Маробод противопоставил этому стремлению к старому порядку новую организацию, власть действительного государя, со всеми ее внешними атрибутами, подобно тому как это было в Риме, при дворе императора Августа. Прежде всего он, в отличие от германских вождей, которые были просто первыми всадниками в отрядах своего племени, установил постоянное *место*

своего пребывания. Его резиденция, созданная по римскому образцу, была прекрасным городом. Все письменные источники сообщают о ней с нескрываемым восхищением. Она называлась по его имени — Маробудуум — и считалась вторым Римом — за Альпами. Это был большой город с кремлем, в котором жил сам Маробод. Он окружил себя придворными, опять-таки по образцу римского императорского двора. У него были свои телохранители, обученные и вооруженные по римскому образцу. Столица Маробода привлекала всех своим блеском и богатством и, как указывают памятники, была крупным торговым центром. Слухи о таком большом и богатом городе — столице могущественного правителя — привлекали сюда торговцев из дальних мест. Со всех концов Римской империи — с юга, запада и востока вели сюда пути. В городе возникла целая колония римских купцов. Сюда привозили редчайшие товары из прославленных мастерских Капуи, изящную керамику из мастерских Ареццо и изделия, изготавливаемые в не менее известных придунайских мастерских. Вместе с тем здесь культивировались римские нравы, распространялся латинский язык. Маробудуум на самом деле стал как бы вторым, северным Римом.

Войско. Маробод, будучи в Риме, понял, какую роль для авторитета и безопасности государя и для всей империи играет большое, хорошо вооруженное и дисциплинированное войско. Германцы, несмотря на свою исключительную храбрость, в этом отношении были далеко позади римлян. В бою они чаще всего рассчитывали на быстроту своих полудиких, низких, невзрачных на вид коней местной породы. Употребление седла казалось им проявлением изнеженности, унижающим их достоинство. «По их понятиям, нет ничего позорнее и трусливее, как пользование седлом. Поэтому, как бы их ни было мало, они не задумываются атаковать любое число всадников на оседланных конях». Но если они нападали на регулярную римскую конницу, которая пользовалась седлами, то это имело для них роковые последствия. Такой же отсталой была их тактика ведения боя. Германцы часто совершали набеги на чужие территории без обдуманного плана, просто «для обучения молодежи и для острастки неприятеля». «Чем более опустошает известная община соседние земли и чем обширнее пустыни, ее окружающие, тем больше для них славы. Истинная доблесть в глазах германцев в том и состоит, чтобы соседи, изгнанные из своих земель, уходили дальше и чтобы никто не осмелился селиться поблизости от них». Но эта тактика была и в военном отношении просто ошибочной, так как опустошались земли, которые в дальнейшем могли быть полезны. А политическим последствием этой тактики была ненависть всех соседей. Маробод и в этом отношении пошел другим путем, организовал и вооружил свое войско по самым современным римским образцам. Он создал по тому времени просто огромную армию. По сведениям

Веллея Патеркула, у него насчитывалось около 70 тыс. человек пехоты и 4 тыс. конников.

Конечно, экономическая и культурная *отсталость* германцев была серьезным препятствием для создания мощной, внутренне единой державы. Живя в суровых северных условиях, будучи исключительно воинственным народом, они мало занимались земледелием («*agriculturae non student*» — говорит о них Цезарь), а если и обрабатывали землю, то очень примитивным способом; у них была принята система земледелия, которая называется перелогом, то есть каждый год они уходили на другие земли. С большим успехом они занимались животноводством. Питались они по преимуществу мясом, молоком и сыром. Охота была не только забавой мужчин, но и важным средством для добывания пищи. На охоту выходили целые родовые общины. Ремесло у них тоже было не развито. Насколько нам известно, они не знали гончарного круга. Но они и не стремились подняться выше. Для других племен ввоз хороших товаров из чужих земель имел большое значение. А германцы «купцов допускают к себе больше для продажи военной добычи, чем из желания получить какие-либо привозные товары».

В культурном отношении германцы также стояли на очень низком уровне. Религия у них была более чем примитивна. «Они веруют только в таких богов, которых они видят и которые им явно помогают, — именно: в солнце, огонь и луну; об остальных богах они не знают и понаслышке». Они не смогли даже придумать себе имени или хотя бы приспособить чужое, так как «германцы», «Германия» — слова римские...

У маркоманов в этом отношении дело обстояло не только не лучше, но скорее даже наоборот, — при своем отступлении внутрь Германии они утратили многое из того, с чем познакомились на Рейне. Между тем бои, у которых маркоманы захватили земли, выделялись своим развитием даже среди кельтских племен. Мудрость Маробода как государя заключалась в том, что он не уничтожил богатства занятых им земель, а воспользовался ими. Маробод и в этом отношении оказался достойным учеником римлян. Он не опустошил, как это делали германцы, Чехию, а воспользовался ее богатствами в качестве экономической базы для своей новой державы. Он не изгнал и не истребил носителей прогресса в Чехии — трудолюбивых работников, боев, а стремился по возможности использовать этих культурных людей в своих целях, о чем имеются многочисленные свидетельства. Сам город Маробудуум был по своему происхождению явно бойским, а не каким-то новым германским городом, ибо разве можно было в несколько лет построить такой большой, ставший знаменитым город, с такой богатой культурой, о чем имеются сведения во всех источниках о Маробудууме? В равной степени это относится и к остальной территории, находившейся под властью Маробода. В державе Маробода повсюду было развито земледелие, ремесла, усовершенствовано производство

по обработке добываемого здесь железа, производство керамики и текстиля, о чем имеются письменные данные и археологические сведения, относящиеся к тому времени. Все это вряд ли могло быть творением вторгшихся сюда германцев, так как у них до вторжения ничего подобного не наблюдалось. Все, что приписывалось маркоманам, властителям этой земли, конечно, было делом рук местного обезличенного бойского населения.

Приведенные выше сведения служат доказательством того, что бои ни до вторжения германцев, ни после него не покинули Чехии. Палацкий был единственным, кто не дал обмануть себя домыслами о переселении боев из Чехии и, в данном случае, правильно разрешил вопрос, утверждая, что все связанное с расцветом Чехии во время правления Маробода является результатом труда бойского населения.

Занятие Чехии маркоманами носило скорее характер временной *оккупации*, чем прочного завоевания территории неприятелем. Пришедшие и осевшие в Чехии орды маркоманов стали хозяевами занятой ими земли. Но на этой же территории жило и старое, коренное население.

Появляется два резко отличающихся друг от друга слоя: воины-захватчики — маркоманы и поработанный ими трудящийся народ — бои. Это разделение особенно заметно на примере города Маробудуума. Та часть города, где было сосредоточено производство и велась торговля, принадлежала боям, это была бойская часть города. Возле нее находился кремль, в котором жили хозяйева земли и воины — маркоманы. Последние и в дальнейшем оставались прежде всего воинами, в то время как на полях и в мастерских работали рабы — подчиненный народ боев и захваченные в последующих боях военнопленные, в большинстве своем кельты из соседних земель, например котины. И они, несмотря на то, что, по видимому, еще до нашествия маркоманов и квадов отошли в словацкие горы, были принуждены теперь работать на эти германские племена. Только в производстве утвари и тканей небольшое участие принимали маркоманские женщины. Зато торговля была теперь целиком сосредоточена в руках маркоманов — хозяев земли. И сразу же торговля сделала шаг назад. Товары снова стали только обмениваться, а не продаваться.

Маркоманы не чеканили денег, как бои, и чужие деньги принимали изредка — разве только при непосредственных операциях с Римом они принимали римские серебряные динары времен республики, так называемые серраты. Целый клад серратов был найден на севере Чехии, в Либчевси у Билины. А вообще германцы лишь обменивали сырье и товары на равноценную продукцию.

Вопрос о местонахождении города Маробудуума, в достаточной степени запутанный, должен нами ставиться несколько иначе, чем это было прежде. Нас не должно смущать то, что предполагаемый город будет носить черты кельтской, бойской культуры. Нельзя

отвергать точку зрения Пича, который считал, что Страдонице — это Маробудуум, только на том основании, что это был город с латенской, кельтской культурой. Последнее, конечно, еще не означает, что Страдонице мог быть Маробудуумом, но некоторые данные прямо указывают на это, в частности величина этого города и то, что до сих пор приводилось в качестве главного аргумента, опровергающего эту точку зрения — именно, что там не найдено следов никакого оружия. Само собой разумеется, что Маробод не допустил бы, чтобы в городе, в котором работали рабы-бои, имелось оружие. Самое местоположение Страдонице тоже скорее подтверждает, чем опровергает предположение Пича, так как это был самый большой бойский город на границе северной и южной Чехии, находящийся ближе всего к маркоманам, которые осели прежде всего в северной Чехии. Наконец, направление торговых путей, о которых мы знаем, что они вели в Маробудуум, совпадает с расположением Страдонице.

Против этого предположения говорит только тот факт, что Страдонице был совершенно покинут жителями при нападении неприятеля, вероятно маркоманов. Но если и не Страдонице, то какой-то другой бойский город был переименован в Маробудуум. Кстати, и самое название города носит не германское, а кельтское, бойское окончание — *uipn*, *uop*.

Таким образом, если маркоманы и внесли нечто новое в культуру Чехии, то это было влияние римской культуры, культуры римских провинций, распространявшееся благодаря политике самого Маробода. В тот период Чехия испытывала влияние не только Рима, но и придунайских провинций Римской империи: Иллирии, расположенной в низовьях Дуная, Паннонии — в среднем течении Дуная, Норика и Реции — в верховьях Дуная. В основе своей это была римская культура, но с некоторыми специфическими чертами, характерными для этих провинций. Поэтому культура римских провинций оказалась более близкой племенам, живущим за Дунаем. Благодаря политике Маробода, который в политическом и культурном отношении ориентировался на Рим, эта культура стала проникать и в завоеванные им земли. Так возникли, вначале слабые, а впоследствии усилившиеся, культурные связи чешских земель с культурой римских провинций.

Основная сила Маробода, помимо его военной мощи, заключалась в том, что культура захваченных им земель стояла на высоком уровне. Маробод мог приступить к проведению следующего этапа в своих планах: начать захват других земель, чтобы создать более мощную державу. После завоевания северной Чехии, которую они захватили первой, маркоманы вторглись в южную Чехию и заняли территорию вплоть до Дуная. Таким образом, государство Маробода стало непосредственно граничить с Римской империей. На востоке маркоманы попрежнему находились в тесном соседстве с племенем квадов. В дальнейшем Маробод, по сообщению Веллея Патеркула, с

помощью договоров, а иногда и силой, стал подчинять племена, расположенные за пределами чешских земель: на западе — гермундулов, свевское племя, населявшее территорию современной Тюрингии и северной Баварии, известное главным образом своими торговыми связями с римлянами; на севере — свевское племя семнонов, считавшееся, наоборот, хранителем своих племенных черт, не поддававшееся влиянию римской культуры (на их торжественные богослужения стекались свевы из других мест); небольшое, но воинственное племя лангобардов, населявшее земли по среднему течению Лабы (лангобарды способствовали усилению военной мощи державы Маробода), и, наконец, племя лугиев, живших на территории современной Силезии и Западной Польши, в областях известной нам лужицко-силезской культуры, которых многие исследователи не без основания считали славянами. Действительно, они отличались от свевских племен уже тем, что это был союз племен, а не отдельное племя. Маробод, таким образом, присоединил к своей державе и часть протославян. Его держава была пестрой по своему племенному составу, огромной по своей территории, простиравшейся от границ римских провинций на западе до их восточных и южных провинций, сильной в военном и культурном отношении и более мощной, чем существовавшая прежде держава Ариовиста на Рейне.

Римляне поэтому относились к Марободу и его державе с большим уважением. Они присвоили Марободу титул «короля свевов» (это был второй после Ариовиста «король свевов»). Но в то же время римляне уже боялись его, боялись мощи его растущей державы и огромного войска. «Его отношение к римлянам было таково, что он, не подавая повода к войне, давал им почувствовать, что в случае нападения [на его державу] у него будет достаточно силы и воли для оказания должного сопротивления. Послы, которых он посылал к императору, спокойно принимали покровительство последнего, но говорили с ним как равные с равным», — так, довольно образно, характеризует сложившуюся ситуацию Веллей Патеркул. Поведение войска маркоманов вызывало у римлян подозрения. «Ведя постоянные войны с соседями, они проходили хорошее военное обучение. Маробод, очевидно, готовил их к более серьезной операции, чем та, которой они были заняты в данное время». Так как держава Маробода непосредственно граничила с римскими провинциями, то он в любое время мог напасть на одну из них. Да и Италия «не могла без боязни смотреть на рост его мощи, так как от альпийских хребтов, являющихся границей Италии, до границ державы Маробода было не более двухсот тысяч шагов» [примерно триста километров].

Впоследствии Маробод по отношению к римлянам стал предпринимать акции, которые они с полным правом могли рассматривать как враждебные. Так, он принимал в состав своей державы племена и отдельных лиц, порвавших с Римской империей, переманивал торговцев, которые «из жадности к деньгам, совершенно забыли

о родине и навсегда поселились на вражеской земле» (Тацит). Маробод увеличил войско, повысил его боеспособность; теперь не было уже сомнения в том, что он готовился вступить в соперничество с Римом.

Но римляне также не хотели приостановить свою экспансию у границ государства Маробода, а «в Германии уже не было ничего, что можно было бы покорить, минуя маркоманов». В 6 г. н. э. началась война Римской империи с Марободом. Римляне снарядили огромное войско. Это свидетельствовало о том, что они высоко оценивали мощь маркоманов. Их войско состояло из двенадцати легионов, то есть свыше ста двадцати тысяч человек. На Чехию, «*Voiohaemum*», расположенную в центре государства Маробода, должны были наступать две армии. Армия самого императора и наследника Августа — Тиберия наступала с юга, со стороны римского придунайского поселения Карнунтума [на австрийской границе], а с запада, от Рейна, наступала армия полководца Л. С. Сатурнина, искушенного в боях с германскими племенами. Эти две армии должны были встретиться в Чехии. Но в то время когда эти армии находились на расстоянии пяти дней пути от Чехии, пришло известие об огромном восстании в Паннонии [современной Венгрии]. Известие это так потрясло римлян, что было решено «пожертвовать славой ради необходимости», и с Марободом был заключен мир. Слава Маробода еще больше возросла. По словам Тацита, он гордился тем, что «сохранил немеркнувшей славу германцев и при наступлении легионов под руководством самого Тиберия».

Но Марободу угрожала новая серьезная опасность. Военачальники германских племен давно уже с завистью взирали на него. Используя в качестве предлога заключение мира с Римом, они выступили против Маробода, обвиняя его в том, что он не использовал ситуации — не напал на римлян и тем самым нанес ущерб интересам германцев.

В частности, против Маробода выступил молодой военачальник племени херусков Арминий. Он во многом походил на Маробода. Арминий также «выделялся личной храбростью, живостью ума, более выдающимися способностями, чем это наблюдалось у варваров. В его лице и взгляде отражался огонь его духа». В молодости он также служил в римском войске и потому был знаком с римским военным искусством, знал латинский язык, усвоил римскую культуру и даже «получил права римского гражданина и сословное звание всадника».

Все свои знания он хотел использовать против римлян. Он поставил своей целью освободить из-под власти римлян не только херусков, племя довольно воинственное («херу» по-древнемецки означало «меч»), которое было подчинено римлянами со времени похода Друза к Лабэ, но также и другие германские племена и отбросить римлян снова за Рейн.

Он хотел достичь этого прежде всего хитростью, и римский наместник Публий Квинтилий Вар попался на его удочку. Это был

человек, не отличавшийся большими способностями. По сведениям Веллея Патеркула, он не заботился о войске, а больше всего думал о том, как бы обогатиться, используя свое служебное положение. До прибытия в Германию он побывал в Сирии. Он «пришел бедняком в богатую землю, а вернулся богачом из разоренной земли». Так же вел себя он и в Германии, вызывая возмущение не только военачальников, но и простых членов племени. Арминий делал вид, что поддерживает его политику. Чтобы убедить Вара в том, что германцы ему преданы, он приказал своим людям повиноваться ему во всем, советоваться с ним, ходить на судебные заседания, которые он вел. Бдительность Вара была, таким образом, усыплена. Вар был настолько убежден, что в этих землях царит спокойствие, что даже свои легионы разбросал по стране. По приглашению германцев, зазывавших его в глубь страны, он продвигался все глубже и глубже в Германию, пока не очутился там, куда хотел завлечь его Арминий. В Тевтобургском лесу, в месте, оставшемся неизвестным (несмотря на то, что имеется обширная литература об этом событии), произошло сражение, удачно кем-то названное «битва за битву», (то есть кровь за кровь). Нам известно только одно, что это случилось где-то в глубине Германии, в горах и дремучих лесах, через которые пробирались тропками три легиона, сопровождавшие Вара. Они должны были валить деревья, строить мосты, возводить дороги. К тому же и погода не благоприятствовала им — оружие мокло под дождем и портилось.

Создалась ситуация, которую предвидел Арминий. Германцы, привыкшие к этим суровым условиям и климату, напали на римлян со всех сторон и разбили их наголову. Спустя много лет, когда сюда снова пришли римские воины, они обнаружили здесь массу скелетов, валявшихся в одиночку и группами, что указывало на то, что отдельные воины спасались бегством, а другие защищались до конца. На деревьях были развешаны человеческие черепа, а в соседнем лесу найдены алтари, на которых германцы принесли в жертву своим богам римских офицеров (трибунов и центурионов). Горстка воинов, спасшихся во время этой битвы, сообщила о местах, где пали легаты и где покончил жизнь самоубийством Вар, видя гибель лучших своих трех легионов. Это событие произошло в 9 г. н. э.

Арминий стал народным героем не только племени херусков, но и всех германцев. Сразу же после битвы, вернее после тевтобургского побоища, Арминий обратился с речью к своему народу, совершив обряд глумления над римскими знаменами и орлами. Арминий принудил римлян к тому, что после этой катастрофы им ничего не оставалось делать, как уйти опять за Рейн. Но Арминий не успокоился на этом. Разделавшись с римлянами, он выступил против Маробода как союзника Рима. Маробод, выполняя мирный договор с римлянами, не участвовал в восстании херусков. Он не помогал римлянам, но не поддерживал и Арминия. Арминий

использовал этот предлог для того, чтобы посеять среди германских племен подозрения в том, что Маробод не отстаивает их интересы. С целью унижить Маробода он послал ему голову Вара, чтобы показать ему, как нужно разговаривать с римлянами.

Но военное счастье не всегда улыбалось Арминию. Когда в 15 г. н. э. Германик направился в Германию, чтобы восстановить там римское господство, Арминию уже не помог довод, который он приводил, выступая перед германскими войсками; он говорил, что перед ними те же римляне, которых они недавно разбили в Тевтобурском лесу. На этот раз победу одержал Германик и взял в плен жену Арминия Туснельду и его трехлетнего сына; последние должны были идти в колонне побежденных варваров во время триумфального шествия в Риме, устроенного Германиком в честь этой победы. Арминий и этот факт использовал в борьбе против Маробода. На этот раз он уже открыто обвинял его в измене, так как Маробод не оказал помощи германцам в их борьбе. «Он называл его изменником и трусом. Говорил, что он прячется в дремучем Геркинском лесу (за чешскими горами) и что мир он вымолил у римлян дарами и уговорами послов, что он предатель родины, раб императора и что его надо изгнать с такой же жестокостью, с какой они расправились в свое время с Варом». Но и Маробод не безмолствовал: «Арминий — это сумасброд, не умеющий правильно оценить действительное положение вещей», — говорил он. В битве с Варом, «не подозревавшим об измене, он одержал победу над тремя слабыми легионами вместе с их военачальником только благодаря внезапности нападения, чем причинил большой вред германцам и обесчестил самого себя, так как жена и сын его до сих пор страдают в рабстве. Я же, — говорил Маробод, — встретившись с двенадцатью легионами под руководством самого Тиберия, не уронил славы германцев, и мы заключили мир с римлянами как равные с равными. Поэтому я не вижу причины каяться в том, что теперь от нас зависит либо начать войну с римлянами, либо предпочесть мир без кровопролития».

Таким образом, личная вражда двух вождей перешла в борьбу двух группировок в Германии. «Имя императора Маробода стало ненавистным народу [*apud populos*], в то время как Арминий, борющийся за свободу, пользовался популярностью», — сообщает Тацит, идеализируя Арминия. Он характеризует обе стороны следующим образом: «херуски и лангобарды боролись за старую славу и новую свободу, а их противники — за распространение своего владычества». В действительности дело заключалось в том, что возникла конкуренция между маркоманами, у которых уже были подчиненные племена, и херусками, которые также хотели их иметь. Рим поэтому просто не вмешивался в эти распри. Он не отдавал предпочтения ни тому, ни другому, несмотря на то, что один считался сторонником римлян, а другой был их явным врагом. Римляне, сами одержимые захватническими настроениями, только радовались раздорам,

происходившим среди германских племен, так как ничто не могло их так ослабить, как эти внутренние распри. Поэтому римляне раздували эту вражду. В 17 г. н. э. дело дошло уже до войны между Марободом и Арминием. Арминию удалось привлечь на свою сторону некоторые племена, подчиненные Марободу, — семнонов и лангобардов, так что силы обеих сторон были почти равны. Вооружение и военная техника у обеих сторон были уже не германские, а римские. «Это были не беспорядочные схватки неорганизованных отрядов, какие наблюдались прежде у германцев. Ведя долгие войны с римлянами, они научились идти в бой под знаменами, обеспечивать себя резервами и слушать приказание начальников». Битва, происходившая на территории племени гермундугов, в современной Саксонии, ни к чему не привела, так как у обеих сторон стойко держалось левое крыло войска и проигрывало правое. Должна была произойти новая битва. Но тут сказалось различие в моральном духе войск. В войсках Маробода, в результате агитации Арминия, не было должного воодушевления, некоторые части с явной неохотой воевали на стороне Маробода. Он это чувствовал и решил занять более выгодную позицию на холмах, несколько вдали от места сражения. В этом все усмотрели признание им своего поражения. К тому же его ненадежные части начали перебегать к противнику. Марободу ничего не оставалось делать, как повернуть в Чехию и скрыться за чешскими горами. Оттуда он направил послов к императору Тиберию с просьбой о помощи, ссылаясь на договор, заключенный в 6 г. н. э.

Но Рим только радовался поражению Маробода и ответил, что Маробод «не имеет никакого права напоминать о договоре от 6 г., так как когда римляне воевали с этим же неприятелем, то он им тоже не помог». Римляне не только не оказали помощи, но просто стали строить козни против Маробода, чтобы его уничтожить. Для этой цели они использовали «благородного молодого человека», как характеризует его Тацит, по имени Катвальд, который ранее был вынужден бежать от Маробода. Его подстрекали свести счеты с уже ослабленным Марободом. Катвальд, собрав большой отряд воинов, вторгся в 18 или 19 г. в Чехию, где к нему присоединились и некоторые недовольные маркоманские военачальники, а также люди, подкупленные на римские деньги. Он напал на Марободуум и, захватив кремль и город, вынудил Маробода покинуть свою землю.

Маробод оказался не на высоте своего положения. Бежав с дружиной своих приближенных на римскую территорию, за Дунай, он снова обратился за помощью к Тиберию, но не с выражением покорности, как беглец, а попрежнему как могущественный владыка, сообщая, что его-де приглашали разные народы, но он отдает предпочтение римлянам. После этого заявления Тиберий пригласил Маробода поселиться в Италии, но в сенате говорил с нескрываемой радостью о его поражении. Даже Филипп Македонский не был так страшен Афинам, Пирр или Антиох — римлянам, как Маробод и

его сильные воинственные народы, населявшие земли в непосредственной близости к Италии. И этот враг благодаря умелой политике императора был вынужден просить милости! Марободу было разрешено поселиться в Равенне, где он жил — уже не как герой — в течение восемнадцати лет, вплоть до 36 г. н. э., не пытаясь даже восстановить свою державу. Его репутация совершенно упала в глазах тех, кто прежде уважал его. «Он состарился, пожертвовав своей славой из-за слишком большой жажды жизни».

Но Рим не считал поражение Маробода окончанием своей игры. Рим вовсе не был заинтересован в том, чтобы место Маробода занял кто-нибудь другой. Катвальда тоже нужно было уничтожить. Вождь гермундуров Вибиллий в 21 г. н. э. с помощью Рима изгнал Катвальда, и тот также должен был искать убежища и нашел его, как и Маробод, на римской территории (в современной Фрейе, в Ривьере), где и жил, отказавшись от политической деятельности, до самой смерти. «Народный герой» Арминий в возрасте тридцати семи лет был убит своими соплеменниками, которые завидовали его славе и мощи. Держава Маробода, создававшаяся с такой энергией и умом, прекратила свое существование. Римляне избавились не только от негодных им военачальников, но также и от военных дружин Маробода и Катвальды, составлявших ядро германских войск. Они переселили эти дружины с территории Чехии и Моравии в области, расположенные по Дунаю, в низовьях реки Моравы и неизвестной нам реки Кусом. За ними потянулись туда и другие маркоманские и квадские воины. Возникает вопрос, продолжали ли эти захватнические племена находиться в чешских землях или их владычество окончилось? Можно считать с наибольшим вероятием, что оккупация германскими племенами чешских земель длилась не более тридцати лет, считая со времени вторжения маркоманов в Чехию в 9 г. до н. э. или в 9 г. н. э. до нападения Катвальды и переселения обеих военных дружин в придунайские земли в 21 г. н. э. Л. Нидерле так и определяет время их владычества, основываясь на том, что позднее нет никаких сведений о маркоманах и квадах, которые позволили бы говорить об их присутствии в Чехии и Моравии, зато есть данные, указывающие на пребывание их военных дружин в придунайских областях. Если даже небольшая часть их и продолжала оставаться в Чехии в течение некоторого времени, осуществляя власть над чешскими землями, то все же их мощь была сильно ослаблена и в течение последующих ста лет они совершенно исчезли с чешской территории. Маркоманы обосновались на территории Верхней и Нижней Австрии, квады — на территории восточнее реки Моравы и в Словакии, около Вага и Грона.

Глава VII

ЧЕШСКИЕ ЗЕМЛИ ПОД ВЛАСТЬЮ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

После падения Маробода чешские земли оказались под властью Римской империи. Правда, они формально не подчинялись Риму, не были римской провинцией, но все дела решал здесь только Рим. Такое положение длилось целых три столетия, правда, с некоторыми перерывами. Рим не раз должен был напрягать все силы, чтобы удержать свое господство над чешскими землями. Но это были только отдельные эпизоды. В общем же римляне были здесь хозяевами со времени падения Маробода до конца второго столетия и даже позднее, до тех пор, пока Римская империя не зашаталась под натиском «варваров», которые стали сильнее ее.

Римское владычество в чешских землях прошло несколько стадий. Для удержания своей власти Рим использовал все имеющиеся в его распоряжении средства, став примером для всех империалистов, вплоть до настоящего времени. Для сохранения политической власти чаще всего пускались в ход коварство и интриги против всех, кто становился сильнее, чем это было желательно для Рима. Именно этот метод был использован против Маробода. Его применяли и в дальнейшем, так как в таких случаях римляне не теряли ни одного солдата, а на соперников это действовало сильнее, чем если бы в бой вступила огромная армия. Более высокое экономическое и культурное развитие римлян являлось важным фактором, умело используемым римлянами для достижения своих целей, для подрыва позиций противника изнутри. Высокая культура римлян обладала для местного населения притягательной силой, ее влияние волею-неволею меняло жизнь этого населения, оно подпадало под ее влияние, и это являлось гарантией того, что покоренные племена останутся в состоянии подчинения более длительное время. И только в том случае, если оба эти фактора — интриги и культура — оказывались бесплодными, Рим прибегал к третьему и последнему средству — к силе, к оружию.

Таким образом, стремясь удержать свое господство в чешских землях, римляне в первую очередь прибегали к дипломатической игре, являясь в этом отношении действительно мастерами своего дела, как это видно на примере с Марободом. Такая же политика постоянно практиковалась и в дальнейшем, в подтверждение чего

можно привести бесчисленное количество примеров. Остановимся лишь на некоторых из них. Рим, например, делал ловкий дипломатический шаг, когда во главе племен, живших в Чехии, оставлял прежних королей. Риму было выгодно оставлять там королей — конечно, только таких, которые целиком находились под влиянием Рима. Король при помощи своих собственных сил лучше мог держать в узде беспокойные племена. Риму это обходилось значительно дешевле. Поэтому Рим сам назначал королей, которые были ему удобны. После гибели Арминия племя херусков получило такого короля. Его имя уже само говорило за себя: его звали Италик. Это был сын Флавия, брата Арминия. Если Флавий был наполовину римлянин, то Италик был настоящий римлянин. Поэтому Рим и послал его туда. «Его снабдили деньгами, дали личную стражу и наказывали, чтобы он смело завоевывал славу своему роду, так как он первый настоящий римлянин, который приходит к власти в Германии». Рим стремился использовать в своих целях племенные и родовые традиции, связанные с именем Арминия.

Дружины Маробода и Катвальда в придунайских областях тоже получили короля — Ванния, который носил такой же титул, какой был дан Марободу — «король свевов». Назначая его, римляне, конечно, учитывали, что он был «из рода квадов», а не маркоманов. Безусловно сыграло роль и то обстоятельство, что квады, жившие на открытых равнинах Моравии и западной Словакии, уже прежде находились под большим влиянием и воздействием римских гарнизонов, расположенных на Дунае, чем окруженные чешскими горами маркоманы. В данном случае был применен известный метод римской политики: посеять раздор и разжечь зависть между родственными племенами с целью их ослабления. Но осталось неизвестным, кем управлял Ванний. Очень спорным является вопрос о том, управлял ли он еще кем-либо, кроме дружин, населявших эти территории. Совершенно ясно одно, что «королевство Ванния» — как называлась его держава — было лишь обломком когда-то мощной державы Маробода. Оно целиком зависело от воли Рима. И сам Ванний безусловно был проверенным, хорошо вышколенным римлянами человеком, иначе ему бы не доверили держать в подчинении Рима военные дружины обоих племен, а тем самым и племена в целом.

Но указанная политика Рима не всегда оправдывалась. Очень часто эти короли, чувствуя поддержку со стороны Рима, мнили о себе больше, чем это могли допустить другие военачальники родов, да и сам Рим. Бесстыдно обогащаясь, они оказывались слишком хорошими учениками своих учителей, римских наместников и легатов, направлявшихся в «варварские» земли. Такие легенды ходили об Италике и о Ваннии. Имя последнего стало просто нарицательным. Он превзошел в этом отношении даже своих римских учителей. Когда на его державу начали наступать с востока языги, он договорился с ними не «по-варварски» — варвары бы не сделали так, — а по-римски, что они вместе будут обирать местные племена. И котины, нахо-

дившиеся в этих местах, должны были поставлять железо и квадам и языгам, а племя осов в Паннонии, подчиненное языгам, платило также дань и тем и другим. Ванний в течение тридцатилетнего владычества накопил просто баснословные богатства.

Племена не раз восставали против таких королей. В этих восстаниях уже имелись симптомы народного, патриотического сопротивления иноземному римскому господству. Волнения начались с выступления против Италика. «И если бы сын самого Арминия, воспитанный во враждебной стране, появился в роли короля, то и его следовало бы остерегаться как человека, перенявшего чужеземные обычаи, привыкшего к роскошному столу и прислуживанию рабов», — так агитировали против Италика его местные противники. В 51 г. дошла очередь и до Ванния. Рим, которому мощь Ванния казалась большей, чем это было желательно, повторил то, что он сделал в отношении Маробода. Он не только не послал помощи Ваннию, но поддержал двух его племянников, выступивших против него. Когда же Ванний был изгнан из королевства, то Рим оказал ему «услугу», предложив поселиться на римской территории, в провинции Паннонии. Таким образом, и это восстание оказалось на руку Риму. Оба племянника Ванния сразу же разделили между собой его королевство, тем самым ослабив его мощь.

Рим, сознавая свою силу и действуя в своих собственных интересах, проводил подобную политику не только в отношении королей. Он и племена восстанавливал друг против друга. Так, например, во время правления Ванния он, противопоставляя квадов маркоманам и приближая к себе квадов, добился того, что слово «маркоманы» на некоторое время вовсе исчезает из истории. Однако самую серьезную дипломатическую игру пришлось вести Риму, когда на историческую арену выступили новые племена — известные уже нам сарматские языги и лугии, протославянское племя с лужицко-силезской культурой, жившее в Силезии. Это племя, вынужденное покинуть свои прежние места поселений, направило свои военные дружины на равнины Венгрии, надеясь осесть там. Вот тут-то и сказались коварная политика Рима. Языги, как известно, быстро договорились с квадами, чем значительно усилили их мощь. Конница в войске Ванния почти исключительно состояла из языгов. Риму, однако, не нравилось усиление племени квадов. Когда появились там лугии и в 85 г. н. э. между ними и квадами началась война, то император Домициан послал помощь не квадам, союзникам Рима, а лугиям, желая использовать их в своих целях против квадов.

Однако на этот раз Рим просчитался. В это время вдали от места этих событий, в низовьях Рейна, вспыхнуло против Рима восстание батавов. Весть об этом восстании распространялась от племени к племени и достигла чешских земель, вызвав и тут беспорядки и волнения. Считалось обычным, что короли, являвшиеся ставленниками Рима, оказывали римлянам военную помощь. Так, в битве

на кремонских равнинах в 69 г. оба короля бывшего государства Ванния сражались в первых рядах войска императора Веспасиана. В 88 г. император Домициан призвал квадов, чтобы они оказали ему помощь в войне против даков. Но квады, возмущенные поведением Рима во время их войны с лугиями, пользуясь восстанием батавов, отказались послать на помощь Риму свои войска. Началась война между римлянами и квадами, которая кончилась неблагоприятно для римлян. Вначале Домициану удалось проникнуть за Дунай и вторгнуться в равнины южной Моравии, но тут появились маркоманы, которые, не обращая внимания на интриги Рима, объединились с квадами и не только изгнали римлян с квадской территории, но вместе с квадами вторглись в Паннонию и тут, уже на римской территории, снова нанесли поражение римлянам. Маркоманы вновь проявили свою боеготовность и силу, которых еще раньше боялись римляне. Поэтому римляне и стремились так ослабить их, но усилия их оказались тщетными. Квады и маркоманы в результате этой войны снова на время добились независимости от Рима.

Римский император Траян (98—117 гг.) стал проводить совершенно иную политику по отношению к племенам, живущим за Дунаем, что имело большие последствия и для чешских земель. Траян был сыном римского легионера и сам хорошо знал положение дел на границе империи по Дунаю. Он был первым римлянином, который понял, что опасность, грозившая Риму со стороны «варваров», является не временным явлением, а постоянным. Эту опасность нельзя устранить только всевозможными интригами или периодическими военными походами. Поэтому, чтобы оградить себя от варваров, живущих за Дунаем и вообще на севере, он начал строить мощную линию укреплений, которая получила название «*Limes Romanus*» («Римский вал»). Эта линия начиналась у истоков Рейна и шла к Резенбургу на Дунае, потом по течению Дуная в Паннонию — до изгиба Дуная — и дальше к границе римской провинции Иллирии. Так земли, находившиеся за Дунаем, были отделены от римского мира валом, который должен был оградить границы Римской империи по Дунаю от нападений с севера и тем самым облегчить римлянам проведение своей политики за Дунаем.

В осуществлении этой цели немаловажную роль играло устройство Римского вала. Главными опорными пунктами служили военные лагери (*castra*) — огромные четырехугольники, вокруг которых шел вал, укрепленный дерном, а кое-где и палисадами, сплетенными из ветвей; эти лагери были окружены рвом. Внутри находились каменные и кирпичные постройки: резиденция коменданта (*praetorium*), хозяйственное управление (*quaestorium*), казармы легионеров, склады, оружейные мастерские, пекарни, бани, больницы и, обычно, даже амфитеатры для театральных представлений. Это был, таким образом, целый город, построенный по типу тогдашнего римского города. Из военных лагерей, расположенных на чешских границах,

возникли впоследствии, в большинстве своем существующие до сего времени, города, например Виндобона (современная Вена), далее по течению Дуная Карнунтум (современный город Дейч-Альтенбург в Австрии) — особенно мощная римская крепость, для постройки которой был использован древний кельтский город Карнус, еще далее — Бригетийум, у современного Комарно, и, наконец, Аквинкум или Ацинкум — современный Будапешт.

Между военными лагерями, которые были расположены довольно далеко друг от друга, находились военные укрепления — крепостцы (*castella*), построенные почти таким же образом, но только меньших размеров. Их строили не только на римском, но и на «варварском» берегу пограничных рек. Между кастеллами находились форпосты, которые были еще меньше, чем эти крепостцы; на форпостах наибольшее значение имела сторожевая башня, на которой войны несли постоянную караульную службу (*turres* или *burgi*). Некоторые из башен были довольно велики. Так была создана не только единая линия укреплений на всем протяжении границ чешских земель, но на всей этой территории возник и ряд римских поселений.

Римляне создавали военные укрепления не только на указанной линии, но и дальше на север, за Дунаем, на территории чешских земель. Самым северным римским поселением вообще, имевшим наибольшее значение, было поселение в Мушове (южная Моравия), которое находилось в 53 км севернее Дуная. Томас Пешина в своем сочинении «*Mars Moravicus*» (1677 г.) упоминает о римских монетах, найденных там, а в XIX в. тут был открыт подвал с каменными стенами и кирпичным полом. В 1925 г. здесь начали производить систематические раскопки. В результате этих раскопок была обнаружена крепостная стена в 3 м толщиной, образующая квадрат, сторона которого была примерно равна 60 м; в одном углу этого квадрата обнаружен жилой дом из четырех комнат с отоплением и второе здание, служившее, вероятно, баней. Кладка кирпичей была характерной для римских построек в придунайских областях, она отличалась особым розоватым оттенком раствора (в раствор известки примешивался порошок из размельченных кирпичей), и на всех кирпичиках была одинаковая надпись «*LEGXGPF*», что означает: *Legio X Gemina Pia Fidelis*, то есть десятый римский легион. Это поселение было основано на месте, обладавшем преимуществами не только военного характера. Оно находилось у слияния рек Дьи, Иглавы и Свратки и являлось стратегическим ключом к Моравии.

За Дунаем это поселение было не единственным. Подобные поселения, хотя и меньших размеров, обнаружены и в Братиславе, на Девине, в шестнадцати километрах севернее Ступавы, около подножья Малых Карпат. По пометкам на кирпичиках, из которых строились эти поселения, установлено, что там размещались XIV и XV легионы. Нам известны первоначальные римские названия двух поселений в западной Словакии, находившихся в непосредственной

близости к Моравии: это Келемантия около города Комарно и Ланга-рициум — современный город Тренчин.

Таким образом, Рим в военном отношении оградил свою границу от нападения со стороны чешских земель. В римских поселениях, разумеется, процветал и римский образ жизни, так как здесь находились не только воины-легионеры, но и их жены и дети, торговцы, маркитанты, продававшие воинам с лотков (*capabae*) свои товары, а также ремесленники, работавшие на войско. Последние тоже брали сюда с собой свои семьи, так что здесь была ключом и гражданская жизнь. Сохранились многочисленные доказательства этого. Тут воздвигали алтари, погибшим сооружали массивные саркофаги. Обнаружены здесь и каменные памятники с высеченными надписями. Найденны памятники, характеризовавшие уже личные отношения; например, Ульпия Авита, жена центуриона первого вспомогательного легиона М. Фуфиция Марцелла, со своей дочерью Фуфицией Марцеллиной поставили каменный памятник умершему мужу и отцу. Из памятников общественного значения был обнаружен в Бискупце около Братиславы камень, указывавший направление пути к римскому поселению Карнунту и обозначавший расстояние — 16 римских миль.

Жившие здесь люди и домашнее хозяйство вели так же, как у себя на родине, на римской земле. Доказательством этого являются найденные тут образцы римской керамики: обычная утварь, миски, жбаны, римские каганцы (рудничные лампы), разукрашенные вазы и известная римская *terra sigillata*¹. В большом количестве найдены римские застежки, которыми скрепляли одежду, скульптурные изделия, изображавшие римских богинь Флору и Горгону, Амура и сфинксов, а также римское оружие в виде коротких офицерских кинжалов, шлемы и т. д. Конечно, внутреннее убранство комнат тоже было римское. Население вело римский образ жизни, сохраняя нравы, обычаи и все то, что было характерным для жизни римлян в период расцвета империи. Для этого необходимо было поддерживать связь с римскими областями. Это достигалось с помощью процветавшей здесь торговли. Сюда доставлялись редкие товары, как, например, изделия из упомянутой выше «терры сигилляты», то есть разная утварь из цветной глины особой выработки, чаще всего оранжевого или глиняно-красного цвета. Эти изделия в самом Риме считались редкими, просто художественными произведениями (некоторые археологи неправильно называли их «античным фарфором»). Здесь, в военных лагерях и поселениях, они встречались в изобилии, что свидетельствует о том, что они пользовались любовью населения. В поселении Келемантии их обнаружено свыше восьмидесяти штук. Поскольку все эти изделия имели клеймо мастерской, в которой они производились, то легко установить места, откуда они были приве-

¹ См. об этом ниже (Прим. ред.)

зены. Помимо изделий италийских мастерских здесь встречались и изделия прирейнских мастерских, известных в то время мастерских в Галлии, а также близлежащих мастерских в современной Баварии. В большом количестве ввозились сюда глиняные каганцы, стекло для оконных рам, украшения и другие туалетные принадлежности, а также специальные «легионерские застежки», которые вначале появились у легионеров в Галлии, а потом распространились по другим легионам и таким образом попали в гарнизоны, расположенные в чешских землях.

Для удовлетворения потребностей жителей военных укреплений на месте создавались целые предприятия. Прежде всего для нужд строительства возводились кирпичные мастерские, так как римляне давно уже строили домов из камней или прутьев, как это делали «варвары», а строили свои здания из кирпичей, скрепленных раствором извести с песком. Было неразумно привозить кирпич изда-лека, если его можно было изготовить на месте. Так возникли кирпичные мастерские в Виндобоне, Карнунте, Бригеттуме и Аквинте, о чем можно судить по сигнатуре (знакам) на кирпичах. На них имелся знак легиона, для которого они предназначались, иногда и меньших подразделений или отдельных офицеров, а также частных предпринимателей, которые основывали кирпичные мастерские в погоне за прибылью (это наблюдалось, в частности, в Карнунте). Имелись свои кирпичные мастерские и в северных поселениях, в Моравском Мушове, так как вряд ли сюда привозили кирпич из отдаленной Виндобоны (Вены). Под защитой Римского вала создавались поодаль от римских границ, на римской территории, а также в пограничной полосе, предприятия и мастерские, производившие римские товары. Нам известно это главным образом по альпийским провинциям — Реции и Норик, на правом берегу Дуная.

Все это происходило прямо на границах, зачастую и на территории, заселенной коренными жителями, при участии местного, неримского населения. Так развернулось активное наступление римлян на чешские земли. Началось систематическое проникновение сюда римской культуры. Местные жители ежедневно собственными глазами наблюдали и оценивали преимущества этой культуры. Иногда они принимали и непосредственное участие в деятельности римлян. Римляне могли достать многие вещи не иначе как только у местного населения или с его помощью. Местных жителей часто нанимали для различных работ в лагерях. «Варваров» брали даже в римские вспомогательные отряды полувоенного характера, предназначавшиеся для несения повседневной караульной службы. Они приводили с собой свои семьи, но при этом не порывали связь со своими родичами, жившими вне военных поселений. Итак, теперь уже не только отдельные лица, получившие воспитание в Риме, были знакомы с римской культурой и римскими обычаями, но вся масса местного населения познавала ее, постоянно сталкиваясь с римскими порядками и римским производством. Естественно, что многое и нравилось местному

населению, так как знакомство с римским производством облегчало его труд, улучшало условия жизни. Быт окрестного населения романизировался.

Римская культура стала распространяться все далее и далее в глубь страны. Особенно большое влияние испытывали квады, жившие в непосредственном соседстве с обитателями Римского вала. Но римская культура проникала и к населению, жившему в отдалении, окруженному чешскими горами, где не было военных укреплений. Это происходило благодаря предприимчивости римских торговцев и промышленников.

Население римских поселений, возникших в большинстве своем около речных бродов, не препятствовало переходам варваров через реки, а также охраняло караваны римских купцов, отправлявшиеся по старым путям на север. Эти поселения становились отправными пунктами огромной по масштабу торговли, развивавшейся в определенных направлениях. Римские товары, а с ними и римские обычаи, проникали все дальше на север и в больших размерах, чем это было когда-либо прежде.

Промышленность была также поставлена на службу этого бескровного, но тем не менее действенного наступления римлян. Мастерские в придунайских областях работали непосредственно для нужд торговли среди местного населения и тем самым еще больше способствовали распространению римских товаров в этих областях. Ставя перед собой эту задачу, а также желая получить больше прибыли от продажи своих товаров, эти мастерские приспособляли свои изделия к вкусам и привычкам местного населения. Благодаря этому производимые в этих мастерских товары все больше входили в обиход местного населения, прививая ему римские вкусы.

Эта глава не случайно названа «Чешские земли под властью Римской империи». Действительно, Рим постарался охватить своим влиянием все стороны жизни населения чешских земель, используя для этого все средства. Это не было временным явлением. Целых два столетия продолжалось это давление со стороны Рима. Произошли глубокие перемены как в общем внешнеполитическом положении чешских земель (в течение этого периода, последовавшего вслед за падением Маробода, не считая попытки Ванныя, уже ничего не слышно о державе маркоманов или квадов), так и во внутренней жизни, во внутреннем устройстве этих земель. К прежней их культурной основе — кельтско-бойской, включавшей когда-то и народ унетичко-кновизской культуры и народ культуры полей погребений, к поверхностному, наносному влиянию культуры германских захватчиков, присоединилось уже не случайное, как прежде, а прочное, глубокое влияние римской культуры. Под влиянием этой культуры происходит дальнейшее развитие существовавших там издавна этнических и культурных напластований. Создается в основе своей новая, более прогрессивная культура.

Об этом свидетельствуют замечательные археологические раскопки, из которых наиболее ценными и богатыми являются находки у Добржихова, в самом центре Чехии (недалеко от Колина). Они известны до сего времени в мировой литературе как важнейшие памятники для изучения культуры племен, живших в то время за Дунаем. Их значение велико еще и потому, что тут были найдены памятники двух ступеней этой культуры: памятники одной из них у так называемого Пичхоржа (отсюда Пичхорская ступень или культура) и второй — там же у Тржебицка (отсюда Тржебицкая ступень или культура). Первая дает представление о чешских землях в I и II вв. н. э., вторая — о III и IV вв. Это дает нам возможность проследить постепенное развитие населения чешских земель в этот важный период их истории.

Глава VIII

ГЕРМАНЦЫ И ЧЕШСКИЕ ЗЕМЛИ

Теперь следует рассмотреть вопрос о том, какое влияние оказали германцы на внутреннее развитие населения чешских земель в период своего владычества в Чехии. Мы находимся в благоприятных условиях, так как можем дать на этот вопрос исчерпывающий ответ. Бросается в глаза то обстоятельство, что при захватническом характере, который носило владычество германских племен, нет следов влияния германцев на внутреннюю жизнь населения чешских земель. Не было этого влияния и в других странах, в которых поселились германцы. Германская оккупация привела лишь к тому, что сила римского влияния возросла, так как бои со своей высокой кельтской культурой сами никогда бы не заимствовали ее в такой мере, в какой восприняли ее германские правители и их дружины, которые не могли ничего противопоставить этой культуре. Поскольку римская культура в этот период находилась на более высокой ступени развития, чем кельтская, то заимствование германцами римской культуры являлось ценным вкладом в развитие чешских земель. Однако это не было германское влияние на культуру чешских земель; само по себе оно, как указывалось выше, было столь незначительным, что если бы не было внешне-исторического фона событий, о которых мы уже говорили, то германским племенам и не следовало бы уделять особого внимания.

Тот факт, что население чешских земель находилось под сильным давлением со стороны германцев, не меняет дела. Говоря о сильном давлении германцев, мы имеем в виду не только относительно кратковременную оккупацию чешских земель маркоманами и квадами, а вмешательство и даже в течение некоторого времени господство этих двух племен над населением чешских земель, которыми они управляли из своих новых центров в придунайских областях. Если верить сведениям Птолемея, относящимся к концу II в., то «у подножия Крконошских гор» (Исполинских гор) осели также корконты. Нам точно не известно, были ли это германцы, но, вероятно, это были они. Несколько дальше, в Силезии, осели силинги; за Шумавой, к Дунаю, где имелось ядро маркоманов, — судины, далее за землями квадов — ракаты, тоже германские племена, которые представляют

для нас особый интерес. Об этих племенах нам ничего неизвестно, и поэтому нельзя даже утверждать, что они оказали сильное влияние на развитие чешских земель. Если мы не находим следов влияния даже таких мощных племен, как маркоманы и квады, то, конечно, значение этих малых племен было просто ничтожным. И это было вполне естественно, так как германские племена, включая сюда маркоманов и квадов, были лишь завоевателями, только воинственными племенами, у которых не было своей культуры, превосходившей культуру завоеванных ими земель. Поэтому они не только не оказывали влияния, но, наоборот, сами заимствовали культуру побежденных. Но влияние римской культуры на эти племена было неглубоким. Оно сказывалось только в узком кругу людей, группировавшихся около короля, среди дружинников, да и в этом случае оно являлось скорее поверхностным подражанием, чем настоящей культурой, так как все сводилось только к внешнему блеску; влияние римской культуры не коснулось организации труда и производства. Сами племена, о чем свидетельствует история Маробода и других людей — носителей римской культуры, не только были в стороне от влияния римской культуры, но рассматривали пропаганду этой культуры как измену и выступали против нее. Спустя сто лет Тацит, конечно не по незнанию, а сознательно, давал сведения о германцах как о первобытных воинственных племенах, какими он знал их сам. Маркоманы и квады остались прежними первобытными германцами, несмотря на внешний лоск римской культуры.

Они как были, так и остались лишь воинственным племенем. Почти во всех мужских могилах этих племен найденно оружие. По свидетельству Тацита, и германские женщины были воспитаны так, что способствовали развитию воинственности у мужчин. Во время свадьбы будущие муж и жена обменивались подарками, чтобы «жена не была в стороне от всего того, что связано с мужеством, и не боялась случайностей войны». Женщины провожали мужчин на войну, поддерживая в них храбрость. Тот факт, что «вблизи находились милые им существа», что они «слышали вопли женщин и плач младенцев», для германского воина значило, что вблизи находятся «самые святые свидетели, самые лучшие ценители» его храбрости. Будучи ранеными, воины шли к матерям и женам, и те «не боялись осматривать и считать раны». Женщины приносили пищу воинам и подбадривали их. «Рассказывают, что колеблющиеся и нарушенные ряды восстанавливались благодаря неумолкавшим молитвам женщин, которые подставляли свою грудь, указывая на неизбежность плена», если мужчины отступят. Они очень боялись пленения женщин и «никогда не чувствовали столь большую ответственность за исход боя, как в случае, когда они были вынуждены дать в качестве заложниц девушек из лучших семей».

Война была регулярным и почти единственным занятием всех мужчин германских племен. «Этому народу мир вообще был противен, ибо легче отличиться во время опасности, да и содержать

большую дружину можно было только грабежами и войной». «Их легче убедить вызвать на бой врага и получить ранения, чем пахать землю и снимать урожай. Более того, они считали ленью и малодушием добывать потом то, что можно добыть кровью». Они «все дела общественные и частные решали только оружием». В народном собрании, являвшемся высшим органом власти у племени, они сидели в полном вооружении и голосовали поднятием копий; способ выражения одобрения оружием считался у них самым почетным. Ношение оружия было самой высокой честью для германского мужчины, и юноша признавался полноправным членом племени только тогда, когда получал в руки оружие. По этому поводу устраивалось особое торжество: кто-нибудь из старейшин, отец или один из родственников, в народном собрании торжественно вручал ему копье и щит со словами, что «до этого времени он был членом семьи, а теперь стал членом государства».

Что касается самого военного искусства маркоманов и квадов, то, конечно, на них не могла не оказывать влияния более совершенная техника подчиненного им народа, а также и военное искусство римлян — народа, победившего их. Как известно, Маробод, а после него другие маркоманские и квадские военачальники, стремились как можно лучше освоить их технику. Что касается вооружения, то, вероятно, маркоманы, как и другие германские племена, «употребляли копье с узким и коротким железным наконечником, такое острое и удобное, что одним и тем же копьем, судя по обстоятельствам, могли сражаться в рукопашном бою и метать издали». «Каждый воин бросал несколько металлических пик, причем на большие расстояния». Судя по археологическим данным, копье и пика, а также и щит (с железной ручкой на обратной стороне щита под железным изгибом для защиты руки) были латенско-бойские. Главное новшество заключалось в том, что в качестве вооружения у них стал употребляться меч, который до этого у германцев был редким явлением. В могилах маркоманских и квадских воинов он встречается уже не как исключение, а как правило. Это были мечи латенско-бойские и римские. Очевидно, такого же происхождения было и остальное их вооружение. И если Тацит сообщал, что германцы воевали почти обнаженные или в коротких плащах, то в данном случае это не относилось к маркоманским и квадским воинам. Их хоронили в полном боевом снаряжении, обутыми и одетыми, очевидно в том виде, в каком они воевали. Об этом свидетельствуют и найденные в могилах маркоманских воинов шпоры, которые были ярко выраженного страдоницкого (латенско-бойского) типа и носились, по кельтскому обычаю, на одной ноге.

О тактике ведения боя сведения имеются только у Тацита. Но по ним трудно судить о том, что сохранили из своей прежней тактики германские племена, находившиеся в Чехии и Моравии, и что они заимствовали из римской тактики. По данным Тацита, германские воины шли в бой в отрядах, сформированных по родам. «Их турмы

[конные отряды] и клины [пешие] не были случайным сборищем людей, а состояли из семей и родов». И это поднимало их воинственный дух, увеличивало их храбрость, так как каждый сражался за своих близких. Познакомившись с римской тактикой, они стали большее значение придавать пешему бою, но не отказались и от своей старой тактики одновременного ведения пешего и конного боя, то есть в зависимости от хода боя чередовали действия пехоты и конницы. На передовую линию они выставляли юношей, особо отличившихся храбростью, по данным Тацита — по сто человек от каждого пага, которые назывались сотнями и составляли цвет войска, и, таким образом, то, «что прежде означало количество, стало теперь названием отрядов, почетным именем». Они наступали на неприятеля острым концом клина, причем «отступать с умыслом и снова наступать не считалось трусостью, а наоборот, благородием». Но за настоящую трусость и предательство они наказывали действительно очень жестоко. «Трусу и предателю не разрешалось присутствовать при богослужении, принимать участие в народном собрании, и многие, выйдя живыми из битвы, кончали с позором жизнь на виселице».

Вся жизнь этих племен была организована на военный лад. Верховной властью считалось народное собрание, на которое мог прийти каждый свободный, ничем не провинившийся воин племени. Указанное собрание, если не происходило чего-либо неожиданного, требующего внеочередного созыва собрания, созывалось регулярно «при новолунии и полнолунии», то есть два раза в месяц; собрание созывалось именно в эти дни, так как германцы верили, что они являются самыми счастливыми для всякого начинания. Собирались, однако, «не все сразу, как по приказу», а порознь, так что иногда проходило два-три дня, пока все соберутся. Когда собиралось достаточное количество воинов, открывалось собрание. Главный жрец обращался к людям с призывом соблюдать тишину (он имел право наказывать того, кто его ослушается). После этого вождь или кто-нибудь из старейшин, избранный благодаря «возрасту, происхождению, воинской славе или красноречию», сообщал наиболее важные сведения, касающиеся всего племени (о менее важных вещах совещались сами старейшины). Собрание выражало или свое согласие, поднимая оружие (все участники находились в полном вооружении), или несогласие — громким ропотом. Народное собрание разбирало проступки и судило за них людей, выносило приговор, причем «предателей и перебежчиков вешали на деревьях, трусов и дезертиров, то есть тех, которые калечили свое тело (чтобы избежать боя), топили в грязи и болоте, заваливая хворостом». Собрание назначало наказания и в виде штрафа — взноса определенного количества коней и крупного рогатого скота, из которого часть получал вождь или племя, часть — истец.

Народное собрание имело исключительное и суверенное право избирать главу племени — вождя. Им не всегда являлся король.

«Короля выбирали по происхождению, а вождя за храбрость». При этом даже «короли не имели неограниченной власти, а вожди должны были стоять во главе войска, показывая ему пример, но не имели права действовать приказом. Они отличались смелостью, воевали впереди строя, вызывая восхищение воинов. Казнить, надевать оковы и применять телесные наказания не разрешалось никому, кроме жреца, и то не по приказу вождя, а лишь «по указанию бога». Так по крайней мере было в теории. В действительности, однако, вождь был полным хозяином племени, и прежде всего в бою. Вождю было стыдно, если кто-нибудь превосходил его храбростью, но и дружине стыдно было не равняться на вождя. Если кто-нибудь живым возвращался с поля боя, где пал вождь, то на всю жизнь он покрывал себя позором и бесчестьем. Оберегать вождя, охранять его и своими доблестями возвеличивать его славу — это главная обязанность, долг каждого дружинника. Как говорил Тацит, «вождь спрашивается за победу, а дружина [народ] за вождя».

Такие порядки сохранялись и в обычной, мирной жизни. Воины, для которых война была единственным постоянным занятием, и в мирное время старались быть ближе к своему отличившемуся вождю, так как «ожидали получить от щедрот своего вождя боевого коня и окровавленное победное копье», ждали, что он поведет их на новую битву за новой добычей. Вождь также нуждался в дружине. «В ней его честь, в ней его слава». «Не только у своих, но и у соседних племен вождь становился известным и славным, если его дружина отличалась количеством воинов и храбростью; к нему посылали послов, желая добиться его благосклонности, посылали дары, и часто только его слава решала исход войны». И дружины и вожди старались превзойти в этом отношении друг друга. «Среди дружинников возникало соперничество, кто займет первое место у вождя, а среди вождей шел спор, у кого более многочисленная и сильная дружина». Нам известны и интриги среди германских вождей, когда одни смещались, изгонялись и заменялись другими, когда воины сохраняли верность вождю, преследуемому римлянами, и поэтому не раз срывали планы римлян в отношении назначения того или другого вождя. Все эти порядки были основаны на том, что управление и организация германских племен носили военный характер.

Бесспорно, что такие порядки обрекали эти племена на бесплодность в культурном и иных отношениях. Она происходила от безделья, праздности людей, помышлявших только о войне: «Если они не отправлялись на войну, то все время проводили на охоте, а большей частью в бездействии, предаваясь сну и еде», — говорит Тацит вообще о германцах. В особенности, конечно, это относилось к маркоманам и квадам, которые, заняв богатые земли, где вся работа за них выполнялась подчиненным им трудолюбивым народом, могли вообще ничего не делать. Германские воины, — как сообщает Тацит, — иногда спали целый день. А пробудившись и надев на себя свое

военное снаряжение, они начинали пировать. При этом, — как указывает в нескольких местах Тацит, — они чаще всего предавались пьянству. «У них не считалось позорным пить беспрестанно день и ночь». Сообщение Тацита подтверждается раскопками на территории чешских земель; здесь найдено большое количество рогов, из которых германцы пили вино. А пили они уже тогда «жидкость из ячменя или пшеницы, превращенную каким-то образом в вино» — говорит Тацит, не зная еще, как называется этот напиток; повидимому, это было пиво. Римляне хорошо знали эту слабость германцев и старались ее соответствующим образом использовать. «Если угодить их склонности к питью и дать им напиться вволю, то с помощью этого порока их можно поразить не менее удачно, чем оружием», — говорит Тацит. Нетрудно понять, что римляне не только не стремились отучить их от этого порока — в большинстве своем сами римляне были не лучше, — но, наоборот, потакали им в этом. У германцев существовало странное, по мнению Тацита, «противоречие с природой»: самые сильные люди племени «ничего не делают, возложив все заботы на других, слабых; они любят безделье так же, как ненавидят мир...»

Но пристрастие к пьянству сказывалось еще и иным образом на жизни этих племен. «Как обычно случается с пьющими, среди них часто возникали споры, которые иногда кончались ссорой, а чаще всего убийством или нанесением увечий». Этим воинам вообще было скучно сидеть без дела и в народном собрании. Поэтому они охотнее всего решали на своих пирушках и попойках все вопросы — и выборы старейшин, и заключение брака, а также вопросы войны и мира, объясняя это тем, что «никогда душа не бывает так расположена к бесхитростным мыслям и так легко не отзывается на великие дела», как в состоянии опьянения. «Поэтому они не знали более культурных развлечений. Лишь с особой страстью они предавались игре в кости и так увлекались этой игрой, что считали это серьезным делом и, будучи трезвыми, с такой азартностью реагировали на выигрыш или проигрыш, что если проигрывали, то закладывали даже свою свободу и тело. Проигравшийся добровольно шел в рабство; даже в том случае, если он был моложе и сильнее своего противника, он все равно давал себя связать и продать в рабство. Так твердолобы они в этих глупых вещах» (Тацит).

В таких условиях трудно было развиваться более высокой духовной культуре. У нас о ней не имеется почти никаких сведений. И Тацит, который вообще дает подробные сведения о германцах, сообщает лишь о том, что «о таинстве письма не имеют понятия ни мужчины, ни женщины». Археологические находки также не дали никаких данных, говорящих об искусстве этих племен. Из найденных предметов единственное, что можно считать хоть какими-то предметами германского искусства, это маленькие бронзовые фигурки быка, найденные у Рымани (у Пржибрами) и в Чернуци (у Вельвар). Количество найденных фигурок столь незначительно, что едва

ли можно говорить об искусстве германских племен, населявших чешские земли. Эти фигурки напоминают кельтские фигурки гальштатского периода, поэтому, быть может, они и не германского происхождения. Существовали ли танцы или народные игры у германцев? «У них было только одно театральное представление, которое было одинаковым на всех народных собраниях: нагие юноши ради забавы скакали среди мечей и грозных копий». В начале это было только военной игрой и лишь позднее эти «упражнения стали искусством и искусство придало им красоту». Собравшиеся воины воспринимали это как «отважную шалость», а не как искусство, народную игру или театральное представление.

Единственное, что можно привести в качестве примера, характеризующего духовную культуру германцев того времени, это их исторические песни, о которых Тацит сообщает, что они восходят к очень древним временам. Эти песни были двух жанров. Прежде всего, как это встречается и у других народов, в них отражен миф о происхождении германцев. Они рассказывали в песнях о том, что их родила сама земля. Земля родила бога Туискона, а тот — сына Манна, то есть человека, который стал праотцем германцев. Его сыновья — первоначально их было трое, а позднее к ним присоединяли все новых и новых — стали праотцами отдельных племен. И свевы считали, что они произошли от одного из сыновей Манна, а тем более маркоманы, у которых даже их название является производным от имени Манна. Характерно также для воинственных германских племен то, что только мужчина крепкий и мужественный был героем этой германской мифологии и праотцем, предком племен и народов. Главная цель, которую преследовали германские песни, заключалась в том, что они должны были воодушевлять воинов на битву. Этой цели служила и особая дикция, как бы речитатив, употребляемый во время пения, причем «это похоже не столько на созвучие голосов, сколько на соревнование в мужестве». Особенно ценился достигаемый при этом «особой свирепости звук, напоминающий прерывистый грохот». Чтобы достичь этого, воины прикладывали щит к губам, благодаря чему голос усиливался и становился суровым и глухим. Германцы даже и в песнях оставались только воинами в грубом смысле слова, воинами-захватчиками; в их песнях отсутствовали задушевные, человеческие чувства.

И в области религии германские племена тоже не создали ничего высокого, духовного. И тут их занимало только то, что отвечало их воинскому образу жизни. Философски образованный Тацит сообщает, что у них не было ни храмов, ни идолов, «германцы не были согласны с тем, что ради величия божеских существ их необходимо помещать в храмы и создавать их по образу и подобию человека». Конечно, они это делали не из каких-либо глубокомысленных соображений, а по примитивности своего ума, отсутствию воображения и вследствие своего равнодушия к духовным запросам. Они довольствовались пребыванием в лесах и дубравах, так как это

более им нравилось. Но и там они не придавали особого значения жертвам, приносимым богам. Зато очень были распространены у них всевозможные гадания, главным образом с целью узнать исход боя. Гадали на веточках, которые разрезали на части, наносили на них определенные знаки и разбрасывали, после чего жрец, если вопрос касался общественного дела, или старейшина, если дело касалось частного вопроса, глядя на небо, трижды брал по одной частичке и, согласно нанесенным на них знакам, давал ответ. Если ответ был отрицательный, то не разрешалось уже гадать другим способом. Положительный ответ мог проверяться еще по полету птиц, чему германцы научились, вероятно, у кельтов или римлян, по ржанию белых лошадей, которые специально содержались в заветных рощах и не были осквернены работой на людей, по пенью, которое разжигало воинственный дух, или по результату поединка между пленником того племени, с которым хотели воевать, и одним из членов своего племени и т. д.

Наконец, о жрецах. У германцев, несмотря на то, что религия у них была слабо развита, имелись жрецы. Не исключено, что это было влияние старого кельтского института друидов, имевшего большое значение. Об этом свидетельствует и роль, которую играли жрецы у германцев. Они присутствовали также при всех важных актах и действиях племени. Именно они, а не король и вожди, объявляли приказы в народном собрании. Но, конечно, имелась и существенная разница между ними и кельтскими друидами. Последние были полноправными владыками, правящей кастой, так как приказы вали и действовали от имени богов. Германские же жрецы были полностью слугами королей, вождей, старейшин, были нужны для того, чтобы своим авторитетом придать больший вес желаниям и требованиям светских правителей. Поэтому их повеления были приказами вождей, и, конечно, жрецы не могли влиять на решения правителей. Наоборот, они везде прямо говорили, что они только выполняют то, что им приказано.

Итак, все общественное устройство, вся вообще жизнь тогдашних германских оккупантов чешских земель свидетельствуют о том, что они только пользовались богатствами покоренной страны. Германцы представляли собой слой, живущий за счет подчиненного им народа. Тацит так характеризует германцев: они сильны «только в нападении, но не проявляют достаточной твердости и усиленной деятельности в труде».

Их грубая сила и одновременно внутренняя слабость заключалась в том, что они целиком зависели от труда других. Кое-какую работу выполняли германские женщины, но только по хозяйству. В дальнейшем, когда произошла социальная дифференциация членов племени на богатых и бедных, сильных в социальном отношении и слабых, то, естественно, эти бедные и слабые, если не служили в войске, должны были уже заниматься трудом. Но едва ли германцы достигли в этом успеха. Найдены следы их деятельности в

производстве керамических изделий. Этот вид труда считался самым легким. Поэтому занятие этим ремеслом было совместимо с понятием чести и достоинства члена высшего, господствующего племени. Только германский, не искушенный в труде работник¹ мог создать такую примитивную, безвкусную утварь. Это вылепленная от руки, а не формованная на гончарном круге посуда, «украшения» на которой сделаны самым примитивным образом — путем надавливания пальцами. Такие изделия только лишний раз подтверждают, что германцы, жившие в чешских землях, не только не внесли ничего своего в их развитие, но, наоборот, сами существовали за счет местного населения.

¹ В оригинале сказано *dělník*, то есть рабочий, — термин этот не может быть применен в данном случае. (Прим. ред.)

Глава IX

ПОЗДНЯЯ ЛАТЕНСКАЯ КУЛЬТУРА. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ БОЕВ

Основными производителями ценностей в период захвата чешских земель германцами являлось попрежнему старое население этих земель, прежде всего бои, которые стояли на более высоком уровне развития, чем остальные племена. Захватчики лишили население всех прав и заставили работать на правящие германские верхи. Культура боев не исчезла. В производстве на большей части территории Чехии боям принадлежала решающая роль. Бойская культура продолжала развиваться и после падения власти германцев. Во II в. н. э. для Чехии характерна более поздняя, последняя ступень латенской культуры. Эта культура являлась в чешских землях господствующей еще в течение двух столетий. Об этом дают нам совершенно ясное представление археологические находки, относящиеся к тому времени. Латенскими, то есть бойскими, остались почти все инструменты: ножи (и в дальнейшем они делались по латенскому образцу из железа и бронзы), бритвы (с типично латенским дугообразным лезвием), ножницы, оселки для высекания огня (тоже железные и бронзовые), швейные иглы, ключи, нанизанные на цепочку и т. д. Из домашней утвари, сделанной из глины, продолжали изготавливаться большие бойские сосуды для хранения зерна, миски, а также так называемые планянские бокалы (найденные у Планян в районе Колина) — изящные изделия на тонкой ножке. Сохранились латенские орнаменты (пластические дужки), продолжалась выработка сосудов, являющихся подражанием бронзовым сосудам, известным нам по кельтскому периоду. Сохранившиеся инструменты и изделия свидетельствуют о том, что жившее в Чехии население сохранило кельтскую, бойскую технику изготовления этих изделий. Бойское влияние можно проследить не только по приведенным выше памятникам материальной культуры. Остались целые бойские города и другие бойские поселения. Тацит сообщает, что германцы жили не в городах, а в деревнях. В чешских же землях германцы с удовольствием селились в городах, некогда воздвигнутых боями. Какую известность приобрел богатый город, ставший резиденцией Маробода, — Маробудуум! Несмотря на захват чешских земель германцами, бои в городах сохранили свою технику ремесленного производства. Поэтому оно не только не исчезло в этот период, но

еще больше развивалось. Повидимому, возникли и новые отрасли ремесленного производства. Выше указывалось что Птолемей в своем труде «География» (вторая половина II в. н. э.) указывает на целый ряд бойских городов. По установленным теперь торговым путям можно примерно определить их местонахождение. На торговом пути из Карнунта на север был расположен Эбуродунон (где-то в низовьях реки Моравы, возможно у устья реки Дьи), дальше на север — Феликия (в области Мушова?), еще севернее — Мелиодунон (где-то у Брно, при слиянии рек Свратки и Свитавы); далее, уже в Чехии, но на этом же пути, находился город Стревинта (Трстенице у Литомышля?), на Лабе — Касургис (вероятно, Кралове Градец); далее путь раздваивался: один шел на север к Будоргису (вероятно, Наход) и затем по течению Лабы — на Рединтуинон (Подебрад или Мельник) и еще дальше — на Номистерин (Дечин). На другом торговом пути, ведущем из современного Линца на север, находился город Фургисатис (Будеевице) и Коридоргис (примерно там, где теперь находится Табор), отсюда дорога поворачивала на восток — к Рединтуинону и на запад — к Маробудууму, минуя непроходимые места, затопляемые Влтавой, и вообще непроходимые леса, находящиеся к югу от Праги. Наконец, из Пасова путь шел по удобному переходу через горы на Секнакотон (Домажлице), а дальше — опять на Маробудуум где сходились вообще все эти пути.

Бойские города не только уцелели, но продолжали оставаться административными и торговыми центрами областей и земель, какими они были во времена боев. В городах было сосредоточено почти все производство. Значение их не уменьшилось от того, что маркоманы или квады воздвигали в непосредственной близости от них особые грады (кремли), как это сделал, например, Маробод, или поселения в особых, отделенных от остального города кварталах. И в этом случае бойский город был значительнее этих германских кварталов. В нем кипела работа, было шумно и оживленно.

То же было и в бойских деревнях. Земледелие, конечно, осталось основным занятием бойского населения. Бои вели его по кельтскому образцу, так как германские племена, если верить сведениям Тацита, были не только отсталым, но просто примитивным народом — они, по его словам, не прилагали стараний, не обрабатывали землю, не стремились получить от нее больше того, что она могла дать без всякой обработки. Каждый год они вспахивали новое поле и не занимались ни садоводством, ни огородничеством, ни луговодством. Германские захватчики, конечно, использовали в своих интересах высокую бойскую культуру земледелия, подобно тому как они поступили в городах, предоставив боев заниматься попрежнему ремесленным производством, усмотрев в этом уже выгоду для себя. Об этом свидетельствует тот факт, что в I и II вв. н. э. уровень земледельческой культуры в чешских землях не снизился, а наоборот, скорее повысился. Германские завоеватели способствовали развитию только одной отрасли сельского хозяйства — раз-

ведению крупного рогатого скота. Тацит сообщает, что крупный рогатый скот считался у германцев «единственным, естественным и самым важным признаком богатства». Это согласуется с тем, что нам известно о других завоевателях, подчинивших себе племена, занимавшиеся главным образом земледелием: местное население, находившееся на положении рабов, работало на полях, а завоеватели — воины разводили крупный рогатый скот, так как, во-первых, его легче перегнать с одного места на другое, во-вторых, в случае военного похода он служил пропитанием. Вероятнее всего, что так было и у маркоманов (да и у квадов).

Превосходство боев в культурном отношении, в технике производства сказалось на их социальном положении в период оккупации. Являясь подчиненным народом, они были лишены права решать или принимать участие в решении как общественных, так и хозяйственных дел. Завоеватели никогда и нигде не допускали, чтобы в дела их племени вмешивались члены подчиненного племени. Так было и в данном случае. Если кто-либо из боев, будучи членом побежденного в ходе войны племени, из раба становился вольноотпущенником, то в глазах маркоманского населения он все равно оставался врагом, а поэтому не пользовался правами члена правящего племени. Тацит подтверждает, что у германцев «вольноотпущенники стоят немногим выше рабов», то есть «иногда они имеют некоторое значение в домашнем хозяйстве, но не в государстве». Население оккупированных земель было разделено на два непримиримых слоя или класса: на племя господствующее и племя подчиненное со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому Тацит — в соответствии с римскими представлениями — называет бесправное бойское население «рабами». Правда, он сам же замечает, что их положение в корне отличалось от положения римских рабов. Победители-завоеватели слишком зависели от труда боев, понимая, что необходимо предоставить им некоторую свободу, чтобы бои могли работать на них. Поэтому сведения Тацита о положении рабов у германцев могут быть отнесены и к боям: «Рабов используют не так, как у нас, разделив между ними служебные обязанности домашней челяди. У каждого из рабов имеется свой дом и свое хозяйство, а их господин, как у колонов [римских поселенцев], пользуется только определенной частью хлеба, мелкого скота, одежды». Таким образом, это были скорее зависимые крестьяне и ремесленники, обязанные отдавать германскому господину только определенную часть своего урожая и своих изделий, а не рабы в полном смысле этого слова. С ними и обращались не так, как обращались римляне со своими рабами. «Иногда их бьют, надевают на них оковы или посылают на принудительные работы. Часто случается и убийство, но не как результат строгости или наказания, а в состоянии аффекта, в гневе, так, как убивают неприятеля».

Подчиненные бои не только служили новым хозяевам, но и оказывали на них значительное влияние. Прежде всего, германские

завоеватели смешивались с местным населением. Тацит сообщал о германцах, что они «не вступают в брак с представителями других народов и представляют собой особое, чистое, только себе подобное племя» и что в результате этого они отличаются одинаковой — насколько это возможно среди такого большого числа людей — внешностью; у них удивительные, темносиние глаза, золотистые волосы, высокий рост». На самом деле указанный запрет вступать в брак был только благим пожеланием и лишь проявлением чванства германских захватчиков, как это было не так давно и в наше время. В чешских землях того времени ситуация сложилась совершенно иначе. Индржих Матейка с большой старательностью и пунктуальностью изучил сохранившиеся от того времени в чешских землях скелеты и черепа и пришел к выводу, что маркоманы и квады в значительной мере смешались с другими племенами еще до прихода их в чешские земли, а в Чехии это смешение продолжалось еще в большей степени. Естественно, что захватчикам-мужчинам, даже если они по социальному положению были совершенно отделены от поработанного народа, всегда нравились женщины чужого племени — уже потому, что они отличались от их женщин. Особенно это касается воинов, которые не были заняты созидательным трудом в мирное время и стремились лишь к наслаждениям. Бойские женщины привлекали германских мужчин своим более высоким культурным уровнем и своими нарядами. В чешских землях нет и следов какой-то чистой «нордической» расы. Жившие здесь племена, будучи долгое время непримиримыми врагами, постепенно начали смешиваться; о результатах этого смешения мы можем судить по имеющимся памятникам материальной культуры, которые свидетельствуют о том, что верхи германских племен все в большей мере стали испытывать влияние бойской культуры и перенимать многое от побежденных. Многочисленные доказательства этого уже приводились выше. Это наблюдалось и в сельском хозяйстве, в некоторых областях повседневной жизни, да и в военном деле, которое у германцев было самым развитым. Маркоманы, используя высокий уровень бойской техники, заимствовали их оружие, снаряжение и многое другое.

Своим высокоразвитым производством бои, сами не желая того, способствовали разложению германцев. Началось оно с вождей. У германцев считался обычным явлением тот факт, что вождя содержала дружина. «Все добровольно отдавали вождям определенное количество крупного рогатого скота или сельскохозяйственной продукции, и это принималось как почетный дар, но одновременно служило удовлетворению их потребностей». Считалось естественным такое положение, при котором, если с неплодородной земли собирали небольшой урожай, то и вождю соответственно отдавали меньше, если же урожай с плодородной земли был больше, то и вождю отдавали соответственно большую часть. Что же должно было происходить в Чехии, обладающей такими плодородными землями, богатства которой все возрастали благодаря трудолюбию покоренных

боев! Вождь, конечно, здесь непомерно обогащался. Вспомним, например, небезызвестного Ванния, который выжимал из населения все соки именно вымоганием даров. Некоторые племена также задаривали вождя другого племени, если боялись его или хотели привлечь этого вождя на свою сторону. Дары другого племени были особенно приятны вождю не только потому, что таким путем он получал то, что не могло дать ему местное население, но и потому, что присылку даров от имени всего племени он рассматривал как признание их зависимости от него. Так богател вождь. Его материальное положение резко отличалось от положения остальных членов племени.

Богатство страны способствовало тому, что и другие члены племени стали накапливать имущество, которое само давалось им в руки. Видные представители господствующего племени захватывали в свои руки главным образом крупный рогатый скот, затем драгоценности, богатую керамику, роскошные одеяния и т. д. Так формировался определенный слой богачей, наряду с образованием слоя бедняков. Это лучше всего можно проследить на основании вещественных памятников, которые нам известны по раскопкам могил. Найдены огромные кладбища, насчитывающие (как, например, в Тржебушице у Сланого) несколько сот могил. Почти во всех могилах найдены предметы, по которым можно узнать, в какой могиле, даже если это была урна, был похоронен мужчина, а в какой — женщина, так как в первую клали меч, пику, копье, щит, шпоры, а в другую — браслеты, ожерелья, булавки, ножницы, иглы или ключи. Заметно уже существенное различие между могилами богатых и бедных людей. В могилах богатых людей мы находим большое количество предметов, которые клались в могилу согласно погребальному ритуалу, а могилы бедных отличаются убожеством. Для тех и других могил характерен был также свой, особый способ погребения. Обычно встречаются небольшие могилы с погребальными урнами, куда клали прах германского воина вместе со всеми атрибутами его славы. Но имеются могилы, где труп положен во всю длину в полном одеянии, со значительно большим количеством предметов. Это, бесспорно, могилы вельмож. Могила, в которых находились урны, — это могилы бедных людей, не сумевших угнаться за теми, которые при жизни умели лучше грабить или пользоваться своим положением. Таким образом, становится совершенно очевидным появление разделения людей на богатых и бедных.

Конечно, это имело и определенные социальные последствия. Представители правящего племени, которые в материальном отношении не были обеспечены в достаточной мере и положение которых ухудшалось, со временем присоединялись к трудящемуся люду, включаясь вместе с боями в производственные процессы. В глазах представителей господствующего племени они, как трудящиеся, в сравнении с нетрудящимися, пребывающими в праздности представителями военной прослойки, социально дискредитируются, становятся

в общественном отношении как бы менее полноценными. Происходит социальное расслоение, при котором одна часть населения возводится до уровня панов или вельмож, а вторая часть низводится до положения рабов. Это было наруку местному бойскому населению не только потому, что социальное расслоение внутренне ослабляло господствующее племя, но и потому, что подчиненное племя не чувствовало себя теперь таким униженным. Боев не могли уже считать рабами только потому, что они обязаны были трудиться. Теперь стали трудиться и члены правящего племени.

Итак, бои еще и в этот период играли видную роль в развитии чешских земель. Германские завоеватели как пришли, так и ушли после недолгого периода своего владычества, не оставив после себя значительных следов. Бои же и после падения своей политической мощи, при неблагоприятных для них политических условиях, оставались в течение двух столетий, до конца II в. н. э., главными носителями культуры чешских земель. Поэтому античные авторы придавали большое значение существованию и роли боев, хотя в то время все внимание античного мира целиком было привлечено к действиям маркоманов и квадов. Тацит и другие авторы не раз упоминали о земле боев, названной их именем, вспоминая о великом и славном народе. Описывая современные им события, древние авторы, конечно, и в то время еще слышали об этом выдающемся народе-труженике, живущем на севере, который впоследствии так слился с другим народом, что в конце II в. н. э. совершенно исчез, оставив, однако, о себе самую лучшую память.

Глава X

КУЛЬТУРА РИМСКИХ ПРОВИНЦИЙ

Как известно, в чешские земли с развитой бойской культурой стало широко проникать влияние римской культуры. Толчком для этого проникновения было главным образом сооружение уже упомянутого Римского вала (Limes Romanus) с его лагерями и поселениями. Именно поэтому влияние римской культуры сказалось в первую очередь на культуре прилегающих к валу придунайских областей и Моравии. Впоследствии римская культура и римский образ жизни распространились и дальше, достигнув более отдаленных частей Чехии. Помимо небольшого количества памятников I в. н. э., почти все римские памятники, найденные в чешских землях, относятся ко II в. н. э., к периоду постройки Римского вала и военных укреплений в придунайских областях, ко времени наибольшего расцвета культуры Римской империи (от Траяна до Марка Аврелия), к значительному и важному периоду проникновения этой культуры в чешские земли. Влияние римской культуры было так велико, что в культурном отношении чешские земли являлись как бы римской провинцией, хотя политически они не были подчинены Римской империи.

Как уже указывалось выше, сильное воздействие на Чехию оказывала культура римских провинций, расположенных по среднему и верхнему течению Дуная — от Паннонии до Норика. Эта культура, заимствовавшая прогрессивные методы римской техники, приспособлялась к потребностям и вкусам не римских, местных жителей этих провинций, а также населения, живущего за Дунаем, которое являлось не менее важным потребителем изделий, производимых в римских провинциях. Это стимулировало повышение производительности труда в мастерских, а также способствовало распространению влияния и укреплению мощи Рима в этих землях. В глубь этих областей проникали не только товары. Далекими пределами Римского вала и его самых северных поселений, вплоть до Карпат, стали строиться мастерские по типу римских, как, например, в Пухове на Ваге. Мастерские эти просто наводняли чешские земли своими изделиями и распространяли свою продукцию дальше на север и северо-восток, так что Чехия стала центром этой ведущей уже за ее пределами, действительно внешней, торговли Рима.

В развитии торговли немалую роль играл город Маробудуум, который остался торговым центром и после падения Маробода. Он находился на перекрестке четырех крупнейших торговых путей, идущих сюда с юга от Дуная и с запада от Рейна. Старые пути вели отсюда дальше на север, а через Моравию шел не менее важный путь от Дуная к Одре и далее по этой реке к морю.

Этим объясняется такое обилие поступающих в то время в чешские земли римских товаров. В качестве примера, иллюстрирующего проникновение римской культуры в чешские земли, могут служить римские монеты, найденные здесь в огромном количестве. Обнаружены монеты различных периодов — и старые, республиканские, которые, очевидно, население брало с охотой, и новые, императорские, относящиеся к I в. — золотые, к II в. — большей частью серебряные. В огромном кладе римских монет в Клуцке (у Подебрада), были найдены монеты, выпущенные императорами Гальбой, Веспасианом, Титом, Домицианом, Траяном и Адрианом, то есть монеты за целое столетие. С половины I в. до половины II в. Моравия, а еще в большей степени западная Словакия были так наводнены этими монетами, что только в братиславском музее их насчитывается свыше 18 тыс. экземпляров. Большая часть этих монет, конечно, принадлежала римским легионерам, служившим в гарнизонах военных лагерей и живших в поселениях; но, повидимому, часть этих денег находилась в обращении, использовалась для нужд внутренней торговли.

Товары, распространявшиеся в чешских землях, были самого различного вида. Сюда ввозили даже оружие, несмотря на то, что население этих земель не раз выступало против Рима. У маркоманских воинов, вооруженных по римскому образцу, еще раньше было в ходу римское оружие. Такое положение сохранялось и далее, в частности, здесь сохранились римские мечи, вытеснившие все другие образцы мечей. Римский меч представлял собой тяжелый широкий железный остро отточенный клинок, который вкладывался в железные же ножны; существовал и более короткий меч, отточенный лишь с одной стороны. Получили широкое распространение различные римские инструменты, домашняя утварь, так как по сравнению с местными, кельтскими, изделиями они были намного лучше. Особенно много появилось римской керамики, отличавшейся красотой и необычайной формой. В чешских землях обнаружены исключительные экземпляры, например роскошная миска, найденная в Нератовице, на которой имеется надпись «CIRINNA F(ecit)», указывающая на то, что она была сделана ремесленником Циринной в мастерской в Гейлигенберге, в Эльзасе. Она представляет собой искусство, изящное изделие, так называемую «терру сигилляту» с украшениями в виде фигур Венеры и Геркулеса. В большом количестве распространялась в Чехии и обычная керамика, продукция мастерских из римских провинций. Далее, следует отметить металлические изделия, как драгоценные, которые покупались в качестве

предметов роскоши, так и обыкновенные, для повседневного употребления. Среди них обнаружены и дорогостоящие предметы, как, например, изделия из Капуи, прославившейся техникой литья, на которых имеются клейма мастеров Папилия Феликса, Публиция Ципия и др. Металлической была и посуда, в особенности употреблявшаяся для питья — бокалы и особые орнаментированные ковшики, наиболее красивые образцы которых найдены в Пичхорже; в качестве примера укажем на ушко серебряного кувшина, мастерски сделанное в виде головы козла — совершенный образец эллинистической работы, и ковшик с головой менады (вакханки). Далее обнаружены тазы, один из которых, найденный в Ржепове, тоже украшен головой менады, а рукоятка другого таза, найденного в Пичхорже, сделана в виде бараньей головы. Масса других предметов — простых котелков, тазов, цедильников, ковшиков с ручками и клеймами тех же мастерских, а также других изделий, о которых мы говорили выше, описывая погребальный инвентарь римских придурных поселений, найдена в чешских землях.

Наряду с различной утварью — каганцами и т. д. — повсюду встречаются стеклянные изделия вроде флакончиков, которые чаще всего клались мертвым в могилу, повидимому, в качестве особенно ценного приношения. Всевозможные украшения, в том числе застёжки для одежды, были почти исключительно римскими. Римского же происхождения были роскошные украшения, например ожерелья из стеклянных бус с привеском в виде золотой или позолоченной гирьки, украшенные, кроме того, орнаментом, браслеты из гладкой проволоки с привешенной золотой римской монетой, пояса с богатой отделкой, различные туалетные принадлежности, зеркала из белого металла, гребни и другие предметы.

Ввоз и распространение в чешских землях римских товаров не могли не способствовать распространению здесь римских нравов, обычаев и т. д. Однако самое главное заключалось в том, что римское влияние отразилось и на характере местного производства. Каждый ввезенный предмет и в особенности инструмент требовал особого, умелого обращения с ним. Поэтому в чешских землях менялся самый характер трудового процесса. Предпочтение, которое население отдавало римским товарам, заставляло производителей подобных же предметов обучаться новой, римской технике их изготовления. Местные изделия все более и более приобретали тот же вид, что и римские. При этом, однако, местный, кельтский ремесленник не отказался от уже приобретенных навыков производства. Следы влияния позднеримской культуры сказались и на изделиях, производившихся в римских провинциях; это влияние придавало им особый, специфический характер. Мечи, драгоценности, утварь, инструменты, сделанные в чешских землях по римским образцам, всегда чем-то отличались от римских, и по особым признакам всегда можно узнать местное производство. Местное производство освоило также и совершенно новые технические приемы обработки. Так, грануляция,

филигрань, чеканка безусловно развились под влиянием Рима. Местные производители стали выполнять такие работы, о которых они прежде не имели и представления. Так, например, достигло совершенства производство так называемой «варварской эмали», именно «варварской», так как производилась она не римлянами и не для римского населения, но в методах ее производства были использованы все достижения римской техники.

Серьезное влияние римской культуры на производство не могло не сказаться на нравах местных жителей. Не только женщины, но и мужчины стали лучше одеваться, делать прически, о чем свидетельствуют многочисленные находки туалетных принадлежностей. По свидетельству Тацита, население Германии — так он называет все области, расположенные севернее Дуная, — многое переняло из нравов и обычаев Рима, заимствовав многое также из римской мифологии. Германцы не только знали о Геркулесе, но были убеждены, что и у них он когда-то тоже побывал, почитали его как героя и призывали его на помощь, идя на битву. Об Одиссее они также были осведомлены, так как считали, что во время своих путешествий он побывал и в их землях, и совершали в честь его жертвоприношения. Поклонялись они и египетской Изиде, чему дивился сам Тацит, не понимая, как мог привиться здесь культ, чуждый даже римлянам.

Если некоторые из этих сообщений можно принимать лишь с оговоркой, то все же несомненно одно, что римская культура в течение двух столетий стала основным элементом культуры в чешских землях. Римская культура не только обогащала и вносила новое, но и объединяла, как ни одна другая культура до этого времени. В частности, изделия из металла везде были одинаковы. И если керамика удерживала кое-какие свои специфические, чисто локальные формы и виды, то достаточно было появления одинаковых металлических изделий, чтобы объединить различные культуры племен и народов в одно целое. В чешских землях совершался тот же процесс, который происходил на более обширной территории. Культура Римской империи объединила всю Центральную Европу, включая большие территории на востоке, севере и западе, и положила основу единой европейской культуре. Чешские земли уже тогда, в первых двух столетиях нашей эры являлись составной частью этого объединения.

Глава XI

СЛАВЯНЕ

Нам остается охарактеризовать последнюю составную часть населения чешских земель — народ полей погребений, который, начиная уже со II тысячелетия до н. э., заселял всю северо-восточную Чехию и значительную часть средней и западной Чехии. Принимая во внимание характерную для него лужицкую культуру и другие данные, мы уже установили выше, что это были если не славяне, то, во всяком случае, протославяне, то есть народ, который имел все данные постепенно превратиться в славянский, подобно тому как из народа курганов, обитавшего в южной Чехии, протокекельтов, постепенно сложились кельты. Протославяне были частью большой семьи, частью народа, обитавшего севернее и восточнее Чехии, из которого впоследствии, бесспорно, возникли славяне, подобно тому, как протокекельты были частью большой семьи народа курганов, обитавшего в соседних, южнонемецких областях, из которого образовалось большое племя — кельты. Однако прежние исследователи, в особенности те, кто занимался периодом начиная от последних веков до нашей эры и кончая первыми веками нашей эры, то есть наиболее бурным периодом истории, совершенно упускали из виду народ полей погребений, так что могло казаться, будто его в ту пору в Чехии и вовсе не существовало. К такому же выводу могло привести и приведенное выше изложение истории указанного периода. Тем более необходимо изгладить это ошибочное впечатление. Здесь мы сталкиваемся с проблемой, имеющей кардинальное значение для всего последующего развития нашего народа как народа славянского.

Подлинно революционным переворотом во взглядах на происхождение нашего народа было открытие, что момент появления на нашей территории славян, традиционно относившийся к VI или даже VII в. н. э. (к так называемому пришествию праотца Чеха), можно отодвинуть на целые 2 000 лет назад, ко второму тысячелетию до н. э., ко времени появления на территории Чехии народа полей погребений. Но если это открытие должно было сыграть соответствующую роль в истории происхождения чешского народа, то не менее важно сделать отсюда и дальнейшие выводы относительно взаимосвязей и процесса эволюции от народа полей погребений

к исторически засвидетельствованному народу чехов VI—VII вв. Однако эти выводы пока еще не сделаны, или, лучше сказать, сделанные в этом направлении попытки пока еще не позволяют считать эти взаимосвязи и непрерывность развития историческим фактом. Дело не в том, что эти связи невозможно было установить. Суть дела заключается в том, что прежний метод исследования не столько приближал, сколько отдалял историков от цели. В каждом отдельном случае требовались доказательства в виде материальных или письменных памятников, которые или вовсе отсутствуют, или не отличаются достаточной полнотой. Поэтому результаты часто получались отрицательные. Между тем существуют иные методы, более совершенные по сравнению с методологией, применявшейся историками в конце XIX — начале XX в. Как мы уже не однажды имели случай убедиться выше, новейшая методология опирается на законы исторического развития и учитывает внутренние закономерности явлений. Она же и в данном случае может нам помочь сделать более правильные выводы.

Еще Л. Нидерле в своих классических «Славянских древностях» пришел к выводу, что исторические факты не всегда могут быть подтверждены памятниками материальной культуры. Он убедился в этом на несколько утрированном, но в основе своей последовательно позитивистском методе немецкой науки, изучающей проблему славянства. Дело в том, что немецкая наука всегда отрицала существование славян в тех областях, где это прямо не подтверждается наличием того или иного памятника. Она доходила до того, что из-за отсутствия данных о составе населения восточной Германии в IV—V вв. н. э. предпочитала объявлять эту территорию безлюдной, нежели предположить там наличие славян, которое, впрочем, вскоре было подтверждено и археологическими данными. Нидерле, который в ряде других вопросов тоже стоял на позитивистских позициях, в этом вопросе оказался под влиянием антипозитивиста Шафарика и буквально возмутился. «Какой абсурд! — восклицал он. — Если составить карту Восточной Европы I—II вв. н. э. — то есть того самого периода, о котором идет речь, — исключительно основываясь на сохранившихся свидетельствах, то в ней найдется место для всех существующих и воображаемых племен — германских, кельтских, литовских, финских, дако-фракийских и т. д., но только не для славян. А ведь в этот самый период Птолемей уже говорит о них, что это «народ превеликий», и через 300 лет этот действительно превеликий народ занимал уже почти всю Восточную Европу! Что же это за наука, что за метод, если они приводят к таким нелепостям?»... «Здесь имеется явное противоречие между строгой методологией историка (читай: позитивиста. — З. Н.) и действительностью», — говорит Нидерле. «Здравый разум подсказывает, что если б Птолемей и не упоминал о славянах, как о «народе превеликом», достаточно было бы наличия огромного пространства, на котором славяне уж бесспорно обитали 300 лет спустя, а также их

многочисленности, чтобы мы могли прийти к заключению, что славяне уже во II в. н. э. были великим народом, по меньшей мере столь же многочисленным, как и его соседи — немцы, расселившиеся по всей Германии. Говорю, «по меньшей мере», ибо численность их в позднейшие исторические времена всегда была большей». «...Для меня это аксиома, постулат и предпосылка. Тут должны были быть славяне, несмотря на то, что исторически это не засвидетельствовано», — заключает Нидерле.

К сожалению, это высказывание Нидерле, которое могло означать для нашей исторической науки буквально избавление от оков позитивизма, было оставлено без внимания. Оно нигде не цитируется и совершенно не используется в практической работе историков. Да и сам Нидерле не всегда придерживался его должным образом. Оно никак не было использовано и при разрешении вопроса о существовании славян на чешских землях в промежуточный период между пребыванием оставившего после себя археологические памятники народа полей погребений и появлением исторически засвидетельствованного народа чехов, несмотря на то, что само собой напрашивалось именно такое решение проблемы. И здесь опять-таки здравый смысл подсказывал, что вряд ли могло случиться так, чтобы славянский народ (хотя бы на своей протославянской стадии) прожил 1500 лет, затем на 500 лет совершенно исчез и снова появился, да еще в таком огромном количестве. Поэтому и в данном случае не может иметь решающего значения тот факт, что до нас не дошло от указанного периода точных исторических свидетельств. В данном случае мы можем сказать заодно с Нидерле, что «тут должны были быть славяне, несмотря на то, что исторически это не засвидетельствовано». Приняв это суждение в качестве «аксиомы, постулата и предпосылки», мы не только придем к иным, значительно более правильным результатам, но при этом для нас откроются еще и другие факты, ранее неизвестные, которые направят наше внимание на исследование памятников, еще никогда не упоминавшихся или, во всяком случае, не использованных для этой цели.

Вопрос в основном сводится к следующему: исчезло ли на протяжении рассмотренного нами периода существования бойской, а в дальнейшем маркоманской державы деление на известные нам три области, на которые в течение целых тысячелетий делилась Чехия, а также значительная часть Моравии: область народа унетичко-кновизской культуры в центральной и западной части Чехии, область протокельтского, в дальнейшем кельтского, народа курганов на юге Чехии и область протославянского народа полей погребений на северо-востоке Чехии? На первый взгляд могло создаться именно такое впечатление. Археологи считают Чехию единым культурным целым, историки же — единым политическим целым. И действительно, здесь проявились объединительные тенденции поразительной силы. Сначала латенская культура кельтов не только подчинила своему влиянию, как мы уже видели, все остальное, некельтское

население Чехии, но буквально подчинила себе и другие области, заселенные народом полей погребений, преодолевая различия, существовавшие и между лужицко-силезской культурой на севере и лужицко-силезской культурой на Одре. Затем пришли германцы, которые с помощью грубой силы захватили и подчинили себе Чехию и многие соседние земли. Наконец, отметим влияние культуры римских провинций, которая в культурном отношении нивелировала племена и народы, и в первую очередь народ полей погребений. Мало того, что она, можно сказать, полностью стерла прежние различия между культурой народа, обитавшего в Прибалтике, и культурой того же народа в Силезии; она проникла также далеко на восток, в русские области, населенные родственными племенами. Поэтому неудивительно, если Чехия, как и другие земли, в итоге этого объединительного процесса представляется нам областью единой, общей культуры, в которой сливаются воедино и исчезают все три упомянутые выше области.

Тем более веским доказательством особой устойчивости и самобытности этих областей является тот факт, что, присмотревшись поближе, мы ясно различаем их даже под нивелирующим покровом этой универсальной культуры. Как мы уже видели, в решающий момент вторжения маркоманов даже кельтизация не помешала проявлению прежних различий между севером и югом Чехии — между областью народа полей погребений и областью народа курганов.

Первоначально маркоманы заняли только север — жители Страдонице бежали, видимо, на юг, на исконную кельтскую территорию, и лишь впоследствии переселились в южную Чехию. И вообще владычество маркоманов, видимо, не было в Чехии таким полным, как это могло бы показаться, судя по историческим свидетельствам. А на территории народа полей погребений вслед за маркоманами появились еще и другие германские племена, может быть подчиненные Марободу, но тем не менее сохранявшие свои племенные отличия. Среди них в первую очередь следует отметить уже известных нам коркнотов, живших у подножия Крконошей, затем в Силезии — силингов. Значит, германские племена не потонули в маркоманском море. Почему же это должно было произойти с гораздо более самобытным народом полей погребений — с чешскими и силезскими славянами? Наоборот, именно наличие этих отдельных племен, как мы сейчас убедимся, является доказательством того, что тут же, рядом с ними, были и славяне.

Римская культура, как самая высокая культура данной эпохи, разумеется, оставила повсюду — в том числе и у народа полей погребений — глубокие и прочные следы. Но разве она денационализировала его? Разве она уничтожила его протославянские корни? И вообще, уничтожила ли она различия между указанными тремя областями Чехии? На все эти вопросы мы получим ответ, если присмотримся к тому, в каких формах проявляется — если вообще

проявляется — это древнейшее отличие областей Чехии послеримского периода от Чехии уже бесспорно славянской. Ведь совершенно очевидно, что еще в эпоху языческих князей буквально бросаются в глаза археологические, так же как и антропологические, различия между населением северной и южной Чехии. И. Матейка установил различия между чешскими племенами позднейшего происхождения по степени их ассимиляции с исконным, древнейшим населением отдельных областей. Но различия этих племен, разумеется, не случайно варьируются в каждой из трех областей. Особенно много их на территории, заселенной некогда народом унетицко-кновизской культуры, население которой уже в доисторические времена имело меньше всего единообразных племенных черт, начиная от пшован, обитавших на Изере, далее лучан и лемузов, живших у подножия (Крушных) гор, вплоть до хебанов. Наоборот, на территории кельтской южной Чехии и на протославянском северо-востоке Чехии, в районах с более выраженным характером племен, еще в древнейшие времена этих племен было гораздо меньше, но зато каждое из них было более многочисленным. Они охватывают большую часть населения данных областей. Сюда относится находившееся на юге Чехии крупное племя дудлебов, а на северо-востоке, на общей территории с народом полей погребений — могучее племя хорватов.

Однако это явление имеет место не только в далеком прошлом. То же мы наблюдаем в наречиях чешского народа еще и по сей день. В диалектологическом отношении Чехия и сейчас делится на три основные области: юго-западную, средне-чешскую и северо-восточную. От человека, который изучает различия между отдельными областями, не ускользнет различие, существующее по сей день между чешским югом и севером, а также между северо-востоком и северо-западом.

Итак, первоначальные три области Чехии (то же относится к Моравии и Силезии) отнюдь не исчезают под наслоением сначала латенской, затем римской культуры. Тем более не исчезают они под влиянием временного владычества германских племен. В процессе развития меньше всего утрачивает свои особенности протославянский северо-восток, как это доказывает конечная победа коренного славянского элемента над всеми остальными, что и определило образование во второй половине первого тысячелетия н. э. единого, уже всецело славянского, чешского народа.

Больше того, именно в период римского влияния в I—II вв. н. э. процесс славянизации народа полей погребений в чешских землях, как и повсюду, заметно прогрессировал. Оставив в стороне вопрос о возникновении и развитии так называемой трипольской культуры, имевшей такое большое значение для развития славянства в южной Руси и славянизации восточно-европейской Сарматии, мы ограничимся событиями, оказавшими непосредственное влияние на укрепление славянского самосознания в чешских землях.

Прежде всего мы имеем в виду выступление первого, уже несомненно славянского, племени венеков, известного в то время главным образом в Прибалтике, где по его имени широкая излучина Балтийского моря называлась «Венедским заливом». Венеды занимали, видимо, и внутреннюю часть материка вплоть до самых Карпат, так как в источниках упоминается также о Венедских горах — а это могут быть только Карпаты, так как начиная от Прибалтики и далее на всей северогерманской равнине нет никаких гор. Это согласуется также с высказыванием Тацита в I в. и Птолемея во II в. н. э. о венедах как о «превеликом народе». Значит, под этим именем разумеется не какое-либо отдельное племя венеков, но, по всеобщему признанию археологов и историков, вообще славяне, населявшие эту обширную территорию. Они появились здесь в более ранний период, как показывает их название, явно кельтского происхождения: *vīndos*, по-кельтски — белый. Очевидно, кельты характеризовали этим словом более светлых по сравнению с ними славян. Очень часто славян называли так и в более позднюю эпоху (белохорваты, белорусы; того же происхождения и античное название Вены — Виндобона: *vīndos + bōna*, то есть белое поселение — Белград). Значит, славяне, несомненно, существовали уже в тот период, когда кельты если и не были господствующим элементом, то, во всяком случае, обладали значительным удельным весом. А было это за несколько столетий до описываемого периода. Между тем, только у античных авторов I—II вв. н. э. встречается сообщение о венедах; это сообщение является вместе с тем первым письменным свидетельством о славянах.

Однако факт появления такого свидетельства именно в I—II вв. н. э., а не в другое время, отнюдь не является случайностью. Эта неожиданная заинтересованность и осведомленность античного мира о никогда ранее не упоминавшихся славянах, обитавших на севере, имела под собой совершенно реальные основания. Как мы знаем, древний мир с незапамятных времен очень ценил янтарь. Эта окаменевшая смола с ее чудесной окраской в короткий срок завоевала такую любовь во всей тогдашней Европе, что временами она ценилась дороже золота. Мы встречаем ее среди древнейших находок в чешских землях и в других областях на территории Центральной Европы, так же как и в микенских могилах, позднее — в Греции, а в упомянутый период — в Риме. Но в относительно больших количествах янтарь обнаружен был только в двух местах, расположенных далеко на севере: в Скандинавии — на ютландском побережье — и на побережье Балтийского моря. Сюда купцы всех стран и эпох издавна предпринимали экспедиции в погоне за этим драгоценным веществом, несмотря на то, что пробиться через непроходимые леса и болота в те времена (экспедиции эти начались еще в эпоху неолита) значило преодолеть колоссальные препятствия. Главным объектом их устремлений долгое время являлся ютландский янтарь, но купцов с юга манили сюда и другие изделия, относящиеся к высоко

развитой нордической, то есть скандинавской, культуре. Однако в последние века до нашей эры положение существенно изменилось. Внимание купцов стал привлекать уже не ютландский, а прибалтийский янтарь, в больших количествах обнаруживаемый во время прибоев в песчаных дюнах здешнего побережья. Теперь торговцы янтарем ориентировались в первую очередь на Прибалтику.

На этом побережье жили славяне-венеды. Римские купцы — торговцы янтарем, естественно, познакомились со славянами и принесли вести о них. Таким образом венеды стали известны и античным географам и другим авторам. Это было как раз в I в. н. э., когда при императоре Нероне — то есть незадолго до появления свидетельства Тацита о венедах — какой-то римский всадник выступил с планом экспедиции в Прибалтику, имеющей целью возобновить и наладить ввоз янтаря, торговля которым находилась под угрозой прекращения из-за военных действий и смут. Но этот усиленный интерес античного мира к славянам не мог не отразиться и на пробуждении самосознания чешских племен и соседних протославян, ибо известие о великом и родственном народе не могло не проникнуть к ним вместе с начавшимся оживлением торговли янтарем, тем более, что основная торговля янтарем шла как раз через чешские земли: по р. Одре, затем через Моравию и далее к югу уже по римской территории.

К этому времени по соседству с Чехией, за Крконошскими и Орлицкими горами, сложилось уже большое славянское племя — лугии. То были места, откуда вышли некогда и наши протославяне, продолжавшие поддерживать постоянную связь со своей родиной, населенной также народом полей погребений с его лужицко-силезской культурой, места, откуда чешские протославяне не однажды получали свежие пополнения. Таким образом в I—II вв. н. э. на историческую арену выступили и лугии. Мы уже неоднократно встречались с ними: в эпоху Маробода, когда они, по свидетельству Тацита, входили в состав населения его разноплеменной державы, затем в период вооруженной борьбы при Ваннии и еще позднее, когда их отряды, проникнув в Угры (Венгрию), выступали на стороне Рима против квадов. Однако роль, которую лугии играли в чешской истории, значительно важнее их участия в описанных выше отдельных исторических событиях. Особое значение имел тот факт, что лугии способствовали росту славянского самосознания у чешского народа полей погребений.

В настоящее время едва ли можно сомневаться в том, что лугии были славянами. Дело не только в том, что самое их название бесспорно славянское. Существует мнение, будто его нельзя производить от слова *луг*, как бы ни был соблазнительен этот вариант, подсказываемый сходством их племенного названия с названиями позднейшего происхождения — *Лужицы*, *лужичане*. Слово *луг* якобы включало еще назальный звук и произносилось *лонг*; следовательно, по-латыни лугии должны были называться *лонгии*,

а не *лугии*. Однако у Л. Нидерле имеется иное толкование, не столь поэтическое, но тоже говорящее в пользу славянского происхождения племени лугиев. Существовало слово *луг*, означавшее болото, трясины (ср. чешское *louže*). Это слово, в частности, хорошо передавало характер почвы на равнинах, где жили лугии. Среди названий лугийских племен, поскольку они нам известны и понятны, выделяется племя со славянским названием *мугилонов*, это явно славянское *могиляне*. Славяне вообще охотно создавали слова, производные от *могила* (.у чехов — *Могельнице* и т. д.).

Но гораздо больше, чем анализ этих названий, дают нам сведения о самих лугиях, которыми мы располагаем. И Страбон, и Тацит, и Птолемей говорят о них, что это был народ превеликий, который складывался из множества племен. Значит, и в данном случае название *лугиев* было собирательным именем, обозначающим всех членов этой большой семьи. Жили они на обширном пространстве: по Страбону, между Чехией (*Boiohaemum*) и семнонами, по среднему течению Лавы, по Тациту — где-то за чешскими горами, причем племена и общины были разбросаны и находились на далеком расстоянии друг от друга; по Птолемию, от Исполинских гор и истоков Вислы до самой Варты, иначе говоря от границ Чехии и далее на северо-восток, на землях, где более тысячи лет тому назад жил протославянский народ полей погребений. Поэтому и отношение лугиев к земле было совершенно иное, чем у других племен, появившихся в этих местах. Это особенно ярко выявило в последствии, в эпоху «переселения народов». За исключением лугиев, все остальные племена ушли из этих мест. Они испытывали гораздо большее тяготение к своей земле по сравнению с кочевыми племенами, искавшими здесь только добычи. Об этом говорит также тот факт, что главным их занятием было земледелие. Не случайно высказывалось мнение, что именно в этих местах из этого народа выросла та часть славянства, которую мы называем западными славянами. Действительно, здесь впоследствии жили полабские славяне с лужичанами, чехами и поляками, причем ответвления их уходили далеко на восток и на запад.

Возможно ли, чтобы это развитие лугиев в большой славянский народ и их появление на мировой арене в качестве самостоятельного и могучего народа не оказали влияния на народ полей погребений в Чехии? Ведь оба эти народа издавна были связаны теснейшими узами не только ближайшего соседства, близкого родства, но и узами еще более крепкими — экономического и культурного единства! Мог ли народ полей погребений, живший в Чехии, не черпать в этом единстве новые силы, не подниматься все выше и выше, если он видел — а он не мог не видеть — мощный подъем близкого ему народа за соседними горами, через которые то и дело совершали переходы представители обоих народов, — из Силезии через Исполинские, Орлицкие и Есеницкие перевалы в чешские земли и, наоборот, оттуда на территорию лугиев, в Силезию.

Наконец, отметим третий этап бурного подъема тогдашнего протославянского или уже полностью славянского населения в Центральной Европе: продвижение славянских племен за прежние границы его расселения, главным образом в южном направлении. Это были не только лугии, из которых, в частности, племя буров проникло на юг от Карпат. Мы встречаем здесь другой народ, народ лужицко-силезской культуры. А так как эта культура относится уже ко второй лужицко-силезской стадии развития, а первоначальной, чисто лужицкой стадии мы здесь не находим, то мы вправе предполагать, что проникновение народа полей погребений на юг имело место уже в период второго этапа развития лужицкой культуры. В данный же период, в I—II вв., продвижение славянских племен зашло уже, видимо, весьма далеко, судя по тому, в каком звучании до нас дошло название реки Тиссы. Все античные авторы приводят его в славянской транскрипции — *Патисос*, то есть называют Тиссу так, как славяне любили называть области по течению больших рек: Придунайская, Прибалтийская, Присазавская, значит, и Притисская. В эти места славяне, видимо, проникли по Вагу и Грону. Они проникли еще дальше — через восточные Карпаты — на юг, вплоть до нижнего Дуная, перешли через него и двигались все дальше, вглубь, на Балканы.

Таковы передвижения, происходившие в I—II вв. н. э. в тогдашнем славянском мире. Несомненно, это и было главной причиной, по которой именно в этот период славяне привлекают внимание античного мира. Дело было не столько в янтаре, сколько в передвижении славянских племен, которое заставляло Тацита, Птолемея и других авторов внимательно следить за славянами, писать о них как о народе великом, могучем, многоплеменном и совершенно отличном от всех остальных — от кельтов, германцев, фракийцев и иллирийцев. Наконец, не случайно должно быть и то, что именно в данный период у античных авторов среди различных искаженных названий уже встречается и местное название этих племен — *славяне*. Так получило разгадку употреблявшееся Птолемеем название племени *ставаны*, которое Шафарик читал *стклаваны*, как звучала бы греческая форма слова *словены*, которым славяне сами себя называли; славянское *сл* у греков и римлян обычно переходило в *стл*, *скл*, *сткл*. Но слово *ставаны* и по-славянски лучше производить от *став*. Однако у Птолемея встречается и другое название — *суобены*, которое фонетически, то есть на слух того, кто его записывал, весьма созвучно с местным славянским наименованием — *словены*. Итак, не случайно, что мы именно в данный период встречаемся с первым историческим упоминанием о «славянах».

Однако не только на эти данные, характеризующие передвижение славян за пределами чешских земель, можно сослаться как на более или менее надежные свидетельства об укреплении и оживлении славянских племен и в Чехии. Имеются и прямые доказательства. Это прежде всего названия географических пунктов и племен,

заимствованные в те времена нашими предками от иных, не славянских племен, но приспособленные для славянского слуха и речи, переданные по наследству нам, преемникам и потомкам, названия, которыми мы пользуемся и по сей день. А это, разумеется, могло иметь место лишь в тот период, когда наши предки находились не в кратковременном и случайном, а в живом общении с этими чужими племенами. При случайном характере общения народ не перенимает чуждых ему названий предметов. Тем более это относится к племени, живущему относительно замкнутой жизнью. Здесь должны были сказаться длительное общение и тесные связи. Но в случаях, о которых идет речь, это влияние опять-таки возможно было установить только в I—II вв. н. э., как это можно продемонстрировать на каждом из этих названий.

Остановимся сначала на слове *Крконоши* (Исполинские горы). По Птолемею, там обитало — то ли на чешской, то ли на силезской стороне — знакомое нам племя корконтов, название которых бесспорно связано с названием *Крконоши*. Остается решить вопрос, кто от кого перенял это название. Однако вряд ли *Крконоши* исконно славянское название, так как по своему смыслу оно совершенно абсурдно (буквально значит — носить шею?). Зато совершенно в духе народной практики фонетически ассимилировать, приспособить чужое слово (в данном случае — *корконты*) к собственному языку, не считаясь со смыслом полученного слова. Так южные славяне переделали латинское название острова Курикум на славянское не имеющее смысла название *Крк* (шея, горло). Подобным же образом чешские славяне переделали чужое *корконты* на *Крконоши*. При этом, если слово *корконты* — правильное, то в своей первоначальной славянской форме оно должно было звучать *Краконоше*, ибо в старославянском языке за слогом *корк* следует чередование — *крак*, *крок* (ср. Крок, Краков). Характерно, что эта же форма до сих пор сохранилась, правда, не в названии целого горного хребта, а в названии одной из чешских гор и в имени известного горного духа Исполинских гор — Краконоша.

Кто же такие были корконты? Это было, повидимому, небольшое племя, жившее на одном из отрогов Исполинского хребта, так как всю чешскую территорию почти до самых гор занимал народ полей погребений, а на силезской стороне поселился многочисленный народ лугиев. Вероятно, это было настоящее горное племя, обитавшее в долинах между Исполинскими горами и ближайшим предгорьем. Таким образом, в глазах протославян, живших по обеим склонам хребта, этот народ был совершенно типичным горным народом, живущим у Исполинских гор. Поэтому было совершенно естественно, если чешские славяне, более могущественные, чем корконты, тем не менее назвали Исполинские горы *Крконошами* по имени этого небольшого племени. Разумеется, это название могло возникнуть лишь в то время, когда существовали корконты. Не позднее III в. н. э. они уже исчезают. Неясно, были ли они погло-

щены соседними народами или переселились отсюда вместе с другими, главным образом германскими, племенами, которые к тому времени также исчезают из этих мест. Значит, именно, в I или II в. название *Крконоши* должен был унаследовать оставшийся здесь народ. Итак, в этих краях существовал если еще не славянский, то протославянский народ полей погребений. Этот народ должен был уже пройти определенные этапы развития в сторону полной славянизации, если он мог переделать в соответствии со славянским стилем слова, донныне находящиеся в нашем употреблении.

Но слово *Крконоши* в этом смысле не единственное свидетельство. Аналогичным путем возникло в тот период и название *Силезия* (*Слезско*), опять-таки бесспорно связанное с именем обитавшего здесь, уже знакомого нам племени силингов. Это было весьма воинственное племя. Во второй половине II в. оно вместе с вандалами направилось на юг, к Дунаю, где шла война, а затем дальше на запад, дошло с вандалами до самой Испании, где и было полностью уничтожено в начале V в. Для силезских равнин это племя, видимо, играло ту же роль, что для Чехии маркоманы, — это были не столько обитатели, сколько завоеватели. Но это племя дало свое имя земле, до того времени безымянной, ибо нет сомнения, что из названия *силинги* возникли как латинское название *Силезия*, так и славянское название *Сленг*, от которого произошли и чешское *Слезско*, и польское *Шлёнск*, и, наконец, немецкое *Шлезия*. При этом время появления этого названия определяется еще точнее, нежели название *Крконоши*: оно должно было возникнуть перед упомянутым переселением силингов к Дунаю во второй половине II в.

Третье название *Ракоусы* опять-таки представляет собой славянизованное название обитавшего там племени ракатов. Вероятно, это слово переделала и славянизировала моравская часть народа полей погребений, так как она жила дальше всех к югу, в непосредственном соседстве с племенем ракатов. Протославянские элементы проникали, вероятно, и в самые Ракоусы (Австрию), как это показывает название речки Ведня, давшей имя возникшему здесь городу Видню (Вена), ибо славянское и чешское название (Вены) *Видень* и немецкое *Вин* произошли не от чужестранного имени *Виндобона*, а от славянского названия речки (современная Виденька).

Наконец, *Карпаты* — название особенно интересное и красноречивое. Уже у Геродота встречается *Карпис*, название притока Дуная. Зато у Птолемея встречается и племя карпов, представлявших, по его словам, «род людей, хорошо снаряженных для войны». Они также двинулись в конце II в. на юг и дошли до реки Дравы, в Паннонии, где их след теряется. Наше современное название *Карпаты* несомненно связано с названием этого племени, так же как название горного хребта *Татры* является производным от

племени тагров, населявших земли неподалеку от этого хребта. Название *Бескиды* произошло тоже от какого-то неизвестного нам племени; в то же время название *Магура* явно ассоциируется у нас с древними личными именами Магуриус, Магуриа.

Но самое важное заключается в том, что от слова *Карпаты* некоторые видные филологи производят слова *хорват*, *хорват*. Не от *хрб*, как толковал это название еще Шафарик, а от названия горного хребта, неподалеку от которого действительно простирается обширная область хорватов, глубоко вдающаяся в Чехию. Что же касается южных хорватов, то большое значение придается тому обстоятельству, что в Хорватии на Драве жило, очевидно растворившееся среди тамошнего населения, племя карпов, от которого произошли названия *Карпаты* и *хорваты*. И опять-таки это скорее всего могло произойти во II в. н. э., до ухода племени карпов от Карпат на юг.

Здесь же надо сказать о некоторых названиях рек. Так, *Лаба* — несомненно славянизованная форма латинского наименования *Альбис*. Правда, в данном случае не исключена возможность обратного явления. *Лаба*, может быть, исконно славянское слово (от названия племени, от которого произошли и слово *лабуть* — лебедь — и другие слова, в славянских языках связанные со словом вода), а латинское название *Альбис* — славянское слово, переделанное на латинский лад. Так или иначе, подобное превращение могло произойти только в период наиболее оживленных сношений с Римом, и вообще с латинским миром. Такова же, вероятно, история названия реки Моравы. В античных источниках она называется *Марг* (отсюда по-немецки река Моравя и сейчас носит название *Марх*). Но славянское название *Моравы* произошло не от слова *Марг*. Это название (Моравы) слишком распространено в славянских землях — в Чехии, Польше и у южных славян, чтобы его можно было считать переделкой названия одной какой-то реки Марг. Это собственное славянское имя, которое, должно быть, первоначально означало *воды*, так как не случайно это название всегда присваивается рекам или потокам. Уже от этого имени возникло производное слово *Моравы* для обозначения местности. В словацком языке до сих пор сохранилось выражение *зеленая моравы* для обозначения травянистого, сырого места. Значит, не от слова *Марг* произошло слово *Моравы*. Но дославянское наименование *Марг* могло быть присвоено славянами и этой реке, название которой и ранее начиналось подобным образом, причем они воспользовались излюбленным и распространенным у них названием *Моравы*.

Итак, не только такие старокельтские имена, как *Ржип* (*Pun*), *Изера*, вошли в язык народа полей погребений еще в далекие времена до нашей эры, а затем уже перешли в наш язык, — хотя это достойно упоминания как доказательство непрерывности перехода однажды принятого наименования из поколения в поколение, вплоть до данной эпохи. В I—II вв. н. э. процесс создания

географической терминологии продолжался, что подтверждает активность протославянского народа полей погребений в то время.

Имеются доказательства преемственности, существовавшей между протославянами или славянами I—II вв. н. э. и позднейшими, уже окончательно сложившимися в начале средневековья славянами в Чехии, которая установлена на основании изучения памятников материальной культуры. Связи эти легко проследить по памятникам культуры римских провинций, оказавшей, как известно, особенно сильное влияние на народ полей погребений. Влюбой, даже самой бедной могиле лужицко-силезского типа мы непременно находим следы влияния этой культуры. Об этом свидетельствуют предметы, сделанные по римскому образцу, найденные не только в Чехии, но и далеко на востоке, во всей области народа полей погребений и даже на Руси, так что могло создаться впечатление (многие и утверждали это), будто этот народ вовсе исчез, а его сменил совершенно другой, находящийся под сильным влиянием римской культуры. Однако это абсолютно неверно. Наоборот, было совершенно естественно, если народ полей погребений, не обремененный в такой мере латенскими традициями, как народ курганов, а позднее бои, для которых латенская культура была народной культурой, — воспринимал римскую культуру гораздо непосредственнее, а потому и полнее, как наиболее передовую культуру той эпохи. Однако он не растворился в ней, не исчез бесследно. Народ полей погребений отбирал из наследия римской культуры то, что ему казалось более подходящим, и отбрасывал все лишнее, что ему не подходило, приспосабливая для своих нужд не только чужеземные изделия, но даже имена, названия и т. д. Поэтому этот народ не исчез под натиском римской культуры, как это утверждают некоторые историки. Для нас особенно важно отметить тот своеобразный метод освоения славянами римской культуры, который дает о себе знать и в позднейшие времена у исторических, окончательно сложившихся славян как в Чехии, так и в других странах, причем этот метод настолько характерен, что по нему мы без труда узнаем славян. Все это равным образом подтверждает не только факт существования, но и повышенную, активную деятельность народа полей погребений, наблюдавшуюся в Чехии в тот период.

Как указывает Л. Нидерле, для славян особенно характерны два вида изделий римского производства. Прежде всего римская керамика, которая изготавливалась в тот период (I—II вв. н. э.) в придунайских провинциях — Реции, Норике и Паннонии, откуда ее производство распространилось и за Дунай, появилась также и в Чехии. Это были очень хорошие, прочные и вместе с тем красивые сосуды в форме кувшина с отлого изогнутым краем, под которым тянулась полоса, украшенная типичной для римской керамики волнистой линией. Но особенно отличались они своим превосходным

обжигом, который производился только римлянами в своих печах. Эти гончарные сосуды буквально звенели, издавали резкий, как бы чеканный звон. В I—II вв. они завоевали в Чехии чрезвычайную популярность. Именно к этому периоду относятся многочисленные находки этих сосудов в Чехии и Моравии. Но такие гончарные изделия сохранялись у нас еще и спустя сотни лет, между тем как в других землях они исчезли. Для исторических славянских городищ в Чехии второй половины первого тысячелетия н. э. они настолько типичны, что получили название городищной керамики.

Из украшений, распространенных в то время, отметим так называемые височные кольца — металлические кольца, подвешиваемые на ремешках по обе стороны уха. В I—II вв. это украшение было весьма распространено сначала среди романизованных жителей провинций к северо-востоку от Адриатического моря. Вскоре оно появилось и в придунайских землях, а оттуда перешло в Чехию. У исторических славян VII и последующих веков оно пользуется еще большой популярностью, хотя в римских провинциях мода на него к тому времени давно уже исчезла. Наличие височных колец позволяет даже отличить славянские могилы от не славянских, так как только славяне пользовались в то время этим украшением. На степень его распространения в чешских землях указывает уже тот факт, что в одной Чехии эти украшения были обнаружены более чем в 150 местах; немало их было найдено также в Моравии и Силезии. Вообще можно предполагать, что в тот период здешнее население под римским влиянием стало больше ухаживать за волосами, о чем говорят многочисленные находки гребней в могилах того времени, на это же указывают и древние слова *чесать* и *гребень* (оно произошло от слова *грести* — разделять воду веслом). Эти слова сохранились у чехов и других славянских племен также и в последующие времена.

Имеются, однако, и другие, не менее красноречивые памятники, свидетельствующие о существовании и активности славян в Чехии в указанный период. Основными предметами торговли, за которыми приезжали в Чехию в ту пору иноземные купцы, были мед, воск и пушнина. Но поставщиками меда не могли быть германцы; вряд ли ими были и бои. Еще у Геродота говорится, как о характерной черте славян, что они заботливо ухаживают за пчелами. И у чешских протославян, повидимому, были в изобилии мед и воск. Они перерабатывали мед, превращая его с помощью брожения в знаменитую впоследствии чешскую медовину. А в позднейший период они и дань платили медом. Поэтому нетрудно догадаться, кто уже тогда, в I—II вв. н. э., поставлял наибольшее количество меда и воска римским и иным купцам, приезжавшим за этими товарами. Что же касается пушнины, то из Чехии вывозились главным образом беличь и куньи шкурки. Причем опять-таки необычайно характерно, что иноземные купцы научились называть эти шкурки

славянскими именами: чешское название *везерка* (белка) перешло в латинское *viverra*, а чешское слово *куна* (куница) — в греческое *каунаке*. Так что и в этом случае мы видим, что первые торговые связи иноземных купцов со славянами устанавливались в Чехии.

Наконец, очень интересно проследить римское влияние, сказавшееся в обрядах и обычаях народа полей погребений. Влияние это можно проследить и впоследствии у народов уже законченно славянского типа.

Некоторые следы римского влияния сохранились до наших дней прежде всего в погребальных обрядах. Однако необходимо отметить, в частности, что римский обычай захоронения мертвых, а не сжигания их, не привился у народа полей погребений. И слово *rakev*¹, сохранившееся от периода римского влияния (возникшее от латинского *arca*), было и до наших дней осталось только в письменных памятниках, не получив распространения в народной речи, как не получил распространения у народа полей погребений и обычай погребения мертвых. Но зато очень глубоко внедрилось у этого народа распространенное в античном мире представление о том, что покойника должен перевезти на тот свет через реку вечный перевозчик Харон. Эта легенда и в античную эпоху имела народные корни, ибо она не только отвечала народному поверью о том, что душа отлетает из мертвого тела куда-то в неизвестность, но и облекала душу плотью и придавала ей такой вид, при котором эту душу можно было перевозить в другой мир. Славяне, любившие все поэтизировать, заимствовали и переделали также и это сказание. Мы можем судить об этом по находкам, сделанным в могилах: покойнику клалась монета для уплаты перевозчику, так как Харон в античном сказании принимал плату за перевоз. В чешском похоронном обряде этот обычай сохранился даже в христианскую эпоху, а по свидетельству Божены Немцовой, еще в ее время в Словакии кидали монеты в могилу. По словам В. Гайка, после смерти Либуши Пржемысл дал ей с собой на тот свет целые мешки серебра и золота «для кормчих и гребцов»; то же было якобы сделано и при погребении Пржемысла. Об этом обычае рассказывается и в чешских сказках. Какую важную роль играет в них перевозчик, когда кто-либо отправляется в путь за тремя золотыми волосами Деда Всеведа!

В быт славянского населения чешских земель вошли и другие, связанные с радостями жизни римские обычаи, о происхождении которых говорят их иноземные названия, переделанные на чешский лад. Так, *коляда* (от римских *календ*) перешла к чехам от римских колонистов, живших по Дунаю во времена наибольшего распространения обычаев, связанных с календами, то есть в период процветания императорской власти. Слово *русалка* ведет свое происхождение от римских *розалий*, буйного праздника вакханок,

¹ «Rakev» — по-чешски означает гроб. (Прим. перев.)

совпадавшего с периодом цветения роз, во время которого устраивались игрища с ряжеными. Все это перешло к славянам и сохранилось даже в христианскую эпоху. Вопреки церковным запретам, в разгар лета, в первый понедельник после троицына дня, устраивался праздник русалок. В Моравии до сих пор сохранился праздник под названием «езда королей» с драматическим сюжетом и шествием ряженных. Или возьмем, например, свадебный обычай, распространенный в старое время в Чехии и Словакии, — давать жениху и невесте яблоко. Это тоже был первоначально греко-римский обычай (яблоко — символ плодородия). Если к славянам перешли ранее упомянутые нами обычаи античности, то, вероятно, и этот обычай был наследием Рима.

Наконец, достойна упоминания та популярность, какую приобрело у славян имя императора Траяна. Л. Нидерле объясняет это военными успехами Траяна в Дакии. Однако мне представляется более близким к истине и правдоподобным иное объяснение. Славяне застали культ императора Траяна, строителя Римского вала, принятый в лагерях и поселениях этой линии укреплений и вообще у римских колонистов придунайских областей, население которых, естественно, чтит Траяна как основателя этих поселений и своего патрона. Но каково бы ни было происхождение этого культа, любопытно, что в представлении придунайских славян Траян также фигурирует как герой и даже сверхъестественное существо, а в старинном югославском фольклоре он фигурирует как один из богов, в духе того культа императоров, какой существовал у древних римлян. В Чехии этот культ Траяна не удержался, но следы его сохранились в виде названий населенных пунктов — Троянов, Трояновице — и в некоторых собственных именах, сохранившихся в последующие века.

Итак, мы видим, что славяне восприняли римскую культуру не только умом, но и сердцем. И если на колонне Траяна в Риме группа людей — как полагают, изображающая славян, — в отличие от других радостно приветствует императора, это полностью отвечает истине. Таково было в действительности отношение славян к Риму как носителю новой и более высокой культуры. Вопрос заключается только в том, происходило ли все это в указанный период или позднее. Несомненно одно — чешский народ никогда не приходил в такое близкое соприкосновение с римским миром — не только официально, но и в частном порядке, как это было во II в. н. э. Уже в III в. положение изменилось, а в последующие времена подобная близость отношений больше не повторялась. Таким образом, у нас имеются все основания относить период особенно сильного влияния римлян на славянство именно к I—II вв. н. э.

Но если это так, то должно быть в корне изменено общепринятое представление о чешских землях той эпохи. Прежде всего без всяких оснований, без всяких объективных доказательств было не только преувеличено, но просто-напросто неправильно представление о преобладании здесь германского влияния, основанное только на лож-

ном понимании значения маркоманского господства в Чехии. Германское влияние на чехов и другие славянские народы проявилось значительно позднее, после возникновения организованной и могущественной германской империи франков. Но в тот период (I—II вв. н. э.) германцы сами находились в подчинении у других государств, и в первую очередь Рима. Вообще нет даже смысла объявлять, например, добржиховскую культуру германской. Наоборот, необходимо отметить, что на первый план заметно выдвинулся славянский элемент, что означало дальнейший рост и внутреннее усиление народа полей погребений, который был предками славян. Таким образом, становится понятным и логически объяснимым дальнейший процесс развития. Кельтская культура, представляемая боями, в своей позднелатенской стадии, в конце II в. н. э., уже не играла никакой роли, так как наряду с ней успела укрепиться значительно более прогрессивная римская культура. Однако эта последняя не имела в Чехии этнической силы, она не могла латинизировать чешские земли, как она латинизировала Западную Европу. Слишком развились и окрепли к этому времени сначала кельтский, а затем славянский типы культуры. Но римское влияние, разумеется, содействовало развитию славянской культуры как наиболее восприимчивой к усвоению римской культуры, так что в данный период славянская культура становится если не ведущим, то уж во всяком случае одним из главных элементов культурного развития в чешских землях. Так был сделан дальнейший, если не решающий, шаг вперед, в сторону окончательной славянизации как народа полей погребений, так и вообще всей Чехии.

Современники не могли этого не видеть, в чем можно убедиться, если проанализировать их свидетельства с этой точки зрения. Много ученого глубокомыслия было проявлено при расшифровке встречающихся у Птолемея слов *Bainohaimoi* и *Baimoi*. Между тем, первое слово представляет собой явное искажение названия *Boiohaemum*, в германском звучании оно произносится *Batgheim*. Остается неясным, что означает второе слово — *Baimoi*. Очевидно, оно обозначало обитателей Бойохема, ибо, несомненно, от *Boiohaemum* произошло слово *Baimoi*. Однако вряд ли оно обозначало население Бойохема в целом, так как римляне слишком хорошо знали маркоманов и квадов, чтобы обозначать их общим именем по наименованию страны, в которой те временно обитали. И действительно, римляне всегда называли эти народы их собственными именами. По той же причине это слово не могло обозначать боев, которые точно так же всегда выступали под своим собственным именем. Итак, сама собой напрашивается догадка (на это обратил внимание еще Л. Нидерле), что именем *Baimoi* обозначался народ полей погребений, весь облик которого типичен для чешских земель как земель славянских. Птолемей называет *Baimoi* «великим народом». Значит, это не племя, а народ, который мы назвали народом

полей погребений. Тем больше оснований думать, что такой народ действительно существовал в Чехии.

Итак, мы видим, что и в истории чешских славян века I и II были периодом, имевшим большое значение. Поэтому, а также по той причине, что приведенные нами соображения представляют собой нечто совершенно новое в чешской историографии, которая до сих пор вообще не занималась историей славян I—II вв., мы несколько задержались на истории этого периода. Правда, Л. Нидерле многое сделал по этому вопросу, изложив свои взгляды в уже упомянутых трудах. Он исследовал характер заимствования славянами чужеземных наименований, относящихся к тому времени, указал на происхождение позднейшей славянской городищной культуры и ее зависимость от культуры римских провинций I—II вв., установил влияние римских обычаев в народной традиции славян и, наконец, раскрыл значение наименования *Vaimoi*. Однако и он не сделал необходимых выводов. Он так и остался в плену представлений о преобладании германской культуры в Чехии I—II вв. н. э., хотя сам же ограничивал период пребывания маркоманов и квадов в чешских землях весьма коротким сроком и относил следы германского влияния на славян к значительно более позднему периоду. Кроме того, злополучное представление о якобы непрерывно продолжавшемся в ту эпоху переселении, исчезновении и появлении племен и народов помешало ему составить ясное представление о развитии культуры чешских земель, население которых жило здесь и трудилось свыше тысячи лет, сохраняя свою самобытную культуру даже при наличии влияния более сильных иноземных культур. В нашем изложении впервые приводятся эти данные со всеми вытекающими из них последствиями. Вот почему мы вынуждены были приводить конкретные доказательства, вдаваясь порой в детали. Не будем об этом сожалеть. Как мы убедимся далее, это обстоятельство прольет новый свет и на последующую историю чешских земель, на возникновение и дальнейшее развитие чешского народа.

Глава XII

ПЕРИОД УПАДКА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Получив представление о влиянии, которое оказала римская культура на чешские земли, нам будет легче понять, что означало для них падение Римской империи. Событие это изменило общий облик всего тогдашнего мира, в том числе и чешских земель. Помимо культурных связей, о чем говорилось выше, Чехия имела еще и непосредственные точки соприкосновения с Римом. Поэтому кризис и окончательное падение Римской империи особенно сильно отразились на чешских землях. Римская империя пала не сразу. Да это было и невозможно для такой огромной империи, которая к тому же являлась носителем самой высокой культуры, в которой сочеталось все созданное человечеством до этого времени. Период упадка Римской империи можно разделить на несколько этапов, несколько стадий, сменявших одна другую. Поэтому процесс падения Рима оказывал особенно сильное воздействие на другие страны. Это был период длительного кризиса, который охватил не только Римскую империю, но и области, расположенные около нее. Каждый этап отличался от другого. Поэтому мы проследим главные этапы упадка Рима до его окончательного падения. Рассмотрим это событие мирового значения в более широком плане, а не только по отношению к чешским землям, иначе нам не понять общего смысла этого события, его значения для всего мира и, в частности, для чешских земель.

а) *Первые тучи*. Они начали появляться еще в период, когда Римская империя была на вершине своей славы — во II в. н. э., в период правления знаменитых императоров Траяна, Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия, сменявших непосредственно один другого, так что в совокупности годы их правления составляли единый период, представлявший кульминационный пункт в истории Рима. Но именно потому, что это было время расцвета Римской империи, в глаза стали бросаться первые тучки, появившиеся на горизонте. Становилось очевидным, что Римская империя не была такой всемогущей державой, как это казалось самим римлянам, когда они подчинили своей власти и объединили в составе империи почти все известные в то время страны. Все Средиземноморье — тогдашний центр мира — со всеми прилегающими к нему странами и

богатством их культур — Греция и Малая Азия, Египет и Испания, Галлия и Африка, далекая Британия и большая часть Германии — входили в состав Римской империи. За этими странами находился обширный мир, населенный народами, о которых Рим или совсем ничего не знал, или только догадывался об их существовании.

Между тем этот далекий мир начал давать знать о себе. На Востоке появились огромные, до того времени неизвестные племена. Это были не прежние так называемые культурные народы, а новые, примитивные и дикие племена. Оттуда стали двигаться самые разнообразные племена скифов и сарматов, где-то на северных берегах Каспийского моря появились гунны. Все эти новые племена выжидали удобного случая, чтобы начать наступление. С севера римлян начали тревожить появившиеся новые, очень воинственные германские племена. Их орды не раз проникали за римскую границу и угрожали ей днем и ночью. Наконец, на северо-востоке разлилось, чем дальше, тем шире, море славян. Хотя сами славяне непосредственно не нападали на Рим, но они оказывали давление на другие племена, расширяя свои области за счет их земель. Один из очевидцев этих событий, некий римлянин, сообщал, что воинственные племена начинают приходить в движение, так как на них оказывают давление другие варвары.

Рим долго сдерживал этот напор. Сначала ему не угрожала серьезная опасность, так как долгое время это наступление осуществляли лишь отдельные племена, например племена германских кимбров и кельтских тевтонов; спустя сто лет стали наступать маркоманы и квады — самые воинственные из племен, которые овладели территорией, непосредственно граничащей с Римской империей, и первые создали союз племен для охраны своих завоеваний. Рим сумел приостановить их продвижение с помощью военной силы и политических интриг. Римская империя справилась с племенами, нападавшими на нее. Но так как она была не в состоянии уничтожить их полностью, то стала вести тонкую политическую игру и, ослабив их изнутри, подчинила себе. Поэтому временами могло казаться, что опасность ликвидирована. Но на самом деле эти военные операции и дипломатические интриги только будоражили эти племена. И хотя они были вынуждены подчиниться Риму, но все время выжидали удобного случая, чтобы снова напасть на Римскую империю. Это можно проследить по ходу событий как в I в. н. э., так и во II в. н. э., когда римляне, ведя войну с парфянами, не раз вынуждены были обнажать свой фронт на северных границах и посылать войска с запада на восток, «варвары» же, как будто только и ожидавшие этого, тотчас же вторгались через слабо защищенные границы Римской империи.

Римская культура, которая в течение двух столетий оказывала сильное влияние на эти племена и народы, обратилась впоследствии против Рима. Нападающие, повидимому, мечтали о том, как должно быть хорошо в Римской империи и в самом Риме, если уже то, что

было им известно по пограничным римским провинциям, было так прекрасно, что просто пленяло их! Как же велика была тяга народов и племен покорить этот сказочный мир и там, на месте овладеть богатством римской культуры! Таким образом, проникновение римской культуры к этим племенам не только не сгладило противоречий между ними и Римом, а наоборот, еще усилило их стремление напасть на Рим. Их не удерживал даже страх перед мощью этой великой державы. Внутренние распри между римскими военачальниками и коррупция римских должностных лиц явились причиной многих поражений Рима в борьбе с этими племенами, и слава о непобедимости Римской империи стала угасать.

Конечно, большую роль сыграла классовая борьба в Римской империи. Ее социально-экономическая система была основана на рабстве. Землю обрабатывали не хозяева латифундий (крупных поместий) и не другие свободные римляне, а рабы. Поэтому римляне в буквальном смысле слова охотились за рабами. В рабство попадали десятки тысяч побежденных врагов, в рабство обращались и люди, попавшие в плен в результате набегов римских воинов на соседние области. В рабство обращались и сами римляне, все те, кто обнищал, кто задолжал и не мог уплатить долги. Находились тысячи причин и доводов, чтобы организовать доставку в Рим необходимого количества рабов для все увеличивающихся латифундий. Таким образом, внутри самой Римской империи имелся внутренний враг — рабы, которые, естественно, ненавидели своих господ, считая их главным своим неприятелем. Зато рабы относились с сочувствием к тем, кто выступал против господства Рима. Это были в первую очередь «варвары», которые стремились напасть на Римскую империю и овладеть богатством, находившимся в руках правящей верхушки. Имелось какое-то тайное, хотя и не осознанное единство между угнетенным народом в империи и «варварами», находившимися за ее пределами. Это единство, особенно на последнем этапе борьбы, оказалось роковым для Рима.

Напряжение во взаимоотношениях между римским миром и миром «варварским» не только не разряжалось, а, наоборот, все более усиливалось. Столкновение между ними было неизбежно. Неясно было одно, когда и при каком соотношении сил это произойдет. Что касается времени, то оба мира начали борьбу уже с того момента, когда начались непосредственные столкновения между ними во время правления Маробода, хотя и имелся договор о мире между Римом и державой Маробода. Борьба эта никогда не прекращалась. Превосходство сил долгое время было на стороне Рима, поскольку на другой стороне выступало или одно племя, или, в лучшем случае, несколько племен, в виду чего их выступления быстро подавлялись. Это был период еще только небольших столкновений двух лагерей, период подготовки к генеральному сражению. Последнее произошло тогда, когда осуществилось объединение всего неримского мира в один антиримский лагерь, когда Риму была

противопоставлена почти равноценная сила и встал вопрос — кто кого. Это случилось в конце II в. н.э., когда и произошло генеральное сражение между этими двумя лагерями.

б) *Маркоманская война*. Так обычно в истории называется первое большое столкновение между римлянами и не римлянами — в ходе которого уже решался вопрос о существовании Римской империи. Это не совсем верное название упомянутого крупного события, хотя так оно и именовалось официально в самом Риме (*Bellum Marcomanicum*). Прежде всего это не была война в настоящем смысле этого слова. Это было движение народов, объединившее в единый фронт разные племена для борьбы против Рима. События этого периода характеризуются не столько отдельными битвами, сколько напряжением всех сил с той и другой стороны. Они разворачивались не только на полях сражений, но и внутри стран, так как противник вклинивался в глубь территории, а это требовало мобилизации всех сил обеих сторон. Борьба приняла совершенно новый, невиданный до сего времени размах. На всем протяжении границы и в глубине территории противников были слышны лязг оружия и грохот войны, все торговые пути были забиты войнами. Один мир выступил против другого.

Война эта не совсем правильно называется маркоманской. Маркоманы были только небольшой струей в мощном потоке племен, который двигался на Рим. Эта война не может быть названа и германской, несмотря на то, что германцы среди всех других наступающих племен имели численный перевес. Это происходило потому, что среди них было наибольшее количество воинственных племен, хорошо подготовленных к войне и готовых в любой момент прийти издалека к месту боя. На Дунае еще и прежде жило больше всего германских племен, а потом сюда пришли и другие племена, из более отдаленных земель. Воевали не только маркоманы и квады, жившие по среднему течению Дуная, но и бастарны, поселившиеся в низовьях Дуная. В самом начале войны лангобарды, жившие на Лаббе, направили к месту сражений своих воинов. Гермундуры выступили из Тюрингии, вандалы — из Силезии (в счет не идут другие мелкие племена). К ним присоединились кельтские племена и, в частности, хорошо известное нам мирное и трудолюбивое горное племя котингов. Из сарматских племен тут оказались аланы и роксоланы. Принимали участие в войне и славяне, хотя воинственных племен среди славян насчитывалось гораздо меньше. Так, из славянских племен пришло лугийское племя буров, которое до этого, по примеру других, искало счастья в Венгрии (Уграх), а также костобоки, которые тоже проникли в Венгрию; это было племя, хорошо подготовленное к военным действиям, во главе у них стояли княжата.

Таким образом, это была не маркоманская, не германская война, а подлинная война народов. Маркоманской она была названа, вероятно, потому, что уже со времен Маробода маркоманы были

более всего известны римлянам. Конечно, они были и самым воинственным племенем. Об этом свидетельствует вся их история до и после вторжения в Чехию, а также после перенесения основного ядра этого племени из Чехии к Дунаю. Здесь довольно долгое время, пока сохранялся мир, на виду были только квады, а маркоманов как будто вовсе не существовало. Но как только началась война, сразу же во главе всех борющихся племен появились маркоманы. Они обычно оказывались в выигрышном положении, участвуя в совместных сражениях с квадами. Так было и на этот раз. Основная тяжесть войны пала на квадов. На их территории, пока война шла на «варварской», не римской земле, находился главный театр военных действий. Но боевым авангардом, которого особенно боялись римляне, были маркоманы, недаром являвшиеся некогда пограничной стражей германцев. И теперь, конечно, маркоманы — «люди марки» — оставались стражами и, следовательно, авангардом в случае наступления.

Так началась ужасная война, «война, какой никто никогда не помнил», по признанию римского автора. Пятнадцать лет — с 165 по 180 г. н. э. — продолжалась война, но и в 180 г. она еще не закончилась. В ней лично участвовали два римских императора, погибли (во время войны) два префекта претория, в бой были брошены почти все имевшиеся у Рима легионы и создано было два новых легиона. Мобилизовали всех, кого только можно было мобилизовать. Гордый Рим вынужден был прибегнуть к помощи рабов, гладиаторов и даже разбойников. И несмотря на это, он не смог воспрепятствовать продвижению врага к самым границам Италии. Поэтому указанная война приравнивалась к самым тяжелым войнам Рима — Пуническим войнам, когда тоже решался вопрос — быть или не быть Риму, решался вопрос о том, кто победит — Рим или Карфаген. И теперь тоже вопрос стоял так: Рим или другой, «варварский» мир.

Римлян обурял панический страх. С самого начала еще не было ясно, какой размах примет война. Как и ранее, вначале выступили лишь отдельные племена. Римские легионы, теперь как и прежде, отразили их натиск. Но напор варварских племен усиливался. Одновременно в борьбу вступили большие объединенные силы нескольких племен. И тут римлянам пришлось туго, начались первые неудачи.

Приблизительно в 166 г. за Дунаем, на римской территории оказались огромные полчища десяти племен, возглавляемые маркоманским королем Балломаром. А в 167 г. под натиском еще больших сил дунайская укрепленная линия зашаталась и орды маркоманов и квадов, сарматских племен и славянских костобоков заполнили Норик, Верхнюю и Нижнюю Паннонию и римскую Дакию. Во время третьего наступления в 169 г. неприятель дошел до Венеции и окружил одну из самых больших римских крепостей — Аквилею. Действительно, «враг стоял у ворот» — таков был клич римлян в минуту наивысшей опасности, когда враг угрожал самому Риму.

В Риме началась страшная паника. По приказу императора совершались богослужения: с молитвами обращались не только к своим, но и к чужим богам. Сам император Марк Аврелий принял командование, несмотря на то, что был философом, стойким, которому ничто не было так чуждо, как война. В Риме о нем даже ходил слух, что он хочет обучать народ только философии, для того чтобы отучить его воевать. Но этот философ оказался храбрым полководцем. Он почти всю войну провел на поле боя, лично подбадривая римских солдат. Он говорил им, что они должны помнить о том, что деньги, которые они получают в качестве жалованья, хранят следы крови раненых или уже убитых их родственников и соплеменников. Император заботился и о тыле. Строились укрепления, вербовались добровольцы и рабы, разбойники и вообще все, кто находился за разные преступления в тюрьмах, — все они принимались теперь в войска, чтобы высвободить полицейские силы. Чтобы мобилизовать средства на ведение войны, император приказал в Риме у колонны Траяна в течение двух месяцев продавать с общественного аукциона драгоценности как из императорской сокровищницы, так и из его личного имущества.

Марку Аврелию удалось добиться перелома в этой страшной войне. В 172 г. под личным руководством императора римляне перешли в наступление и проникли глубоко в земли квадов, в современную Словакию. Император настолько чувствовал себя победителем, что снова принялся за философию и здесь же, в «квадской земле, на реке Гроне», закончил вторую книгу своих философских рассуждений «Наедине с собой». Римские воины в знак этой победы высекли на скале в Тренчине надпись о победных боях II легиона, сохранившуюся до сих пор. Император хотел из захваченных земель создать две новые провинции: от реки Моравы на восток, то есть из современной Словакии, — Сарматию, а от реки Моравы на запад, из современной Верхней и Нижней Австрии с прилегающими землями на севере, — Маркоманию. Он присвоил себе титул «Германика», то есть победителя Германии, поставил победный столп в Риме с барельефными изображениями эпизодов этой великой и тяжелой войны (в настоящее время толкование этих изображений является источником неиссякаемой фантазии, особенно для немецких историков). Казалось, что война уже выиграна и Рим — вне опасности.

Римляне начали уже создавать о ней легенды. Так, в частности, рассказывали о «чуде», совершившемся перед началом их наступления: когда они проникли в глубь квадской территории, то квады окружили римские войска и совершенно отрезали их не только от обозов, от тыла, но и от воды, так что войску угрожала смерть от жажды. Но тут прошел страшный дождь, ливень, который напоил римлян, а после него началась такая буря, которая вызвала замешательство в рядах квадов. Об этом «чуде» долго потом создавались легенды. Это «чудо» нашло свое отражение в барельефах на колонне

Марка Аврелия в Риме. Долго шел спор о том, чьи молитвы подействовали и кто совершил это «чудо». По мнению одних, это «чудо» совершил египетский маг Арнуфис, который своим искусством заставил бога Герма послать дождь. По мнению других — и эта точка зрения стала официально признанной в христианскую эпоху, — «чудо» произошло благодаря молитве воинов-христиан XII легиона. Это они, упав на колени, вымолили у бога дождь, а необычайное зрелище совершения христианской молитвы внесло смятение в ряды квадов. В действительности римлянам помогло то обстоятельство, что «варварские» племена не были едины: они сводили старые счеты между собой и заводили новые распри. Римляне — опытные мастера всякого рода интриг — сумели удачно использовать это обстоятельство. Так, в большом наступлении 172 г., главной целью которого было уничтожить маркоманов, они использовали не только кельтских котинов, но и некоторые германские племена, вероятно, даже самих вандалов. С их помощью они переправились где-то у Резенбурга через Дунай и вторглись на территорию маркоманов. Спустя четыре года они на востоке расправились таким же образом с сарматами. С другой стороны, однако, римляне не добились окончательной победы, так как все их успехи были непрочными. Они побеждали, но не могли довести войну до конца. Борьба снова и снова возобновлялась, и если даже на время заключался мир с тем или другим племенем, то пожар вспыхивал в другом месте.

Война была прекращена со смертью Марка Аврелия 17 марта 180 г. Его сын и наследник Коммод не обладал отцовским рвением. Он не понимал всей важности дела и спешил закончить войну любой ценой.

Коммод заключил мир, который на первый взгляд казался победой и обеспечивал господство Рима: по Дунаю полоса шириной в 7 км. не должна была заселяться варварами, все народные собрания варварских племен должны были происходить в присутствии римских офицеров и в качестве дани Риму племена должны были поставлять определенное количество хлеба. Так закончилась страшная война — как будто бы победой Рима. Но главный вопрос войны — быть Риму или не быть — в действительности остался неразрешенным. Неприятель остался там, где и был. Он не только не был в массе своей ослаблен, хотя имелись убитые и взятые в плен, а наоборот, усилился, так как понял, что можно организовать массовый поход на Рим, что Рим можно победить, что общие интересы могут привести к объединению всех «варваров» против Рима. Поэтому решение вопроса о том, быть или не быть Риму, было только отложено. Рим выиграл время, но не добился подлинной победы.

в) *Послевоенный период. Упадок Рима.* Окончание маркоманской войны имело большие последствия, хотя могло казаться, что на границах, не считая небольших изменений, установилось положение, какое было до войны. Между тем последствия, вызванные

войной, были очень серьезны. Начался период падения Рима. Достаточно сравнить блестящий ряд императоров II в. с императорами III в., чтобы обратить внимание на странную и отвратительную возню людей вокруг трона; на трон в III в. претендовали люди, совершенно недостойные его занять. Это были авантюристы, появившиеся неизвестно откуда, честолюбцы, которые думали только о себе и ни о чем более. На трон попадали и просто безумцы, которые настолько были ослеплены внешним блеском императорской власти, что вообще потеряли разум. Но такое положение наблюдалось не только в высших сферах. Само по себе оно стало возможным только потому, что в самой империи шел процесс разложения. И тут возникали различные неурядицы и беспорядки. При отсутствии направляющего центра империя распадалась на части. Администрация каждой из них решала дела на свой страх и риск. Поскольку наверху не было настоящих императоров, внизу появилось множество мелких «императоров», которые только подрывали единство империи. Впрочем, на троне иногда еще появлялись императоры, достойные своих великих предшественников. Но и они представляли собой жалкое зрелище, так как все их попытки сохранить и возродить прежнюю империю были тщетны. Падение нравов усилилось, распространяясь даже среди самых лучших представителей римского народа.

Все это, конечно, не могло не сказаться на отношении Рима к соседним землям и народам, прежде всего в политическом аспекте. Борьба между «варварами» и Римом продолжалась, хотя она и не протекала так бурно, как во время войны с маркоманами. III век и первая половина IV в. являются как бы переходным периодом между первой серьезной попыткой низвергнуть могущество Рима и окончательным распадом Римской империи. Поэтому были периоды кажущегося благополучия. Однако заключение различных мирных договоров с варварами уже свидетельствовало о слабости Рима.

Это стало сразу же заметно в правление императора Коммода. Он заключил мир, не доведя войну до конца. Конечно, никакого мира не наступило. Спустя восемь лет, в 188 г., снова разгорелась борьба, конца которой не было видно. Коммод стал теперь платить варварам жалованье, чтобы они не нарушали мира. С таким положением вещей примирился и его преемник Септимий Север. Потом императору Каракалле (211—217) пришлось в голову, что именно он возродит славу Рима. Он стал разыгрывать роль победителя варваров. Но единственное, что ему удалось сделать, — это натравить маркоманов на вандалов, а когда у квадов возник спор между королем и начальниками племен, он захватил короля и казнил его. После этого он присвоил себе титул «Германика» (победителя германцев); по словам одного из его современников, было не ясно лишь одно — «притворялся ли он или действительно был таким глупым и сумасшедшим», что верил в свою победу.

Между тем начавшееся наступление на Рим продолжалось. Во время правления Валериана (253—260) «варвары» снова перешли Дунай и этим страшно напугали римлян. «Варваров» именовали маркоманами, квадами, сарматами, скифами — каждый называл их тем именем, которое было ему известно. Валериан назначил своим соправителем Галлиена и поручил ему охрану границ. Но у Галлиена были другие «заботы». Увидев Пиперу, дочь маркоманского короля Аттала, Галлиен воспылал к ней такой страстью, что обещал ее отцу часть Паннонии, если Пипера станет его наложницей. Поэтому не удивительно, что в правление императора Аврелиана (270—275) «варвары» — в источниках упоминаются различные племена, не только германские, сарматские, но и многие другие — очутились у Милана и Пьяченцы. Только в IV в., когда опасность для Рима становилась все более и более очевидной, римляне серьезно занялись обороной империи. Аврелиан начал восстанавливать заброшенные, а в некоторых местах просто опустевшие крепости на Дунае. Когда квады запротестовали, то он предпринял против них военное наступление. Но в 275 г. он неожиданно умер, и все осталось попрежнему.

Кончилась эта борьба в конце IV в. — перед окончательным распадом Римской империи — почти сентиментально, историей Фритигилы, жены маркоманского короля, который, как говорит предание, жил со своим народом на римской территории, на юг от Дуная. Фритигила от заблудившегося и попавшего к маркоманам христианского священника узнала якобы о славных делах миланского архиепископа Амброзия. У нее возникло страстное желание стать христианкой. Она отправила к Амброзию послов со многими дарами и в ответ получила, «изумительное» письмо. В нем это высокое духовное лицо, помимо всего прочего, изложило основные принципы христианского вероучения и в качестве истинного слуги тогда уже принявшей христианство империи просило королеву повлиять на мужа и заставить его сохранить мир с римлянами. Нам неизвестно, какое действие оказало в этом направлении письмо Амброзия. Известно только, что Фритигила, горя желанием лично познакомиться с этим славным мужем, отправилась к нему в Милан. Но Амброзия (расскажем «историю» до конца) она уже не застала — он умер незадолго до ее приезда, 4 апреля 397 г.

Политический упадок Рима, конечно, не мог не оказать серьезного влияния и на культурные связи Рима с соседними странами и народами. Действительно, это обстоятельство вызвало глубокие перемены и в чешских землях. Сильно латинизированная культура, известная под названием добржиховской, продолжала еще развиваться и после маркоманской войны, но в основе своей она стала другой. После пичхорской стадии культуры, типичной для I и II вв., наступает стадия культуры, известной нам по раскопкам у Добржихова, на Тржебицко, и поэтому называемая иногда тржебицкой, типичной для времени после маркоманской войны, для III в. и в

какой-то мере для IV в. Нельзя не заметить той огромной перемены, которая произошла за это время, хотя общее значение тржебицкой культуры было еще довольно большим. Только в Тржебицком районе на местном кладбище Р. Л. Пич обнаружил недавно 400—500 могил. Недалеко от Тржебицко у Пинева И. Геллих нашел 90 могил. В открытом кладбище у Пржестанице (около Страконице) также найдено свыше 500 могил. Места поселений людей были довольно обширны. И жизнь в них была ключом. Но она отличалась уже тем, что это было время упадка римского влияния, которое все же еще ощущалось.

Теперь в результате этого римского влияния наряду с сохранившимся обычаем сжигать покойников их стали хоронить. Могилы с покойниками, положенными во всю длину тела, что раньше считалось признаком высокого достоинства, теперь представляли убогое зрелище — в них не было ни даров, ни приношений. Тржебицкая керамика была грубее пичхорской. Она лишь внешне напоминала пичхорскую и, вероятно, являлась продукцией тех же мастерских римских провинций. Куда девались изящные, тонкие формы пичхорской посуды! Теперь это тяжелые массивные сосуды, которые хотя и украшались волнистым орнаментом, так же как и пичхорские, но он был более грубым, так как волнистые линии наносились теперь просто острым гребнем. Застежки для одежды не были такими разнообразными, как прежде. В римских мастерских уже не стремились к этому, не было заметно и высокого мастерства в их выполнении. Вероятно, не было уже и достаточно прочных торговых связей с этими мастерскими или, по крайней мере, они были уже иными, чем прежде. Долгая и жестокая война, конечно, прервала многие связи. Это заметно и на римских монетах. Их находят и теперь, но это больше всего монеты императоров II в. Новых монет попадает мало. Но и старые монеты теперь не были в ходу. Почти у всех монет имелось отверстие для шнурка, так как их носили на шее в качестве украшения, а не использовали как платежное средство. Торговля с Римом и римскими провинциями значительно сократилась.

Тем интереснее наблюдать дальнейшее усиление и рост славянских племен. Л. Нидерле говорит вообще о подъеме «великой славянской волны» в III в. н. э., который был заметен и в чешских землях. Славяне, как мы уже говорили выше, принимали участие в маркоманской войне. Но это были только отдельные отряды лугийских буров, костобоков и, вероятно, других племен, скрытых для римлян под обобщающим названием *сарматы*. Их нельзя рассматривать как племена в целом, в походе участвовали даже не все мужчины, как это было у воинственных германских племен. Поэтому потери их не были так значительны, как у последних. Они не меняли своего местожительства, как германские племена, представляющие собой скорее солдатские ряды, чем этническое целое. В славянских поселениях на чешских землях ничто не

изменилось. Зато многие из германских племен, которые там жили до войны, больше туда не вернулись. Не случайно именно тогда прекращаются все известия не только о маркоманах и квадах в чешских землях, о которых сообщается конкретно только уже как о придунайских племенах, но и о других племенах, ранее упомянутых. Так, совершенно исчезают корконты. А о силингах в Силезии нам известно, что они ушли вместе с вандалами воевать на Дунай. Исчезли и археологические памятники, которые указывали бы на следы пребывания воинов в чешских землях: могила с оружием стала теперь величайшей редкостью.

Таким образом, славянизация чешских земель только усилилась в результате маркоманской войны. Эта война привела к усилению наплыва славян в Чехию в III в., как это видно, например, в Тржебицко. С ослаблением римских связей укрепились связи со славянским северо-востоком. Конечно, не случайно именно в это время появляются в чешских землях товары, распространенные в то время на Висле и Одре и дальше на северо-востоке. Так, например, появляются застежки уже явно северо-восточного происхождения. Они интересны тем, что лучше отделаны и украшены по сравнению с посредственными товарами, привозимыми из римских мастерских. В чешских землях появились также раковины с бронзовой отделкой, которые в большом количестве носили в качестве украшения на Висле. Некоторые другие предметы также носят следы северо-восточного происхождения. Знаменательно и то, что городищная славянская керамика если и испытывала на себе влияние провинциально-римской керамики, то не тржебицкой, а пичхорской. Это означало, что славянское население в значительной степени находилось в стороне от всеобщего упадка, наблюдавшегося в тот период; оно внутренне окрепло, что, конечно, с особой силой сказалось тогда, когда налетела буря, равной которой история почти не знает.

ПАДЕНИЕ РИМА. «ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ»

Переселение народов — так обыкновенно называется в истории буря, которая в конце IV в. и первой половине V в. пронеслась по всей Европе. Но как и большинство названий, присваиваемых таким периодам, это название едва ли выражает существо дела. Это не было переселение — это была буря, какой ни до того, ни особенно впоследствии Европа никогда не знала. Она потрясла Европу до самых ее оснований.

В этом не было ничего удивительного. Римская империя окончательно распадалась. Величайшая империя, культура которой для своего времени была наиболее высокой, разваливалась.

Этот гигантский по тому времени колосс рухнул, превратился в развалины. Подточенная изнутри, Римская империя распалась под ударами извне.

Как хищники, ринулись на Рим отважные одиночки, целые племена и союзы племен. Это было, следовательно, не переселение, а грабительские, захватнические набеги. Переселялись не народы, но завоеватели всех видов отправлялись на грабеж. Под их натиском, однако, пришли в движение и те, кто в других случаях, может быть, и не тронулся бы со своего места. Так вихрь закружился по Европе. Поднялась буря и в Азии и в Африке — повсюду, куда простиралась прежде власть Римской империи, по тогдашним представлениям — во всем мире.

Это была страшная картина заслуженного, хотя и ужасного падения Рима!

Первый толчок был дан издалека, откуда-то с нижней Волги, Дона и Северного Кавказа. Здесь гунны, кочевые пастухи монгольского происхождения, стремительно передвигающиеся благодаря своим быстроногим коням, подчинили своей власти различные степные племена и образовали союз, который стал наводить страх на окружающее население. Истинные кочевники, гунны в поисках добычи совершали набеги на далеко отстоящие от них земли. Они двинулись прежде всего на юг, где дошли до самой Сирии, но потом обратили свои взоры на Рим, как на самую богатую и желанную добычу. Но на своем пути они, однако, натолкнулись на большое препятствие. К западу от них на берегах Черного моря устроили

свои поселения, образовав не меньший союз племен, готы. Это было северное племя, при Тацитом жившее на нижней Висле и, может быть, в южной Скандинавии, где их следы до сих пор еще остались во многих местных названиях (got).

Готы тоже были воинственным племенем. Готские дружины для грабежа направлялись так далеко, что одна их часть (восточные готы) по Днепру добралась до Черного моря, другая (западные готы) — достигла Венгрии. Черноморские готы, смешиваясь с жившими там гетами, аланами, гепидами, бастарнами — племенами различного происхождения, — образовали из них новый, подвластный им союз. Вслед за отдельными дружинами потянулись и другие группы готов. В результате и на новых местах готы достигли численного, а вскоре и культурного превосходства. Они и здесь продолжали совершать набеги на окрестные земли, проникая в Малую Азию и на Балканы, где опустошили и Солунь и Афины. Но в то же время они знакомились с античной культурой. Западные же готы в Венгрии, где император Аврелиан в III в. добровольно уступил им Дакцию, стали непосредственными соседями Рима.

Все это привело к сильной романизации готов, которые, воспринимая римскую культуру, создали и свою довольно высокую культуру. Рано приняв христианство, готы дали известный, донныне сохранивший свою ценность, перевод библии на готский язык, который оказал столь большое влияние и на другие языки, особенно германские. Развилась у них также и материальная культура, как это показывают оставшиеся после них многочисленные памятники.

На это сильное объединение готов при своем движении с востока на запад натолкнулись гунны и нанесли ему поражение в 375 г. Гуннская конница одержала победу над готской пехотой.

375 год можно считать началом тех великих событий, которые объединяются под общим названием «переселение народов».

Восточные готы, или остготы, продолжали, правда, оставаться на месте и вступили даже в гуннский союз племен. Но западные готы, или вестготы, отступили к Дунаю, где, спасаясь от голода, в 376 г. предложили свои услуги императору Валенту, согласившись за одно лишь обеспечение их пищей служить ему в качестве пограничной охраны. Однако римские чиновники, пользуясь бедственным положением готов, стали на них охотиться и обращать их в рабство вместе с женами и детьми. В отчаянии готы подняли мятеж.

Впрочем, мятеж подняли не только они одни. К ним присоединились и рабы, принадлежавшие крупным римским землевладельцам, и крестьяне, низведенные римской системой рабского труда тоже до положения рабов. Горняки золотых рудников также предложили им свою помощь. Восстали все, кто был угнетен рабовладельческим Римом.

Так выступил на сцену третий, самый грозный, внутренний враг Рима — его собственный трудящийся люд, труд которого составлял основу всей римской системы угнетения.

Вскоре после этого стала очевидной великая сила тех, на чью сторону встал этот люд. Вестготы в 378 г. в битве под Адрианополем, у самых укреплений Царьграда, нанесли римлянам страшное поражение. Сам император Валент был убит в бою. Готы разбрелись по всему Балканскому полуострову, опустошая все на своем пути.

Что касается германцев, которые до этого были главной силой, атакующей Рим, то из них одни лишь вандалы не только продолжали воевать, но и выдвинулись вперед. Прочие мелкие племена, до сих пор участвовавшие в битвах, теперь исчезли, в том числе маркоманы и квады. Они растворились в новых крупных отрядах, пришедших с востока, либо образовали новые большие объединения. Появились франки, алеманы. Германцы наступали главным образом на запад, в римские провинции — Галлию (Францию), Иберию (Испанию) и, наконец, Африку. Это были прежде всего вандалы, которые, объединившись не только с близкими к ним силами (силезцами), но и сарматскими аланами, достигли в начале V в. самых западных окраин Римской империи. Таким образом Римская империя, теряя провинцию за провинцией, начала распадаться и на западе.

После смерти императора Феодосия, в 395 г., Римская империя вообще была разделена на две части: Западно-римскую с центром в Риме и Восточно-римскую с центром в Византии. Таким образом, навсегда пало не только единство Римской империи, но и вообще единство римского мира, его культуры, религии. Рим тогда так ослабел, что фактически уже не оборонялся, а если и оборонялся, то не собственными силами, а при помощи варваров, то есть фактически сдавался на милость победителя.

Начало положил император Феодосий, который, не будучи в состоянии приостановить напор вестготов на Балканы, заключил с ними в 382 г. договор, по которому им предоставлялось право оставаться на Балканах, но при условии, что император принимал их к себе на службу, зачислив в свои главные войска. Феодосий, разумеется, привлек этим к себе вестготов, так что, когда в 395 г. он умер, они якобы оплакивали его как «друга готов». Однако когда в том же году империя была разделена, готы провозгласили свою независимость и избрали своего готского короля — молодого и способного Алариха, который был воспитан при дворе Феодосия и очень хорошо знал Рим и его интриги.

Предложив свои услуги теперь уже только восточно-римскому императору Аркадию, Аларих стал не только его полководцем и советником, но, опираясь на военную силу, сделался полновластным хозяином государства. Впрочем, не лучше обстояли дела и на западе.

Главным полководцем западно-римского императора Гонория был опять-таки варвар Стилихон, по происхождению вандал. И эти два варвара держали в своих руках судьбы обеих империй.

Когда Аларих, состоя на службе у Аркадия, вторгся в пределы Италии и дошел до самого Милана — резиденции Гонория, — Стилихон хотя и преградил ему путь, но вступил с ним в тайные переговоры. Аларих за определенную ежегодную плату тайно перешел на службу Западно-римской империи.

Так легко, за деньги, можно было заставить служить себе этих иноземных полководцев и начальников. Но так же легко они и изменяли Риму, ибо служили ему вовсе не ради него самого, а исключительно ради своей наживы. Но как глубоко уже пал Рим! Он еще существовал, но то был только призрак былого величия Рима. В тех случаях, когда он даже оказывал сопротивление, он только еще более обнаруживал свою беспомощность. Когда вандалы начали одну за другой занимать западные провинции Рима, несомненно не без ведома и согласия вандала Стилихона, римский сенат обвинил Стилихона в измене. В 408 г. римляне убили не только Стилихона, но обрушились и на других германцев, находящихся в Италии, не щадя даже их жен и детей. Германцы бежали к Алариху, который из дружбы к Стилихону, действительно, принял их.

Тогда Аларих подступил к Риму. Начались знаменательные переговоры его с сенатом. Сенат, чтобы склонить Алариха к примирению и запугать его, указал на многочисленность населения Рима. Но Аларих ответил:

— Чем гуще трава, тем лучше ее косить.

Затем Аларих потребовал освобождения всех рабов не римского происхождения и передачи ему всего золота и серебра.

Сенат в ответ на это выразил свое удивление:

— Что же останется римлянам?

Аларих кратко ответил:

— Жизнь!

Так дерзко мог уже варвар разговаривать с римским сенатом!

Сенат еще раз прибег к хитрости: дал обещание, но не выполнил его. Однако времена такой политики прошли. К Алариху, который выжидал в Тоскане, массами бежали римские рабы и колонны (крестьяне), их было, как говорят, свыше 40 000, а рабы, оставшиеся в Риме, открыли ему ворота.

Так в 410 г. пал Рим — событие, которое произвело повсюду потрясающее впечатление. «Вечный город», падение которого считали немислимым, был теперь взят, и кем? — варварами!

Конец Римской империи приближался семимильными шагами, и спор шел лишь о том, кто нанесет ему последний удар. Порой казалось, что это сделают гунны. Действительно, проникнув после поражения готов на запад, гунны основали новый союз племен в непосредственном соседстве с Римом — на венгерских равнинах. Именно в это время их ханом стал Аттила (433—454), недаром прозванный «бичом божьим». По своему образованию Аттила не был варваром. Свою юность провел он, как и многие варвары, при

византийском императорском дворе, а некоторое время служил даже в римском войске. Тем сильнее чувствовалось, что по своему происхождению и характеру он был гунном.

Именно под его главенством толпы гуннов на своих быстроногих конях совершали набеги, всегда такие внезапные и стремительные, что наводили ужас на другие народы. Атилла знал, куда вести своих гуннов. Он повел их прежде всего к Рейну, а потом за Рейн, где гунны разграбили Реймс и Орлеан, захватив там богатую добычу. Но на обратном пути они вынуждены были вступить в 451 г. в битву, известную нам под именем битвы на Каталаунских полях. Гуннам преградили путь не только римские войска, но также вестготы и другие племена, не менее римлян опасавшиеся гуннов. Это была кровопролитная битва. Древние французские поэты впоследствии воспевали эту битву, изображая ее как победу римско-галльского духа над гуннским варварством. Так было, однако, только в поэзии. В действительности же, в то время как вестготы сражались против гуннов, остготы сражались в войске Атиллы. И поражение Атиллы вовсе не было таким, как об этом рассказывали поэты.

Атилла, сохранив свою добычу, а также основные силы, направился прямо к Риму. Казалось, что именно гунны, и никто другой, нанесут последний удар Риму. Но римский сенат поторопился, обязавшись платить гуннам ежегодную дань. Поэтому Атилла ушел на юг и вскоре после этого умер (454). Вместе с Атиллой исчезла и гуннская опасность. Гуннский союз, основанный Атиллой, распался.

На Рим напали, однако, другие враги. В 455 г. Римом овладели вандалы, которые занимались тем, что совершали из африканских провинций многочисленные пиратские набеги по всему побережью Средиземного моря. Они тоже искали только богатой добычи. Вандалы так ограбили и опустошили Рим, что память об этом событии навсегда сохранилась в слове «вандализм».

Только Одоакр, тоже варвар, объединив вокруг себя военные дружины различных племен в северной Италии и ударив в 476 г. на Рим, не ограничился лишь грабежом, но совершил акт, имеющий политическое значение: он низложил императора Ромула Августула. Ромул Августул был последним западно-римским императором. Никто другой не занял его места. Это означало, что Римская империя перестала существовать.

До недавнего времени в учебниках истории это событие и расценивалось как настоящий конец Римской империи, а 476 г. был принят за грань между древним миром и средневековьем.

Однако не менее знаменательно для конца Римской империи было то обстоятельство, что нанесение Одоакром последнего удара Риму не вызвало в тогдашнем мире никакого особенного волнения. Падение Рима казалось тогда настолько уже само собой разумеющимся, что когда оно наконец совершилось, то вообще не было воспринято как значительное событие.

Мир сохранял равнодушие даже тогда, когда позднее, в 493 г., остготский король Теодорих, предательски устранив Одоакра, основал вместо Римской империи Остготское королевство, даже тогда, когда восточно-римский император Юстиниан II ликвидировал и это королевство и присоединил Италию к Византийской империи. Мир воспринимал все это лишь как последние отзвуки того, что в истории называется падением Рима.

Чехия в эпоху переселения народов. Разумеется, эти великие события не могли не коснуться и чешских земель, хотя они и не находились непосредственно в центре развивающихся событий. Одним из последствий упадка и затем падения Рима было то, что основная историческая арена того времени переместилась с территории первоначального варварско-римского центра на Дунае довольно далеко на юг, на старую римскую территорию, оказавшись основательно удаленной от чешских земель. Таким образом чешские земли превратились в далекую периферию, и их население оказалось вдали от тех, кто следил с напряженным вниманием за драмой падения Рима.

Несмотря на это, однако, потрясения, которые испытывал Рим, не могли не отразиться и на Чехии. Археологические находки и другие данные позволяют нам проследить, каким образом упомянутые события, связанные с падением Рима, преломлялись в самой Чехии.

В соответствии с военными операциями, относящимися к тому времени, в Чехии снова находят следы пребывания воинов, но воинов уже совершенно иного типа, каких здесь до этого никогда не было. В этой связи нужно прежде всего упомянуть о пресловутой могиле на кладбище у Челаковице, где среди обычных могил был погребен, очевидно, военачальник или вельможа, во всяком случае настоящий воин, на что указывает все устройство могилы, хотя она и оказалась разграбленной и, стало быть, лишенной главных драгоценностей. Но уже самое месторасположение могилы и ее внутреннее устройство (над телом была сооружена специальная арка, как бы крышка), а также тот факт, что в могиле был, кроме того, найден скелет всадника с конем и упряжкой (сохранились даже железные удила), является достаточным доказательством того, что это могила не обыкновенная и что в ней похоронен какой-нибудь знатный воин. Это, впрочем, не единственная находка такого рода, хотя и самая примечательная. Могила всадника, похороненного вместе с конем, найдена и у Камыка близ Праги, а могилы воинов в полном вооружении, с мечом, копьем, топором, кое-где и с луком, стрелами и прислоненным к стене щитом, найдены и в других местах.

Но все это — тяжелое вооружение. Особенно длинным и тяжелым был меч, сделанный по образцу германского, из которого в конце первого тысячелетия развился средневековый меч. Тяжелыми, сделанными из железа, были пики, копья и наконечники для стрел, хранившихся в железном колчане.

Здесь были, следовательно, похоронены тяжеловооруженные воины.

Возникает вопрос, какому из воевавших в те времена племен эти могилы принадлежат? Существует общераспространенное мнение, что это были германцы. Могилы этих воинов и их подчиненных, как и вся предельная ими в Чехии культура, были отнесены чешскими археологами к «меровингской» культуре. Обращало на себя внимание, однако, то обстоятельство, что кони, захороненные вместе с мертвыми воинами, не были крупными по своим размерам, какие были на западе; это были типичные кони восточных кочевых народов.

Правда, это можно объяснить тем, что преимущества быстрой гуннской конницы, достигшей таких больших успехов, навели западных и германских воинов на мысль обзавестись такими же низкорослыми восточными конями. Возникают, впрочем, еще и другие сомнения. Едва ли это могли быть представители тех германских племен, которые были раньше в Чехии и, как видно из вышесказанного, исчезли с чешской территории уже в эпоху маркоманской войны. О маркоманах в то время вообще не может быть и речи. Мы видели, что уже и прежде у нас не было оснований связывать их местопребывание с чешскими землями, а в IV в. мы отмечали их местопребывание далеко на юге, за Дунаем. В 376 г. вообще они упоминаются в последний раз, да и то, вероятно, по традиции. Перечисляя племена, по привычке называли и маркоманов среди других племен. Если все же где-нибудь действительно сохранились еще какие-нибудь их остатки, то они растворились в других, более крупных, наступавших германских племенах. Возможно, что они смешались с племенем алеманов, чему соответствует распространенный и общепринятый взгляд, что маркоманы — это позднейшие баварцы, байовары, народ, живший когда-то в Бойохеме (в Чехии).

Что касается квадов, то о них Аммиан Марцеллин говорит буквально, что теперь нечего бояться этого народа, некогда многочисленного, воинственного и сильного, ибо они действительно были поработаны гуннами, хотя и упоминаются в составе гуннских войск, участвовавших в битве на Каталаунских полях в 451 г.

Молодыми чешскими археологами были исследованы другие германские племена, к которым могли бы принадлежать «меровингские» могилы в Чехии V в. Учитывая некоторые черты сходства между археологическими памятниками, найденными в могилах в Чехии, и памятниками из могил в Тюрингии, историки делали предположение, что этим племенем были тюринги.

Но этот вывод не вполне убедителен. Наиболее вероятно, что при натиске с востока на запад, а не наоборот, волна, занесшая этих воинов в Чехию, несла их еще дальше на запад, за пределы Чехии. Историки, основывающиеся на письменных памятниках, именно к этому периоду относят пребывание в Чехии лангобардов. В «Истории о происхождении лангобардов», явно следующей ста-

рой народной лангобардской традиции, среди земель, по которым прошли лангобарды, упоминается и земля *Bainath*, что принято считать производным от слова *Bainais* (земля боев), то есть *Voiohaetum*. Другие источники также подтверждают, что в конце V в. лангобарды действительно были в Моравии, где на них и на ругов, пришедших сюда из Скандинавии, в 487—488 г. напал Одоакр, разгромивший ругийскую державу (*Rugiland*). Это был единственный случай, когда борьба за наследство Рима велась непосредственно на чешской территории. Гораздо важнее, чем строить догадки о том, какое племя было носителем «меровингской» культуры, уяснить, что носители этой культуры в Чехии, кем бы они ни оказались, лишь случайно попали на территорию Чехии, что они были занесены сюда бурными событиями, связанными с «переселением народов». Лангобарды, например, если это были они, могли здесь пробыть всего лишь несколько лет, ибо вскоре после этого они участвовали в походе через Паннонию в Италию, где основали сильное и известное королевство, дав свое имя всей Северной Италии. Она и до сих пор называется Ломбардией.

Точно так же обстояло дело и с другими «меровингскими» воинами в Чехии, даже если они и принадлежали к какому-нибудь определенному племени. Проходили ли они через чешскую землю или явились сюда с определенной целью, ясно, что пребывание их здесь было непродолжительным, кратковременным. Нельзя даже допустить мысли, что воины, обладавшие таким оружием, какое найдено в могилах, не являлись участниками битв. Но сражались они, повидимому, где-то в других местах, а не в Чехии.

«Меровингская» же культура, ее народ и могилы исчезли в Чехии вскоре после того, как вихрь «переселения народов» пронесся и племена и народы вновь стали возвращаться к спокойной жизни и труду. Исчезли и явления, сопровождавшие этот вихрь, а вместе с ними и «меровингская» культура.

Не менее примечательным является и другое обстоятельство. Чешские земли в то время стали явно тяготеть к Востоку. Начало этой ориентации мы показали уже в предыдущей главе, когда говорили о возвышении славянства в чешских землях. Теперь для этого появилась еще новая, гораздо более серьезная причина. Мы имеем в виду влияние Востока, которое, подобно яркому лучу света, озарило Чехию. О влиянии Востока свидетельствуют и самые «меровингские» могилы. Как уже выше было сказано, кони погребенных в могилах воинов были не немецких, западных пород, а восточного, степного типа. Еще более наглядно проступают черты Востока у людей, похороненных в этих могилах. Не на одном, а на нескольких из этих кладбищ (и на богатом кладбище в Подбабе, и в Челаковице, и в Радешице, и в Палковце в Моравии) найдены скелеты с искусно деформированным черепом, с головой, форма которой была изменена путем сдавливания, идущего в направлении от лба, висков и затылка к темени. Таким образом, черепу

была придана совершенно особая, заметно удлиненная кверху форма. Мы не знаем, почему это так делалось. Гиппократ, которому известна была эта процедура, говорил, что это делалось потому, что такая форма головы считалась более благородной. Именно поэтому, дескать, уже голове новорожденного «руками придавали необходимую форму, заставляя ее при помощи повязок и соответствующих приспособлений расти в длину, чем предотвращалась округлость формы черепа и увеличивалась его длина».

Возможно, что большее количество женских деформированных черепов найдено потому, что черепная коробка у женщин состоит из более мягкой кости и эту операцию можно было проводить не только в детстве, но и в более зрелом возрасте.

Впрочем, речь здесь идет не столько о самой операции, сколько о том, что это явление указывает на определенный характер и особенности появившегося в Чехии народа. Действительно, трудно себе представить, чтобы эту длительную и в высшей степени неприятную операцию предпринял чешский или иной средневропейский человек из одного только пристрастия к длинной форме головы. Вероятно, эта процедура проводилась из суеверия или, что еще более вероятно, по неизвестным нам религиозным мотивам, причем последнее предположение содержит явное указание на Восток, где религиозные поверья и представления очень часто проявлялись в формах более чем странных.

Мы располагаем и конкретными данными о том, что такой обычай более всего был известен, а может быть и распространен, на Кавказе и, вероятно, в Крыму, следовательно — на той территории, откуда пришли гунны.

Вполне правдоподобным поэтому является предположение, что именно они и занесли сюда этот своеобразный обычай и, в частности, они же привели сюда и низкорослых коней. Необходимо, однако, заметить, что погребенные здесь войны не являются гуннами. Самой крайней границей, до которой гунны проникли в чешские земли, является западная Словакия. Здесь в Страже у Пештян найдены их могилы с простой керамикой, но зато с красивыми зеркальцами так называемого кавказского типа и римской пряжкой конца IV в. Но самое главное заключается в том, что найденные в Чехии деформированные черепа не являются монгольскими, которые характеризуются раскосым разрезом глаз.

Стало быть, народ «меровингских» могил не является чисто гуннским, хотя это были люди, несомненно тесно связанные с гуннами или с близкими им племенами, поскольку они восприняли столь странный восточный обычай.

Наконец, и самый погребальный инвентарь «меровингских» могил говорит о большем, чем простое влияние Востока. Анализируя его, мы можем установить следы сильного влияния новой и выдающейся черноморской культуры — готской культуры. В эпоху «переселения народов» эта высоко развитая культура широко

распространялась не только по всей Восточной Европе, но и далеко на Западе.

Происходило это не только вследствие экспансии готов — остготов и вестготов, но и благодаря тому, что их культура своей красочностью и разнообразием более гармонировала буйному духу этого беспокойного времени, чем до пресноты утилитарная и торгашеская культура римских провинций.

Подобно своим учителям — римлянам готы прекрасно сумели развить и распространить усвоенную ими богатейшую и яркую эллинистическую культуру, которая носила также следы влияния еще более красочных восточных культур, воспринятых ими на побережье Черного моря уже непосредственно от тамошних восточных народов. Смещение этих культур особенно заметно на украшениях: отделанные драгоценными камнями, самоцветами или цветным стеклом, они кажутся особенно красочными.

Не жалели ни золота, ни серебра не только для серебряных украшений, отделанных черным орнаментом на прекрасной блестящей, посеребренной основе, но и на украшения, сделанные из железа. Так же украшались и другие предметы. Здесь, таким образом, возник совершенно своеобразный стиль, характеризующийся красочностью и контрастами, стиль, ставший в эпоху «переселения народов» наиболее типичным.

Именно этот значительно ориентализованный стиль появился и в Чехии в «меровингских» могилах в Челаковице и других местах. На этом кладбище найдена, например, серебряная пряжка, отделанная красным стеклом, с головкой животного, у которого глаза сделаны из альмандина. Альмандином и другими камнями отделаны и прочие украшения: застёжки, перстни, височные кольца.

Независимо от материала, из которого сделаны украшения — были ли они бронзовыми, позолоченными или посеребренными, — все они отделаны красными стеклышками, восточными альмандинами или другими камнями. Чтобы можно было производить отделку этих украшений, им придавали для этого специальную форму. Иглы и крючки пряжек прикрывались пластинкой специально для того, чтобы ее можно было отделать богаче. Декоративностью отличались и предметы, вырезанные из обыкновенной или слоновой кости, подобно найденному здесь готскому гребню с прекрасно сделанной ажурной рукояткой. Керамика была также разнообразна и живописна по форме и краскам. Красочность и прозрачность стеклянных сосудов особенно способствовали их большому распространению. В Чехии чаще всего встречались сосуды из оливково-зеленого стекла, малые и большие чаши наряду с бутылками и другими предметами.

Таким образом, всё — и люди и вещи — указывало на связь с Востоком. Даже при разделении Римской империи на Западную и Восточную население чешских земель со всей очевидностью

ориентировалось на Восток, о чем свидетельствуют найденные в Радотине монеты тех времен, например, монеты первого восточно-римского императора Аркадия (395—408); в Челаковице найдены монеты и другого императора этой же империи, Антемия (467—472). Так уже тогда было заложено начало традиционных чешских связей с Византией, которые продолжали сказываться и впоследствии, спустя несколько столетий, вплоть до конца первого тысячелетия нашей эры. Все это едва ли могло быть делом какого-нибудь одного западногерманского племени. Если такое влияние передавалось через некоего посредника, а не прямо с Востока, то им должен был быть народ или племя, которое в течение довольно долгого времени поддерживало прочные связи с Востоком, раз оно могло воспринять и дальше распространить восточные обычаи и культуру, как мы это здесь наблюдаем.

Нельзя даже предположить, что это могло быть какое-либо из тех германских племен, о которых в связи с этим говорится в чешской науке. Факты указывают на то, что это могли быть только славяне, хотя для чешской и иностранной науки они в это время еще якобы не существовали, а если и существовали, то вне связи со всеми происходившими событиями и вне истории. Отбрасывая укоренившиеся в буржуазной науке предрассудки, мы должны сказать, что именно в пользу этого народа свидетельствуют исторические факты.

В истории «переселения народов» о славянах вообще не упоминали, словно оно их вовсе не коснулось и словно всему этому великому потрясению в Европе они не придавали никакого значения, выжидая где-нибудь в тиши благоприятного момента, чтобы выступить на историческую арену.

Между тем уже один тот факт, что большая часть территории, с которой переселилось много племен, главным образом германских, широкие равнины от Вислы и до Лабы, густо населенные вандалами, лангобардами, бургундами, гепидами, герулами и множеством других, более мелких племен,— самый факт, что вся эта территория тотчас же была заполнена славянами, должен был бы навести историков на совершенно иные выводы. Славяне в это время вовсе не были праздными наблюдателями событий. Они, разумеется, не покидали своей территории, как это делали чисто военные дружины германских племен, ибо были гораздо более прочно, чем германские захватчики, связаны с землей, на которой жили. Поэтому-то славяне, избавившись от германских поработителей, проявляли стойкость, увеличивая свою мощь и укрепляя свои поселения. В этом отношении, конечно, не может быть свидетельства более красноречивого, чем то, что лугии были единственным племенем, которое никуда не двинулось со своего места. Правда, и из числа лугиев составилось несколько дружин, которые, как известно, скитались по свету в поисках счастья, но это была лишь очень незначительная горсточка лугиев. Многочисленное

племя лугиев продолжало оставаться на своем месте, но его впоследствии уже не называли этим именем. После великого «переселения народов» лугии стали уже вполне сформировавшимся славянским племенем, так как они не были ослаблены в период «переселения народов», что произошло с германскими племенами, оставившими свои родные земли. Напротив, с уходом нежелательных соседей, или попросту поработителей, силы славян увеличились.

То же самое происходило и в чешских землях. Впрочем, немецкие фашистские историки и некоторые их предшественники доказывали, что германцы (маркоманы) никогда и не покидали чешских земель, что они лишь скрылись в лесах и здесь выжидали, пока не придет их время, то есть времен немецкой колонизации XII—XIII вв. Это были, дескать, не немцы из рейха, а те местные немцы, которые скрывались в лесах более 800 лет. Едва ли можно себе представить что-нибудь смехотворнее, чем это с серьезным видом преподнесенное утверждение.

Очевидно, эти-то лесные люди мгновенно превратились в немецких бургомистров и городских советников, патрициев, купцов и ремесленников, духовенство и писцов XIII в.

Удивительно не то, что таких нелепостей не избежали фашистские недоучки. Удивление вызывает то обстоятельство, что с этими нелепостями согласился и такой, казалось бы, серьезный историк, каким был моравский земский архивариус Б. Бретгольц.

Итак, не может быть и речи о том, чтобы после ухода германских племен в Чехии оставались еще какие-либо германские племена.

Что же из этого, однако, следует?

Должны ли мы вслед за первой нелепостью нагромождать другую и, следуя за немецкими историками, объявлять чешские земли незаселенными в это время, подобно тому как немецкие историки провозглашали необитаемой восточную часть Германии... лишь из нежелания допустить, что там уже тогда, и, очевидно, с давних времен, жили славяне, как они продолжали жить в этих землях и в последующие столетия?

Из Чехии могли, разумеется, уйти те, кто не был связан с землей—завоеватели, эксплуататоры. Едва ли это могло быть коренное, местное население,— против этого предположения свидетельствует немалое количество памятников того времени.

Какой же в таком случае народ в это время мог остаться в Чехии? Если это не германцы, то, следовательно, только бои или славяне. Но от боев в Чехии тогда не осталось и следа. Они еще раньше, в конце II в., или, самое позднее, после маркоманской войны, в III в., очевидно, растворились в других племенах. Остаются, следовательно, славяне.

Славяне, действительно, были непосредственно связаны со всем тем, что принесло с собой великое «переселение народов». Для чешских славян имели, безусловно, большое значение связи

славянских племен с гуннами, после того как они появились на венгерской равнине. Эти связи славянских племен с гуннами были столь оживленными и прочными, что Аттила в славянской земле устроил свою главную резиденцию. По крайней мере, когда в 448 г. к нему направлялось посольство императора Феодосия, оно встретилось с ним сначала в 70 стадиях¹ к северу от Дуная, а оттуда проехало еще дальше на север, прежде чем достигло резиденции Аттилы. Доказательством того, что это было уже в славянских краях, является сообщение того же посольства, что в пути местное население почтило его пшеном с медом (*medos*, как написано в греческом тексте) — типичной пищей славянских земледельцев. Слуг же будто бы угощали *камосом*, то есть, очевидно, славянским квасом.

Здесь же, среди славян, Аттила построил и сделал своей резиденцией большой укрепленный дворец, надлежащим образом украшенный, в котором и жил с княжной Крекой и всей семьей, окруженный княжеским двором, соблюдавшим установленный церемониал. Гунны вообще не были такими дикарями, какими остались они в воспоминаниях населения Рима и его провинций, подвергшихся нападениям Аттилы.

Итак, двор Аттилы находился в славянских краях. Славяне жили при дворе Аттилы и оказывали определенное влияние на его жизнь, как об этом можно судить по описанию погребения Аттилы. Иноземные наблюдатели, между прочим, обратили внимание на один обычай, исполнявшийся в числе других церемоний и обрядов после смерти великого хана; этот обычай вызвал у них большое удивление: после великой печали гунны будто бы предались не менее великому пиршеству, славя умершего обильными яствами, «так противоречиво смешивая горе и радость». По словам готского историка Иордана, такой обычай будто бы назывался *strava*. Нет ни малейшего сомнения в том, что это название и обряд были заимствованы гуннами у славян. Вплоть до нового времени у славян удерживался обычай устраивать пиршество после похорон, устраивались даже пляски. Слово же *strava* у чехов еще в XIV в., а у поляков даже в XV в., означало *поминки*, и лишь позднее этим словом стала обозначаться пища вообще. Это западнославянское слово *strava* может служить одним из доказательств западнославянского происхождения тех славян, которые находились в Венгрии при гуннах и самом Аттиле. Оно является в то же время и доказательством того, что отношения славян с гуннами не были отношениями рабов и господ, как немецкие историки готовы были толковать отношения славян с «азиатскими ордами», стараясь подчеркнуть «неполноценность» славян по сравнению со «свободными» германцами. Пример с погребением Аттилы, напротив, является красноречивым доказательством

¹ Стадий — древнегреческая мера длины, равная 177,6 м. (Прим. ред.)

того, что гунны уважали славян и их культуру, если воспользовались их обычаями при погребении самого великого своего героя.

Оживленными были, очевидно, и связи славян с готами, на что указывает большое количество слов, заимствованных славянами из готской речи. Обычно эти слова считают германскими. Но существует большое различие между словами, заимствованными впоследствии из немецкой речи, и словами, заимствованными из речи готской. Наличие слов, заимствованных у готов, означает живое культурное общение между славянами и готами в ту эпоху, которая была скорее эпохой борьбы, чем эпохой созидания. Славяне, впрочем, тогда уже не впервые столкнулись с готами. Уже при своем движении из Скандинавии к Черному морю готы проходили через славянские территории и одно время, очевидно, господствовали над обитавшими там славянскими племенами. Но тогда готы были такими же завоевателями, как и другие германцы, и находились на почти таком же или, вернее, на таком же низком уровне развития. Тогда они едва ли могли дать что-либо ценное славянам, даже если отбросить фактор естественного сопротивления, которое угнетенные всегда оказывают угнетателям.

В описываемое же время между ними установились совершенно иные отношения: у готов была новая и высоко развитая культура, славяне были великим народом, прошедшим различные стадии своего развития самостоятельно, не под властью готов. Факт заимствования славянами отдельных слов у готов свидетельствует лишь о наличии культурных связей между обоими народами.

Такие связи, разумеется, не только обогащали язык, но и способствовали развитию материальной культуры и ни в коем случае не свидетельствуют о служении или рабском подчинении другому народу.

Именно таким образом и следует объяснять то влияние готской культуры, следы которого обнаружены в Чехии.

Если вообще отношение славян к готам и их культуре было столь положительным, то нет, конечно, ни малейшей причины для того, чтобы исключать из этого общего славянского потока чешских славян и ставить их вне этих событий, особенно, если в Чехии находят многочисленные и красноречивые тому доказательства. Едва ли кто другой из числа племен, населявших в то время Чехию, мог иметь с Востоком более близкое и естественное соприкосновение, чем именно они, чешские славяне, которые ранее так легко восприняли и усвоили римскую культуру.

Необходимо лишь освободиться от легенды о всемогуществе германцев и о зависимости от них населения чешских земель, и сейчас же все предстанет перед нами в другом, истинном свете.

Эпоха «переселения народов» была и для Чехии, таким образом, серьезной и великой эпохой. В тех условиях Чехия сбросила с

себя много балласта, накопившегося в течение минувших столетий, и впитала в себя новые жизненные соки. Главное же было в том, что Чехия показала свою силу и зрелость, в то время как вокруг нее рушились и гибли страны и народы.

После почти 2000-летнего своего развития на территории Чехии славяне, временами жившие совершенно независимо, временами подпадая под гнет более сильных племен, из всех этих потрясений вышли все же победителями. Все глубже и глубже пуская корни, они так упрочились на чешских землях, что их не мог вырвать даже такой страшный вихрь, каким было так называемое «переселение народов».

Напротив, вихрь этот лишь еще более содействовал объединению и сохранению чешских земель — теперь уже земля полностью и навсегда славянских.

Глава XIV

КОНЕЦ ДРЕВНЕГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ ЧЕХИИ

Падение Рима не являлось, однако, падением только Римской империи. Пал весь античный мир, представителем которого Рим являлся. Это событие — не хронологическое понятие. Марксистская историческая наука в этом вопросе исходит из своего основного положения, что способ производства определяет тот или иной государственный строй. Поэтому она делит историю на периоды соответственно способу производства и связанному с ним социальному строю. Античность и переход к средневековью рассматриваются как переход от одной системы производства к другой, как падение старой римской рабовладельческой системы, при которой всю работу выполняли рабы, являвшиеся полной собственностью рабовладельцев, и возникновение новой феодальной системы, при которой всю работу выполняли крепостные, находившиеся в зависимости и подчинении у феодалов — собственников земли. Это положение для историка-марксиста является главным при определении, с одной стороны, античности и, с другой стороны, средневековья. Таким образом, дело не в том, относить ли падение Рима, а вместе с тем и падение античности, к 395 г., когда Римская империя распалась на две части, или к 476 г., ко времени падения Западно-римской империи, как об этом еще недавно писалось в учебниках и исторических работах. Вопрос заключается в том, когда пал античный способ производства, основанный на рабском труде как движущей силе производства, и когда зародились условия для возникновения нового, феодального строя.

Изменить всю систему производства может лишь великая и глубокая *социальная революция*, которая происходит тогда, когда сохранение прежнего способа производства оказывается невозможным. Поэтому и пал античный способ производства, представленный Римом и поддерживаемый прежде всего Римом. Выше уже указывалось на роль рабов в истории падения Рима. Они восставали и не только относились с сочувствием к варварам, наступающим на Рим, но и прямо помогали им, так как в противниках Рима видели своих освободителей. И это были не только собственно рабы. С ними шли и колонны (формально свободные крестьяне), горнорабочие и другие, поработанные этой системой, хотя они и не

являлись собственно рабами. Но и они «предпочитали быть свободными, называясь рабами, чем мучиться в рабстве, называясь свободными», — так охарактеризовал их положение марсельский священник Сальвиан. «Беднота стремилась найти у варваров римскую человечность, потому что не могла у римлян сносить варварскую бесчеловечность». Часто при приближении варваров в Риме вспыхивали восстания, и рабы и колонны переходили на сторону варваров-освободителей. Дело дошло до того, что варвары стали серьезно вмешиваться в прежние римские социально-экономические порядки.

Варвары-победители, одержав политическую победу, тотчас же стали сокрушать в захваченных ими провинциях прежнюю экономическую систему. Особенно сильно были подорваны ими позиции крупных землевладельцев. Так, вестготы, захватив Галлию, отняли у местных римских крупных землевладельцев две трети всех земель и половину всех лесов, а то, что было им оставлено, было обложено большой данью. Подобным же образом вели себя вандалы в римской провинции Африке; Одоакр в самой Италии конфисковал землю у трети крупных землевладельцев и разделил ее между своими отрядами и одновременно с этим уменьшил налоги колонам. В правление же Теодориха проведение такой политики на время было приостановлено. Этот варвар так был ослеплен блеском императоров Рима, что стремился во всем походить на императора: стал одеваться в пурпур, назвался Августом, провозгласил свою особу священной — словом, подражал во всем римским императорам, несмотря на то, что по-латыни не умел ни читать, ни писать.

Сенат, который продолжал существовать при Теодорихе, видя такой его политический курс, осмелел и начал защищать крупных землевладельцев, а с ними и старые римские порядки. Но это продолжалось только во время правления Теодориха. Его сын и преемник Тотила сразу же вернулся к прежней политике варваров, политике, проведение которой Теодорих приостановил. В результате крупной реформы, проведенной им в интересах бедноты и вообще народных масс, дело дошло до открытой борьбы между ним и Византией, которая выступила в качестве наследницы Рима и защитницы его порядков. В этой борьбе решался вопрос уже не о власти и территории. Решался вопрос о том, кто победит — старый или новый порядок. Эта борьба носила характер скорее революционного восстания, чем обычной войны.

Одновременно с этим рука об руку идет и другая революция, менее заметная, потому что она была только идеологической, только надстройкой над социальной революцией, которая впоследствии стала великой материальной силой — христианство. Вначале это была религия бедных, которая выростала на той же почве, на которой развивалось и упомянутое выше социальное движение. Благодарную почву для распространения христианства представляло

население римских провинций, поработанное в национальном и религиозном отношении, и беднота оккупированной Римом Палестины. Эта религия носила все следы происходившей в то время социальной революции, так как смысл христианского вероучения заключался в том, что все люди являются детьми божьими, а отцом для всех является бог. Тезис, по которому перед богом все люди равны, был расширен путем признания равенства всех людей между собой. Это учение своим острием было обращено против римской идеологии, которая, исходя из существующего экономического строя, признавала и идеологически обосновывала разделение людей на два непримиримых, отличных друг от друга класса: класс свободных, то есть господствующих, и класс рабов, то есть трудящихся.

Рим и расценил христианство как революционное учение. Поэтому он так жестоко преследовал христиан. Он преследовал их не за то, что они исповедовали другую религию — Рим признавал более странные и более чуждые ему культы и исповедания, чем христианство, — но поскольку христианство таило в себе этот революционный элемент, он и рассматривал христиан как бунтовщиков. Римляне преследовали и убивали христиан не как религиозных, а как политических, государственных преступников. Триста лет боролся Рим с этим скрытым и таким опасным врагом, но безуспешно, так как он не уничтожил и не мог уничтожить причину, вызвавшую недовольство римским рабовладельческим строем.

Император Константин в начале IV в. пошел другим путем. Если нельзя устранить христианство, то надо хотя бы уменьшить его опасность. Так же как римские императоры, стремясь уменьшить опасность, грозившую им со стороны варваров, брали их к себе на службу, так и Константин поступил с христианами. Договорившись с их руководителем — римским епископом, он сам принял крещение и сделал христианство государственной религией, с тем чтобы лишить его антигосударственной направленности. Но самое главное заключалось в том, что он наделил римского епископа (папу) светскими владениями, с тем чтобы экономически заинтересовать его в сохранении римского государственного строя. Тем самым он сделал папу прямым сообщником, лицом заинтересованным в поддержании прежнего римского порядка. И нужно отметить, что в этом он достиг немалого успеха. Римская церковь не только приспособилась к римским порядкам — ввела в своем церковном устройстве типично античную иерархию со всем вытекающим отсюда неравенством, но и приспособила христианское вероучение к римским нравам и обычаям, уподобив ее римскому язычеству вплоть до почитания идолов, превращенных в культ святых, и почитания их изображений. Так «яд был влит в церковь Христову», говорили те, кто оставался верным первоначальному учению христиан. Действительно, в римской церкви элементов христианского

вероучения осталось очень мало, а от его социальной революционности не осталось и следа. Церковь после падения Рима выступает в роли наследницы и преемницы римской, а не христианской идеологии. Нет сомнения в том, что это она перенесла многое из античного Рима в средневековье. Она превратилась в новую и еще более могущественную, чем Римская империя, универсальную, всемирную Римскую империю, так как она вообще не признавала никаких границ, которые бы она не могла или не желала преодолеть. В этой средневековой христианской Римской империи снова стали оживать старые экономические и политические принципы Рима, но уже под христианской личиной.

С другой стороны, нельзя не видеть и того, что хотя с принятием христианства «яд был влит в Римскую империю», полностью уничтожить самую основу христианства было нельзя. Можно было приспособить в интересах правящих классов только внешнюю структуру церкви, что римская церковь и сделала. Но революционный яд евангелия и первоначального христианства не был этим уничтожен. И он подтачивал Римскую империю как в период гонения христиан, так и впоследствии, в период свободы христианского вероисповедания. Хотя государство и церковные органы предпринимали все меры, чтобы подавить и заглушить революционные стороны христианского вероучения, оно все же, будучи по существу своему не римской, а скорее антиримской религией, подтачивало его изнутри и тем самым способствовало падению Рима, как это, со своей стороны, делали варвары. Христианство не только в то время играло революционную роль. Впоследствии, уже в средние века, оно явилось мощным рычагом в борьбе против римской церкви — наследницы античного Рима, в борьбе за равноправие людей перед богом, против материального и духовного неравенства людей, которое отстаивала римская иерархия.

Отличительными признаками средних веков являлись: в области социальных отношений — феодальный строй, характеризующийся делением общества на господ и крепостных; в области идеологической — победа христианства, хотя внутри этого вероучения продолжалась борьба за установление «истинного христианства». Падение же античности означало: в социальном отношении — падение системы рабовладельческого труда и связанного с ним деления людей на господ и рабов, а в области идеологии — падение язычества и всех связанных с ним идеологических надстроек. При изучении истории чешских земель на это необходимо обратить особое внимание, если мы не хотим вырывать Чехию из общей связи исторических событий и тем самым лишить исследование основного исторического фундамента. Положения не меняет то обстоятельство, что в чешских землях не привился римский рабовладельческий строй, как это было в римских провинциях. Это происходило не потому, что в Чехии не было рабов. Рабы здесь были, и их труд

применялся в хозяйстве. Но производственная и трудовая система базировалась не на эксплуатации рабского труда. У варваров, как это имело место и в чешских землях, работали все члены рода. Кое-кто из членов рода работал больше, кое-кто — меньше, а некоторые и вовсе не работали.

Но активной силой производства является не раб, а род. Раб был только помощником, и то не везде желанным. Варвары с большой охотой продавали рабов, зарабатывая на этом больше, чем если бы они использовали их как рабочую силу. То же происходило и в чешских землях. Поэтому здесь не было римской рабовладельческой системы. Несмотря на это, социальная революция, происшедшая в Римской империи, имела для чешских земель, как и для всего мира, большое значение. Она освобождала таившиеся в варварских землях и у варварских народов силы для устройства нового мира и установления новых порядков. Поэтому и для чешских земель с падением Рима заканчивается период античности и начинается средневековье со всеми его последствиями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы завершаем изложение событий эпохи, исключительно важной для истории чешских земель. Многое из того, что нами здесь было изложено, является в значительной своей части новым, ибо в старой чешской историографии этому периоду совершенно не уделялось внимания.

Приведенные здесь данные позволяют нам сделать следующие выводы.

1. Мы убедились в том, что неправы те, кто утверждает, что у славян долгое время не было связей с античным миром, вследствие чего якобы и возникла их «отсталость» по сравнению с другими народами.

Мы имели возможность шаг за шагом проследить тесные связи населения чешских земель с античным миром с самого начала — в период высшего расцвета и в период упадка, — прежде всего с Грецией, а затем с Римом. В связях этих и отражена история обоих культурных, политических и экономических центров древнего мира. Отсюда вытекает и последующий наш вывод.

2. Чешские земли в конце древнейшего периода истории не были пустынными, безлюдными, как можно было бы заключить из описаний тех авторов, которые на территории Чехии находили одних только маркоманов и квадов даже тогда, когда они уже «ушли», и не замечали здесь никого вплоть до так называемого «прихода» чехов. Напротив, в чешских землях мы наблюдаем особенный расцвет в конце древнего периода, продолжавшийся и в последующие столетия.

Чешские земли в конце древнего периода не были безлюдными, их население воспринимало новую культуру точно так же, как и прежде оно воспринимало и в свою очередь развивало другие культуры, являвшиеся результатом развития и прогресса европейских племен и народов. Поэтому население чешских земель оставило последующим эпохам значительные ценности: не только то, что оно унаследовало от древнейших времен, но и то, что оно приобрело благодаря связям с античным миром. Население чешских земель вступило в следующий исторический период со свежими силами, с новым подъемом, вызванным влиянием Востока. Это не могло не

оказать воздействия на тех, кто здесь жил в последующие времена.

3. Вопрос о славянском происхождении населения чешских земель в свете новых, более точных данных разрешен нами более правильно.

Развитие предшествующих культур способствовало тому, что народ полей погребений, а с ним и славянские элементы на время отходят на второй план. Это период победившей кельтской культуры, за которым следует период триумфа римской культуры. Но и в данном случае мы всегда находили доказательства не только пребывания этого протославянского народа в Чехии, но и его живого участия в событиях, в процессе исторического развития. Чем дальше, тем больше этот народ выступает на первый план. Особенно сильно это сказалось в римскую эпоху, в I и II вв. То же самое мы наблюдали в III и IV вв. И, наконец, тогда, когда из Чехии ушли чисто военные отряды германцев, здесь остался прежде всего этот народ, который не покинул своей земли, как ее не покинули славяне, находившиеся на соседних землях обширного пространства северо-восточной Европы, а продолжал ее возделывать и передал своим потомкам.

Все это проливает совершенно новый свет и на всю последующую историю. С тем большим интересом мы переходим к следующему периоду в истории чешского народа и чешских земель, изложением которого мы начинаем уже подлинно национальную чешскую историю. Как и другие «варварские» народы после падения Рима стали полноправными и развились в ныне существующие известные народы Европы, так и чешский народ из всех указанных выше элементов сформировался в полноправный, до настоящего времени развивающийся и прогрессирующий чешский народ.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Августул Ромул 224
 Авита Ульпия 168
 Аврелиан 217, 221
 Аврелий Марк 187, 209, 214, 215
 Адриан 188, 209
 Аларих 222
 Александр Великий 139
 Амбигот 121, 129
 Амброзий 217
 Антиох 161
 Ариовист 149—152, 157
 Аркадий 222, 223, 230
 Арминий 158—161, 164, 165
 Арнуфис 215
 Аттал 217
 Аттила 223, 224, 232
 Аудолеонт 139
- Балломар 213
 Барранд 21
 Белловес 121, 130,
 Боеревист 144
 Бретгольц Б. 231
- Валент 221, 222
 Валериан 217
 Ванкль Индржих 106
 Ванний 164, 165, 185
 Вар Публий Квинтилий 158, 160
 Веспасиан 166, 188
- Гаек В. 205
 Галлиен 217
 Гальба 188
 Ганнибал 130
 Геллих И. 218
 Геродот 204
 Гиппократ 228
 Гонорий 222, 223
 Грдличка Алеш 30
- Дешлет 49
 Домициан 165, 166, 188
 Друз Клавдий 150
- Италик 164
- Каракалла 216
 Катвальд 161, 162
 Коммод 215, 216
 Константин 237
 Критарис 142
- Ливий Тит 121, 122, 129
- Марк Карл 17
 Маробод 149, 151—165, 170, 173,
 174, 181, 182, 188, 194, 197, 211,
 212
 Марцелл М. Фуфиций 168
 Марцеллин Аммиан 226
 Марцеллина Фуфиция 168
 Матейка Индржих 184, 195
 Монтандон 31
- Немцова Божена 205
 Нерон 197
 Нидерле Л. 90, 162, 192, 193, 198,
 203, 206—208
- Одоакр 224, 225
- Палацкий Ф. 121, 145
 Патеркул Веллей 148, 151, 154,
 156, 157, 159
 Пешина Томас 167
 Пий Антонин 209

- Пирр 161
 Пич Р. Л. 156, 218
 Плиний 120
 Пржемысловичи 113
 Птолемей 132, 133, 172, 182, 192,
 196, 198—200, 207

- Сальвиан 236
 Сатурнин Л. С. 158
 Север Септимий 216
 Сеговес 121, 122, 130
 Стилихон 222, 223
 Страбон 121, 148, 198
 Сципион Корнелий 130

- Тацит 145—148, 151, 158, 161, 173—
 178, 183, 184, 186, 190, 196—199,
 206, 221
 Теодорих 225, 236
 Тиберий 158
 Тит 188
 Тотила 236

- Траян 166, 187, 188, 209
 Туснельда 160

- Феликс Папилий 189
 Феодосий 232
 Филипп II Македонский 139, 161
 Флавий 164
 Фритигила 217

- Цезарь Гай Юлий 120, 127, 129,
 149, 150, 152, 154
 Ципий Публиций 189
 Циринна 188

- Шафарик П. И. 117, 192, 199, 202

- Энгельс Фридрих 17, 52, 55, 62, 79,
 149

- Юстиниан II 225

ЭТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аварская долина 28
 Австрия 79, 87, 100, 129, 162, 167, 201, 214
 Адрианополь 222
 Адриатическое море 70
 Адрсбашские скалы 23
 Азия 120, 220
 Азия Малая 129, 130, 210, 221
 Аквилея 213
 Аквинкум (Ацинкум) 167
 Аквирт 169
 Аланы 212, 221, 222
 Алеманы 222
 Алия 128
 Альпы 22—24, 28, 29, 33, 48, 112, 118, 120, 121, 123, 126, 128, 129, 153
 Америка 31
 Англия 66, 78
 Аррецо 153
 Афины 161, 221
 Африка 120, 210, 220, 222, 236

 Бавария 26, 79, 87, 157, 169
 Баден 59
 байовары (баварцы) 226
 Балканы 199, 221, 222
 Балтийское море 196
 Балтика 70
 Балцарова скала 44, 45
 бастарны 212, 221
 батавы 165, 166
 Бездез 25
 Белая гора 23
 Белград 196
 белорусы 196
 белохорваты 196
 Бериунка 136
 Бескиды 23, 203
 Бечва 26, 39, 40
 Билина 66, 155
 Бискупце 168
 Богнице 64
 богницкие Замки 65
 бои 111, 122, 126, 128—131, 133, 134, 136, 138, 140—149, 151, 155, 181—184, 186, 203, 204, 207, 227
 Бойохем (Богемия) 147, 207, 226, 227; *Boiohaemum* 126, 147, 148, 158, 198, 207,
 Болеславо 64, 82
 Болонья (Бойония) 130, 134
 Босковице 136
 Бранов 136
 Братислава 167, 168
 Брды 20
 Бретань 78
 Бржезина 84
 Бржезнице 95
 Бригетинум 167, 169
 Британия 210
 Брненско 44, 92, 106
 Брно 21, 25, 29, 44, 45, 107, 182
 Броумовские стены 23
 Брундузиум (Бриндизи) 69
 Бубенеч 55, 93, 97, 108
 Будапешт 167
 Будеевице 182
 Будеевицкий бассейн 24, 25
 Будислав 23
 Будоргис 132, 182
 бургунды 230
 буры 199, 212, 218
 Бухлов 24
 Быдзовско 82
 Быланы 64, 102
 Бычья скала 36, 106—108, 126, 134

 Ваг 162, 187, 199
 вандалы 201, 212, 216, 219, 222—224, 230, 236
 Варта 198
 Вациков 95
 Ведня 201
 Велеславин 44

- Велим 70
 Вельвары 177
 Вена 167, 169, 196, 201
 Венгерская низменность 129
 Венгрия 56, 58, 70, 158, 165, 197, 212, 221, 232
 Венедские горы 196
 венеды 196, 197
 Венеция 213
 Верхне-Силезский каменноугольный бассейн 23
 Верхне-Силезское море 23, 25
 вестготы 221, 222, 229, 236
 Вестонице 45, 46
 Весца 85
 Виденька 201
 Византия 222, 230, 236
 Виндобона 167, 169, 196, 201
 Висла 129, 198, 219, 221, 230
 Влтава 24, 26, 28, 64, 78, 182
 Вогезы 22
 Волга 220
 Вольтин 101
 вольки-тектосаги 126, 127
 Вроцлав 76
 Вшерубские ворота 26

 Галицкое море 25
 Галлация 130
 Галлия 112, 121, 122, 130, 141, 145, 150, 169, 210, 222, 236
 галлы 130
 Гальштатт 100
 Гана 26, 76
 Гейлигенберг 188
 Гелеспонт 129
 гельветы 129, 144
 гепиды 221, 230
 Геркинский лес 119—121, 127, 150, 151, 160
 Германия 27, 48, 66, 88, 120, 122, 126, 150, 154, 158—160, 164, 190, 192, 193, 210, 231
 германцы 146, 147, 149—155, 158—161, 172—179, 181, 183, 184, 190, 194, 199, 204, 207, 212, 222, 223, 231, 233, 241
 гермундуры 157, 161, 162, 212
 герулы 230
 геты 221
 Глоубетин 93
 Годонин 72
 Гологлавы 84
 Гомолка 84
 Горжице 82, 133
 Гостын 24
 готы 221, 229, 233

 Града 85
 Градек 85
 Градец Кралеве, см. Кралеве Градец
 Градецко 82
 Градиско 39
 Границе 21
 греки 126
 Греция 100, 112, 119, 123, 124, 129, 145, 196, 210, 240
 Грон 162, 199, 214
 гунны 210, 220, 221, 223, 224, 226, 228, 232, 233

 даки 166
 Дакия 206, 213, 221
 Девин 167
 Дейвице 93
 Дейч-Альтенбург 167
 Дельфы 129
 Дечин 182
 Днепр 89, 221
 Днестр 129
 Добржихов 171, 217
 Добржице 101
 Дольни Вестонице 44
 Домажлице 79, 95, 182
 Домажличко 93
 Дон 220
 Доубравка 82
 Доудлебы 85
 Дравовна 84
 Драва 202
 Драганская возвышенность 44
 дудлебы 195
 Дунай 76, 100, 119, 120, 126, 129, 130, 156, 161, 162, 164, 166, 167, 171, 172, 185, 188, 190, 199, 201, 203, 205, 212, 213, 215, 217, 219, 221, 225, 226, 232
 Духцов 132
 Дья 26, 54, 76, 167, 182

 Евичко 25
 Евишовице 64
 Европа 27, 28, 32, 37, 48, 49, 57, 60, 66, 87—90, 100, 109, 117, 120, 149, 196, 207, 220, 230, 241
 Европа Восточная 192, 229
 Европа Средняя 112, 119, 123
 Европа Центральная 22, 34, 37—39, 73, 120, 122, 123, 127, 129, 149, 190, 196, 199
 Египет 100, 210
 Езевская дыра 36
 Енералька 44
 Есеники 22, 24, 27

Есеницкие перевалы 198
Ештед 24

Жатец 44
Железные горы 23

Забрдовице 55
Забржег 92
Закарпатская Украина 37
Замки 64
Збируг 44
Знойм 44, 54, 72

Иберия 222
Иглава 107, 167
Изера 60, 81, 82, 93, 134, 146, 195, 202
Изерские горы 22, 24
иллирийцы 199
Иллирия 156, 166
Испания 66, 67, 201, 210, 222
Исполинские горы (Крконоши) 22—24, 27, 28, 82, 172, 198, 200
Италия 66, 119, 120—122, 128, 130, 145, 157, 161, 162, 213, 223—225, 227, 236
Ичинско 66, 82

Кавказ 228
Кавказ Северный 220
Камык 225
Капуя 153, 189
Карловы Вары 49
Карнунтум 159, 167—169, 182
Карнус 167
Карпаты 24, 26, 187, 196, 199, 201—202
Карпис 201
карпы 201, 202
Карфаген 213
Каспийское море 210
Касургис 132, 133, 182
Каталаунские поля 224, 226
квады 151, 155, 156, 162, 164—166, 170, 172—175, 182, 184, 186, 197, 208, 210, 211, 213, 215—217, 219—222, 226, 240
Келемантия 168
кельты 87, 108, 122, 128, 130, 132, 133, 140, 141, 150, 191, 193, 196, 199
кимвры 128, 146, 210
Кладенский каменноугольный бассейн 23

Кладенско 64
Кладенско-Раковницкий бассейн 22
Кладско 76
Кламарну 85
Клаштер 84
Клуцке 188
Кновиз 93
Кобылка 146
Коегиче 64
Козаков (пик) 23, 24, 60
Козьи Хребты 73
Колин 66, 85, 171, 181
Колинско 82
Комарно 167, 168
Коридоргис 132, 133, 182
корконты 172, 194, 200, 219
Корфу 69
Костелец на Гане 44
костобоки 212, 213, 218
Котельные ямы 28
котины 126, 139, 141, 164, 212, 215
Коуржим 89, 133
Коуржимско 64
Коширже 133
Кралеве Градец 62, 82, 182
Кралевоградская равнина 24
Крас 21
Крживоклат 133, 136
Крконоши 194, 197, 200, 201
Крконоши, см. Исполинские горы
Кромнержижско 92
Кропачова Врутице 44
Крушные горы 195
Крым 228
Кульна 36—44
Кумбурк 25
Кунетицкая (гора) 25
Кусом 162

Лаба (Эльба) 26, 28, 60, 64, 70, 81, 82, 88, 92, 94, 150, 157, 158, 182, 198, 202, 212, 230
Лангариниум 168
лангобарды 157, 160, 161, 212, 226, 227, 230
Левиче 139
лемузы 195
Лжовиче 85
Либице 89
Либчевес 155
Линц 182
Лион 27
Литовль 44
Литомержицко 92
Литомнержице 66
Литомышль 182
Литомышльский район 23

Ломбардия 227
лонгии 197
Лоучне 82
Лубна 44
луги 157, 165, 166, 197, 198, 230, 231
Лужицкие горы 22, 24, 27
Лужицы 92, 197
лужичане 197, 198
лучане 195
Льготиче 136
Львовиче 101

Магдебург 76
Магура 202
Македония 129
Малая Скала 84
Малые Карпаты 167
Марианские Лазни 49
Марковице 44
Маркомания 214
маркоманы 90, 111, 146, 147, 149—152, 154—156, 157, 158, 160, 162, 164—166, 172—175, 178, 182—184, 186, 194, 201, 208, 210, 212, 213, 215—217, 219, 222, 226, 231, 240
Маробудуум 153—156, 181, 182, 188
Марсель 70
Марх, Марг 202
Машов 85
Меллиодунон 132, 133, 182
Мельник 44
Мельницко 24, 49
Метуя 82, 85, 87
Мже 26, 54
Милавец 95, 96
Милан 130, 134, 217, 223
Милетин 133
Милешовка 44
Младаец 45, 46
Младечка пещера 44
Мнихово Градиште 60, 82, 84
Могельнице 198
Могиляне 198
Модржаны 95
Морава 26, 27, 162, 182, 202, 214
Моравия 20—34, 36, 37, 39, 44, 45, 48, 54—57, 60, 61, 64, 70, 72, 76, 78, 92, 93, 96, 99, 101, 109, 112, 122, 123, 126, 136, 139, 141, 151, 162, 164, 166—168, 174, 187, 188, 193, 195, 197, 204, 206, 227
Моравская Острова 24, 27
Моравские ворота 24, 25, 27, 33, 34, 37, 39, 44, 60, 92
Моравский Крас 36, 44

Моравско-Остравский каменноугольный бассейн 23
Моравско-Силезское море 25
Моржице 44
Мост 102
Мостецко-Духцовский бассейн 25
мугилоны 198
Мужски 60, 64, 85, 89
Мушов 167, 169, 182

народ курганов 79, 87, 89, 90, 94, 98, 101, 108, 122, 123, 125, 129, 131, 134, 203
народ полей погребений 82, 84, 85, 89, 90, 92, 94, 95, 97, 103, 170, 198, 205, 208, 241
Насаврки 136
Наход 182
Находский горный перевал 82
немцы 147, 231
Нератовиче 49, 188
Нидерланды 66
Нижбор 136
Нимбурско 82
Нова Вес 70
Нове Место 85
Номистериион 182
Норья 128, 144
Норик 129, 144, 156, 169, 187, 203, 213
Нудвойовиче 84

Обржанское городище 105
Огржа 26, 60, 92, 94
Одра (Одер) 70, 87, 129, 188, 194, 197, 219
Оклуки 136
Оломоуц 21
Ольшаны 28
Ондратице 44, 45
Опавско 21
Орлеан 224
Орлице 82
Орлицкие горы 22, 24, 27, 197
Орлицкий район 85
Осташи 23
остготы 221, 224, 229
осы 165

Палава 44
Палестина 237
Палковице 227
Панкрац 28
Паннония 129, 142, 144, 145, 156, 158, 165, 166, 187, 201, 203, 213, 217, 227
Пардубиче 102

Мардубицкий бассейн 24
Пардубицко 82
Парфяне 210
Пасов 182
Патисос 199
Пекарна 36, 44, 46
Пештяны 228
Пинев 218
Пичхорж 171, 189
Планяны 181
Платенице 102
Пльзенский бассейн 22
Пльзенско-Ныржанский каменно-
угольный бассейн 23
Пльзень 44, 97
Подбаб 44, 127
Подебрадский бассейн 24
Подебрадско 82
Подебрады 188
Подкрконоши 23
Подмоклы 138, 146
Подоли 107
Подржипско 49
Полабская равнина 24, 26
Полабские славяне 147, 198
Полабье 24, 26, 82
Польша 88, 157, 202
поляки 198
Помогания 150
Понтийско-Каспийское море 25
Порань 85
Початки 133
Прага 23, 28, 44, 54, 60, 65, 73, 82,
93, 133, 182, 225
Праховские скалы 23, 84
Прачов на Хрудимце 85
Пржедмнержице 62, 84
Пржедмости 30, 39—41, 43—46, 73, 84
Пржемышльень 93
Пржеперже 84
Пржеров 21, 24, 27, 29, 39, 101
Пржеровско 72
Пржеставлки 72
Пржестанице 218
Пржибрам 177
Пржилютице 141
Прибалтика 194, 196, 197
Простейов 44
протокельты 122
протославяне 90, 157, 191, 197, 203
Птени 141
Пухов 187
пшоване 195
Пьяченца 217

Равенна 162
Радгошь 24, 36

Радешнице 227
Радницкий каменноугольный бас-
сейн 23
Радотин 230
ракаты 172, 201
Раковницко 44
Ракоусы 201
Рединтуиннон 132, 133, 182
Резенбург 166, 215
Реймс 224
Рейн 32, 120, 121, 126, 129, 144,
145, 150, 151, 154, 157—159, 165,
166, 188, 224
Реция 156, 169, 203
Ржепов 189
Рживнач 64
Ржип 25, 134, 202
Ривьера 162
Рим 118, 129—131, 150—153, 155,
156, 158, 159, 160, 162, 163, 166,
168—170, 187, 188, 190, 196, 197,
202, 206, 207, 209—218, 220—225,
227, 232, 235—241
римляне 129, 141, 144, 145, 151,
157—164, 166, 167, 169, 170, 176,
177, 207, 209—215, 217, 218, 229,
237
Римская империя 112, 117, 144, 150,
153, 156—158, 163, 187, 190, 209—
213, 216, 220, 222—225, 229, 235—
238, 239
Розток 64, 73, 93
роксоланы 210
Росицко-Ославанский каменноуголь-
ный бассейн 23
Роуднице 104
Роудницко 92
руги 227
Рудногорская впадина 25
Рудные горы 22, 24, 26—28, 59, 60,
69
Русское море 25
Русь 195, 203
Рымань 177

Сава 129
Сазава 26, 60
Саксония 26, 59, 150, 161
Сала 76, 88
Сарматия 195, 214
сарматы 210, 215, 217, 218
Сватоньовицко-Жаплержский ка-
менноугольный бассейн 23
Свевы 149, 150, 157, 178
Свитава 182
Свияны 84, 165
Свратка 26, 167, 182

Скваны 149, 150
Секнакотон 182
семноны 157, 161
Сетуакатон 133
Силезия 22, 23, 56, 60, 92, 157, 165,
172, 194, 195, 198, 201, 204, 212, 219
Силезское море 22
силлинги 172, 194, 201, 219, 222
Сирия 159, 220
Сицилия 66
Скалки 39
Скандинавия 27, 29, 48, 196, 221,
227, 233
скифы 210, 217
скордиски 128
Славков 72
славяне 89, 90, 191—194, 196, 197,
199, 200, 202—208, 210, 211, 218,
230, 231, 233, 234, 240, 241
Сланный 93, 185
Словакия 24, 56, 73, 76, 93, 139,
151, 162, 164, 167, 188, 205, 206,
214, 228
Слоупско 21
Смиржице 84
Смрчины 24
Снежные ямы 28
Соботец 85
Солунь 221
Средиземное море 70, 224
Среднегорье 25
Старе Градиско 136, 138, 141
Старый замок 64
Стегельчевско 64
Страдонице 136—143, 145—147, 156,
194
Страж 228
Страконице 78, 136, 218
Страшков 104
Стревинта 182
Ступава 167
Судины 172
Сушице 133
Сыхров 84

Табор 182
тагры 202
Татры 201
Тевтобургский лес 159, 160
тевтоны 128, 210
Теплице 49
Теплицкие скалы 23
Тибр 128
Тисса 129, 144, 199
Тиштин 27
Тополь у Хрудимы 85
Тоскана 223

Тренчин 168, 214
Тржебицкий район 218
Тржебицко 217—219
Тржебов 25
Тржебонский бассейн 24
Тржебушице 185
Троски 25
Троянов 206
Трояновице 206
Трстенице 182
тулинги 129
Турнов 82, 84, 146
Турновская область 84
Турновско 82, 85, 105
тюринги 226
Тюрингия 26, 59, 73, 150, 157, 212
226

Угерско-Градиштско 92
угры 197, 212
Ужетице 136
Украина 88
Унетице 73, 93
Упа 87
Устецко 92

Фалькновский бассейн 25
Феликия 182
фракийцы 199
Фракия 129
франки 207, 222
Франтишковы Лазни 49, 59
Франция 27, 32, 66, 121, 122, 150
Фрейя 162
Фриданско 27
Фургисатис 132, 133, 182

хебане 195
Хебск 93
Хебский бассейн 25
херуски 158—160, 164
Хлумин 55
Хорватия 202
хорваты 89, 195, 202
Хржибецкие горы 27
Хржибы 24
Хрудим 136
Хрудимско 82, 85

Царьград 222

Часлав 44, 85
Чаславско 82

Челаковице 225, 227, 229, 230	Швейцария 59, 70, 123, 129
Черное море 220, 221, 229, 233	Шипка (пещера) 36, 38
Черношице 84	Шлухновско 27
Чернуцы 177	Штепанице 57
чехи 90, 192, 193, 198, 204, 207, 240	Штрамберг 36
Чехия 17—23, 25—34, 36—38, 44, 46, 48, 49, 52, 56—61, 63, 66, 67—73, 75—79, 81, 82, 85—90, 92—96, 98—106, 108—113, 118, 121—124, 126, 127, 130, 134, 136, 139, 143, 145—148, 150—152, 154—156, 158, 161, 162, 164, 171, 172, 174, 181, 182, 184, 187, 188, 190, 193—195, 197—199, 201—204, 206—209, 213, 219, 225—229, 231, 233—235, 238, 240, 241	Шумава 22, 24, 79, 82, 88, 121, 172
Чехия западная 49	Шумавские озера 28
Чехия южная 61, 78, 80, 81	Эбуродунон 132, 182
Чехословакия 117	Эгейское море 70
Чешский Лес 22, 24	эдуи 145, 149, 150
Чешский Рай 23	Эльба, см. Лаба
Чешско-Бродско 82	Эльзас 59, 188
Чешско-Моравская возвышенность 22—24, 26	Этрурия 123, 124
Чешско-Саксонская Швейцария 23	этруски 126
Чимелице 136	
	Южно-Чешский бассейн 25
	Южно-Моравская равнина 44
	Южно-Чешская равнина 26
	Яворники 24
Шарка 44, 49, 64	языги 164, 165
швабы 149	Яромержице 44
	Ярославице 44

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие.....	3
------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Первобытное время

Введение	17
Глава I. Геологическая история чешских земель	20
Глава II. Первые люди на территории Чехии	30
Глава III. Первые поселения	38
Глава IV. От охоты к земледелию	48
Глава V. Век металла. От матриархата к патриархату	58
Глава VI. Бронза. Промышленность и торговля	69
Глава VII. Первые народы. Протокельты и протославяне	77
Глава VIII. От бронзы к железу. Конец древнейшей истории Чехии	92
Заключение	110

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Чешские земли и античный мир

Введение	117
Глава I. Первые письменные источники	119
Глава II. Кельтизация чешских земель	123
Глава III. Бои	128
Глава IV. Страдоннице	136
Глава V. Период упадка боев	144
Глава VI. Держава Маробода	149
Глава VII. Чешские земли под властью Римской империи	163
Глава VIII. Германцы и чешские земли	172
Глава IX. Поздняя латенская культура. Исчезновение боев	181
Глава X. Культура римских провинций	187
Глава XI. Славяне	191
Глава XII. Период упадка Римской империи	209
Глава XIII. Падение Рима. «Переселение народов»	220
Глава XIV. Конец древнего периода истории Чехии	235
Заключение	240
Именной указатель	242
Этно-географический указатель	244

НБ ПНУС

309334

50420.

Редактор *Л. З. ПОЛЯКОВА*

Художник *Г. И. Мануйлов*

Технический редактор *Б. М. Ильин*

Корректор *Н. А. Булгаков*

Сдано в производство 23/X 1951 г.
Подписано к печати 14/XII 1951 г.
A09860. Бумага 60 × 92¹/₁₆ = 7,9 бум. л.
15,8 печ. л.

Уч.-изд. л. 16,7. Изд. № 6/1305.

Цена 13 р. 85 к. Зак. № 23.

Отпечатано во 2-й типографии
Издательства Академии Наук СССР,
Москва, Шубинский пер. 10 с набора
Первой Образцовой типографии
им. А. А. Жданова